

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ
ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Четвёртая книга

Симферополь
2020

ББК63. 3(2722. 78)

С60

Редакционный совет: **Куликов С. Д., председатель,**
Лобов О. В., Макаренко С. И., Романов Н. Н.,
Рябчиков Л. А., редактор изданий проекта

Творческий коллектив проекта выражает признательность за поддержку и помощь в подготовке издания Крымскому региональному координационному совету сторонников партии «Единая Россия», Крымской литературной академии, Крымскому региональному отделению Литературного общества писателей России, Государственному комитету по делам архивов Республики Крым, редакции газеты «Крымские известия», ГУП «Черноморнефтегаз»

*Одобрено Издательским советом; издано при поддержке
Министерства внутренней политики, информации и связи
Республики Крым на средства республиканского бюджета*

С60

Солдаты Победы. На трудовом фронте. Дети военной поры.
Четвёртая книга / Редактор-составитель Рябчиков Л. А. –
Симферополь, 2020. – 328 с. : фото.
ISBN 978- ББК63.3(2722.78)

Книга «На трудовом фронте. Дети военной поры» продолжает серию изданий проекта «Солдаты Победы». Она посвящена тем, кто ковал Победу в Великой Отечественной войне, создавая в тылу всё, что было необходимо Красной Армии и Военно-морскому флоту СССР для того, чтобы остановить ненавистного врага, измотать его силы, погнать назад, на запад, и добить в его логове, в Берлине. Не досыпая, не доедая, труженики тыла всё сделали для того, чтобы у советских солдат и моряков было перво-классное оружие, чтобы его было в достатке и чтобы в достатке у них было продовольствия. Рядом с матерями, сёстрами и дедами эту ударную вахту несли и подростки. Когда оккупанты были изгнаны с родной земли, те же женщины, старики и дети военной поры во время, свободное от работы на заводах и в поле, от учёбы, разбирали развалины разрушенных городов и селений, разминировали улицы и сельхозугодия, восстанавливали предприятия, детские сады, школы, больницы. В книге показана исключительно значимая роль в беспримерно быстром возрождении пострадавших от войны регионов Черкасовского движения, возникшего в героическом Сталинграде и сразу же воспринятого в Ленинграде, Севастополе, Керчи, других городах. Хроника событий, очерки, зарисовки, включённые в книгу, повествуют, как это происходило в Крыму, кто служил примером и вдохновлял крымчан на самоотверженный труд. Издание, как и предыдущие тома, адресовано в первую очередь вступающему в жизнь поколению, чтобы углубить его представление о подвигах, которые совершало в схватке с фашизмом старшее поколение нашей страны не только на полях сражений, но и на трудовом фронте.

ISBN 978-

© **Рябчиков Л. А.** редактор-сост., 2020

КОГДА ВСЯ СТРАНА СТАЛА ФРОНТОМ

В романе «Живые и мёртвые» – первой части эпопеи Константина Симонова о Великой Отечественной войне, а особенно сильно в фильме, снятом по нему, звучат слова старого рабочего: «Если бы нам сказали, что у Красной Армии чего-то не хватает, мы бы потуже затянули пояса, но дали бы ей всё, что надо». Сказанное им очень точно передаёт мысли и настрой тех, кто на трудовом фронте, не жалея сил, делал именно это и даже значительно больше, чтобы на передовой было всё, что нужно для противостояния врагу, вооружённому до зубов и начинённому ненавистью к советской стране, к советским людям, которые, как им вбили в голову их фашистские вожди, вовсе не люди, а нелюди, низшая раса, подлежащая или истреблению, или вымиранию на каторжных работах.

На предприятиях, а в первый военный год на площадках под открытым небом, на которых было установлено вывезенное из западных регионов оборудование, женщины, старики и подростки по 12–14 часов вытачивали корпуса снарядов и мин, детали танков, самолётов, орудий, а из них по соседству неумоимо собирали эту технику и тут же отправляли её на фронт. Отстояв долгую сме-

ну, эти труженики, как бойцы на позициях, опускались на пол и проваливались в сон. Со временем, приспособившись к обстановке, они добирались до своих кроватей, но утром точно в срок заступали на вахту и старались за смену выполнить норму двух смен. Удивительно, они так распорядились своими весьма скромными заработками, что всякий раз часть его передавали в фонд обороны или на строительство танковых колонн, самолётов. И это делали в Крыму и рабочие, и колхозники, и служащие, о чём тоже рассказано в книге.

Интересна, в том числе и в этом смысле, история пионеров, прибывших на вторую смену в «Артек» в 1941 году. Для некоторых из них эта смена продлилась 1301 день, потому что, как и другие группы эвакуированных людей, они следовали на восток, пока не добрались до Алтая. На остановках в пути ребята работали на погрузке, на уборке урожая. Весь свой заработок они передавали в фонд обороны. Об этом доложили Сталину, и он прислал им телеграмму с выражением благодарности.

Поразительно мужество и человеколюбие медицинского персонала евпаторийского санатория для больных костным туберкулёзом детей, который смог в хаосе первого года войны доставить лежачих пациентов на Кавказ, найти подходящее для них помещение, обеспечить питанием и уберечь большинство ребят от произвола оккупантов.

Потрясает и повествование о том, как руководство Узбекской ССР и жители Ташкента организовали приём воспитанников эвакуированных детских домов и потерявшихся в пути детей, которых надо было накормить, пролечить и разместить так, чтобы все были согреты теплом и окружены вниманием.

Сжимается сердце при прочтении дневника ленинградского школьника, рассказывающего о буднях блокированного города, делающего доскональный разбор ежедневного

«меню» его семьи. Подросток возглавлял группу таких же, как он, ребят, которая следила за порядком в их районе, тушила зажигательные бомбы. Но он не написал ни строчки об этом опасном поручении, при выполнении которого и погиб. Школьник хорошо понимал, что жизнь каждого блокадника зависит от скудного пайка, и именно этому уделил внимание, словно догадывался, что его дневник станет документом о трагическом и героическом времени Ленинграда и ленинградцев.

При подготовке книги было сделано достаточно много открытий. Например, мы узнали, что коренной крымчанин причастен к созданию ядерного щита страны и был включён академиком Курчатовым в секретный список 104 отечественных физиков-ядерщиков.

Существенную помощь творческому коллективу издания оказал Государственный комитет по делам архивов Республики Крым, предоставив возможность познакомиться с лучшими работами проведённых им конкурсов на тему «Судьба моей семьи в судьбе Отечества». Назовём тех, из чьих сочинений были использованы в книге факты или ориентиры для поиска сведений о героях той поры. Многие из конкурсантов уже закончили школу и, возможно, продолжили дело своих прадедов и прабабушек, которыми гордятся. Перечисляем по алфавиту: Аблямитова Алие из Новоульяновки Черноморского района, Бирюков Матвей из Межводного, Ганичева Диана из Водопойного, Евдокименко Егор из Зелёной Нивы Краснопереконского района, Карпенко Матвей из Армянска, Козлова Владислава из Симферополя, Колодяжный Николай из Джанкоя, Макарова Александра из Ялты, Факидова Фераде из Белогорска, Челядинов Роман из Верхоречья Бахчисарайского района.

Использованы также материалы, размещённые в Интернете. Цитируются фрагменты «Крым 1941–1945. Хроника», составленная историком Иваном Петровичем Кондрановым.

***Редакционный совет изданий
«Солдаты Победы»***

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ: НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ. ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

КРЫМ. ХРОНИКА ВОЕННЫХ ЛЕТ

С началом войны жизнь Симферополя сразу изменилась и полностью подчинилась военному времени. Вся промышленность города перестроилась на выпуск продукции для нужд армии и флота. Швейники и обувщики теперь шьют только обмундирование для солдат. Завод имени Куйбышева, который ранее специализировался на производстве оборудования для пищевой промышленности, выпускает мины и миномёты. Численность мужского населения в Симферополе заметно уменьшилось. Только в первые два дня войны в симферопольский военкомат поступили четыре тысячи заявлений о приёме в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Немцы продвигаются стремительно. 24 июня ими взят Вильнюс, 28 – Минск, 30 – Рига и Львов. В июле наши войска оставили Кишинёв и Смоленск. 5 августа началась оборона Одессы. Всё ближе и ближе фашисты подбираются к Крымскому полуострову...

С начала июля Симферополь регулярно подвергается ночным авианалётам. Бомбят в основном окраины города – дороги на Севастополь, Феодосию и железнодорожный вокзал. Правда, пока на территорию вокзала не упала ни одна бомба: или разведывательные данные у немцев не очень точные, или наша маскировка очень хорошая.

Закончилось лето. Ветер срывает с деревьев жёлтые листья и устилает ими улицы Симферополя. На календаре октябрь. Уже занят фашистами Киев. Ленинград в блокаде. Враг всё ближе и ближе подбирается к Москве, столице нашей Родины. Ещё в конце сентября гитлеровцы взяли Армянск. Потом были жестокие бои за Ишуньские позиции: наши устояли, и пока затишье, как перед бурей... Немцы готовятся к новым решительным атакам на Крымский полуостров.

Из книги Татьяны Керусовой «Старые фото»

Для борьбы с диверсантами и шпионами были сформированы 155 подразделений народного ополчения, 628 групп самозащиты, 70 взводов противопожарной охраны, 30 истребительных батальонов в составе 166 тысяч человек.

На керченском заводе имени Войкова наладили выпуск противотанковой зажигательной смеси, морских заграждений против подводных лодок, металлических колпаков для дотов, миномётов, снарядили бронепоезд. Вместо кроватей, топоров, сковород завод севастопольской промартели «Молот» начал производство гранат.

Хлеб для фронта

Как и во всей стране, тысячи женщин Крыма, заменяя ушедших на фронт мужей, братьев, отцов, сыновей, овладевали новыми для них специальностями. В рыболовецких колхозах были организованы девять женских бригад. На металлургическом заводе в Керчи для них открылись курсы

по подготовке подручных сталеваров, горновых, машинистов кранов и других. 1500 колхозниц прошли ускоренные курсы и заменили трактористов, мобилизованных в армию. При помощи студентов, школьников, домохозяек обильный урожай 1941 года был собран.

Во всенародном движении по созданию фонда обороны население Крыма приняло самое активное участие. Крымчан к этому призвал писатель С. Н. Сергеев-Ценский, который сам сделал взнос в размере 10 тысяч рублей и на 15 тысяч рублей облигаций. В этот фонд поступали деньги, облигации, драгоценности. Одной из первых работница одного из заводов Севастополя Агафонова сдала: «колечко 84 пробы венчальное; подстаканник серебряный, мужу на рождение подарок; часы позолоченные с цепочкой, именные – сыну от Осоавиахима премия; серьги и браслет золотой с камушками – дочери к свадьбе...» Для спасения жизни раненых воинов тысячи людей добровольно сдавали кровь, только в Севастополе так поступили 2500 женщин. Санатории и дома отдыха Южного берега стали базой для создания госпиталей. 17 августа в комсомольско-молодёжном воскреснике по неполным данным приняло участие свыше 65 тысяч юношей и девушек. Заработанные ими 450 тысяч рублей были перечислены в фонд обороны. Около 3 млн. рублей, много золотых и серебряных изделий, облигаций государственных займов на сумму свыше 6 млн. рублей внесли в фонд обороны трудящиеся Севастополя, более 250 тысяч рублей – рабочие и колхозники Джанкойского района.

В развернувшемся по всему полуострову строительстве оборонительных сооружений участвовали все, кто мог держать лопату. Особенно важно было укрепить Перекопский перешеек и Севастополь. В очень короткий срок здесь возникли противотанковые препятствия, долговременные огне-

вые точки, пулемётные гнёзда. С керченского завода имени Войкова на фронт под Перекоп рабочие отправили бронепоезд «Войковец». 31 октября он уже вступил в бой и уничтожил две роты противника. Потом он двинулся к Севастополю. В пути завязался бой. Под бомбёжкой пришлось ремонтировать разбитые пути. Тяжело раненный командир бронепоезда майор Баранов руководил боем, пока не потерял сознание. В госпитале из его тела извлекли два десятка осколков мин. В Севастополь из Керчи был отправлен ещё один бронепоезд – «Горняк».

Севастопольские рабочие построили в Казачьей бухте плавающую батарею «Не тронь меня!», которая сыграла большую роль в обороне города – была по врагу почти до завершения обороны.

В середине сентября завершилось формирование второго – тылового рубежа обороны Севастополя протяжённостью 19 километров и глубиной до 600 метров. На этом рубеже воздвигли

28 железобетонных дотов с морскими орудиями, 71 пулемётный дот и дзот, отрыты более 90 окопов, 5 командных пунктов, противотанковый ров протяжённостью более 30 километров, ходы сообщений и землянки.

С приближением вражеских войск началась эвакуация. Вывозили скот, зерно, оборудование заводов, драгоценную коллекцию массандровских вин, культурные ценности. В организованном порядке были эвакуированы в тыл около 200 тысяч человек. Эвакуация проходила в очень сложных условиях – при бомбёжках, обстрелах и острой нехватке транспорта.

Под непрерывными бомбёжками строилась линия оборонительных сооружений вокруг Керчи. А в это время на станцию Керчь-II с Перекопа стали прибывать платформы с выведенными из строя танками, автомашинами, пушками. И срочно были организованы производства по возвращению военной техники в строй.

С июля по октябрь крымские предприятия направили на фронт 7 бронепоездов, 2800 82- и 50-миллиметровых миномётов и 130 тысяч мин к ним, 40 тысяч противотанковых и 150 тысяч противопехотных мин, 340 тысяч гранат. В здравницах ЮБК были развёрнуты более 50 госпиталей.

В ноябре в Севастополе оставшееся оборудование Морзавода и эвакуированной из Симферополя «Химчистки» переместили в штольни Троицкой балки и на нём наладили производство миномётов, мин, гранат и другого оружия. В подвалах Инкерманского завода шампанских вин наладили пошив обмундирования и обуви для защитников города. На заводе «Молот» , производящем мины и снаряды, по почину комсомольцев развернулось движение «пятисотников», обязавшихся за рабочую смену выполнять норму пяти смен. Оно быстро распространилось на другие предприятия. За декабрь предприятия города отправили на передовую 429 миномётов, 52 тысячи мин, 20 тысяч ручных гранат, было отремонти-

ровано много орудий, танков, автомашин и другой военной техники.

В отбитой у врага в конце 1941-го – начале 1942 года Керчи городской комитет обороны обратился к горожанам: «Рабочие и работницы, работники интеллигентного труда! Призываем вас в ответ на яростные вражеские бомбардировки по примеру патриотов Москвы, Ленинграда и Севастополя ответить ещё большим повышением производительности труда, ещё большим укреплением дисциплины, соблюдать спокойствие и организованность, обеспечивая и впредь нормальную работу своих предприятий, учреждений и организаций, работать не покладая рук, днём и ночью, давать ещё больше продукции для фронта».

Всё для Победы!

К середине января практически все предприятия Керчи приступили к выполнению заказов фронта. На заводе имени Войкова, в промыслово-кооперативных артелях, на табачной

фабрике был налажен ремонт боевой техники, выпуск различного военного снаряжения, на судоремонтном заводе приступили к ремонту военных судов.

За образцовое выполнение заданий по укреплению обороны и защиты Севастополя командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский 29 января наградил группу жителей города, в том числе орденом Красной Звезды – директора «Водоканала» Н. Г. Семенюшкина, работницу спецкомбината №1 А. К. Чаус, медалью «За отвагу» – машиниста паровозного депо Г. В. Прудникова и дежурного электромонтёра подстанции Е. И. Гуленкову, медалью «За боевые заслуги» – домохозяйку Л. А. Ракову и других.

Горком комсомола Керчи ежедневно направлял в помощь медперсоналу госпиталей до 150 юношей и девушек. Молодые керчане собрали и передали в госпитали 15 тысяч предметов разного назначения, полторы тысячи тарелок, кружек и другой посуды, более полутысячи книг.

С ноября 41-го по январь 42-го книжные магазины Севастополя продали его защитникам и жителям около 100 тысяч книг и 20 тысяч плакатов.

Более 7400 человек приняли участие в городском молодёжном воскреснике в Керчи 15 февраля. Многие несли стахановскую вахту на своих рабочих местах. Заработанные 75 тысяч рублей переданы на строительство танковой колонны имени ВЛКСМ.

Севастопольская центральная библиотека в этот период направила на передовую и в убежища 68 передвижных библиотечек, более 30 передвижных художественных стендов и книжных выставок. Проведены литературные вечера, посвящённые творчеству Пушкина и Чехова.

В Керчи продолжались работы по введению в строй выведенных из неё предприятий. Восстановлены пекарни, значительную часть испечённого хлеба отправляли в воинские

части. Жителям города по карточкам стали выдавать сахар, рыбу, мясо. Открылись столовые и в первую очередь на предприятиях. Возобновили работу больница и три поликлиники, пункт скорой медицинской помощи, аптеки.

28 февраля Керченский горком партии принял решение об увековечивании памяти юного партизана пионера Володи Дубинина, погибшего при выполнении боевого задания. Его именем названы улица и школа, где он учился.

В Севастополе в эти февральские дни отличились пионеры Вера и Витя Снитко. С риском для жизни они затушили возле стратегически важного объекта сброшенные врагами два десятка зажигательных бомб. За проявленную отвагу они награждены медалями «За боевые заслуги».

За период с января по март 1942 года на керченских предприятиях для фронта отремонтированы 150 автомашин, более 50 танков и тягачей, 60 судов, 100 орудий, 30 миномётов, 40 походных кухонь, изготовлены 4 тысячи котелков, несколько тысяч алюминиевых ложек, вёдер и умывальников.

За это время Севастопольская станция переливания крови передала фронту 800 литров крови, из которых 450 отдали местные доноры, а остальные – доноры Кавказа.

12 апреля комсомольцы и молодёжь Керчи провели воскресник по сбору металлолома и собрали 753 тонны чёрного и 18 тонн цветного металла, а также большое количество трофейного оружия, боеприпасов и снаряжения.

По данным на апрель, в Керчи собраны 300 тысяч рублей на строительство танковой колонны. На предприятиях города отремонтированы 7 тысяч винтовок, 215 пулемётов, несколько военных кораблей. Колхозы Керченского полуострова передали в воинские части 1100 тонн мяса.

Чем дальше уходит в прошлое Великая Отечественная война, чем меньше остаётся её ветеранов и людей, переживших ужасы и лишения, которые она принесла, тем больше

объявляется тех, кто преднамеренно или ради сенсации пытается исказить правду о ней или представить свои версии тех или иных эпизодов этой героической трагедии. С подачи этих интерпретаторов и Крымская наступательная операциях, завершившаяся за год до Победы 9 мая 1944 года взятием Севастополя, сейчас представляется многим этакой прогулкой на танках, освобождающих один за другим города, посёлки, сёла. И, действительно, в скупых строках хроники зафиксировано, что, например, 13 апреля советские моторизованные части освободили Старый Крым, Симферополь, Саки, Евпаторию, Феодосию, Карасубазар (то есть Белогорск). Говоря современным языком, это очень круто. Но произнести эти слова язык не повернётся, если помнить о тяжёлых кровопролитных боях, предшествовавших освободительному маршу.

Крым, именуемый орденом на груди планеты, второй Ривьерой, для верхушки Третьего рейха был прежде всего родиной предков – Готландом, который Гитлер намеревался заселить чистокровными арийцами и превратить в курорт для ээсовский элиты. Как известно, в III–IV веках полуостров был захвачен готами, на нём было образовано готское государство. Под ударами гуннов оно пало. Часть готов ушло на запад, за Дунай, став основой германских племён. Оставшиеся долго занимали заметное место среди населения полуострова, пока не смешались с новыми народами, вторгшимися в Крым. Но германский дух в нём остался, считал склонный к мистике фюрер, и он приказал Готланд не сдавать, удерживать во что бы то ни стало, до последнего солдата.

Такова была установка, и соответственно все подступы к Крыму были перекрыты мощными оборонительными сооружениями. Командующий 17-й немецкой армии Э. Еннеке уверял: «В мире нет такой силы, которая была бы способна прорвать немецкую оборону на Перекопе и Сиваше» В его распоряжении было более 200 тысяч солдат и офицеров,

3600 орудий, более 200 танков и самоходных орудий, около 300 самолётов, 7 эсминцев и миноносцев, 14 подлодок, три десятка торпедных катеров.

При подготовке операции советским командованием это учитывалось, и при проведении её поэтапно решались по крайней мере три задачи. В частности, требовалось запереть 17-ю армию вермахта и румынские войска на полуострове, не дать возможности перебросить эти силы против 4-го Украинского фронта, ведущего тяжёлые бои в степях под Мелитополем, а потом, когда придёт время, ликвидировать эту группировку. Ещё 31 октября 1943 года сформированная в начале войны в Крыму 51-я армия под командованием Я. Крейзера вышла к Сивашу и на Перекопский перешеек, а на другой день, взаимодействуя с 19-м танковым корпусом, пробила укрепления врага на Турецком валу и завязала бои за Армянск. Одновременно при сильном шторме высадились десанты в районе Эльтигена и северо-восточнее Керчи. 58 десантников, совершив в боях на плацдармах подвиги, были удостоены звания Героя Советского Союза, а месяц спустя этой наградой были отмечены ещё 126 воинов Отдельной Приморской армии, закрепившейся на Керченском полуострове. Эльтигенский десант, совершив рейд по тылам врага, ворвался в Керчь и захватил в центре города гору Митридат, но вынужден был отступить в предместье, откуда его переправили в Тамань. Дальнейшие попытки развить наступление и на севере, и на востоке полуострова в тот раз результата не дали.

Для планирования и координации действий Ставка Верховного Главнокомандующего направила на Керченский плацдарм маршала К. Ворошилова, а позже на Сиваш был командирован маршала А. Василевский. Москва поставила задачу начать наступление 4 марта, но подвела погода.

А. Василевский доложил Главнокомандующему И. Сталину: «Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабо-

чего состояния дороги... При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни».

Но вот солнце и ветра подсушили землю. И 30 стрелковых дивизий, две бригады морской пехоты общей численностью около 470 тысяч солдат и офицеров, более шести с половиной тысяч орудий, свыше 550 танков и самоходок и сосредоточенные на полевых аэродромах 1250 самолётов пришли в движение. 8 апреля после мощной артподготовки, длившейся два с половиной часа, 2-я гвардейская и 51-я армии 4-го Украинского фронта прорвали оборону врага на Перекопском перешейке. Лейтенант П. Карелин закрыл грудью амбразуру дзота, дав бойцам возможность ворваться во вражеские траншеи и освободить Армянск.

Успех войск 4-го Украинского фронта и выход их к Джанкою вынудил немецкие войска, обороняющие Керчь, отступить на юг, чтобы не оказаться в окружении. В шесть часов утра 11 апреля Керчь была освобождена. В тот же день советские войска овладели Джанкоем. 12-го и тоже в шесть утра, перейдя вброд Каркинитский залив с одной стороны и озеро Старое с другой, части 87-й гвардейской и 126-й стрелковой дивизий взяли Красноперекопск. Таким образом, глубокоэшелонированная оборона противника была вдребезги разбита, и путь вглубь полуострова и на ЮБК открыт. Противник отходил по направлению к портовым городам, но перед уходом повсеместно демонстрировал свой звериный оскал.

Разведчики партизанских отрядов рассказывали, что получили от агента сообщение о намерении гитлеровцев ликвидировать всех, кто томился в тюрьме в Старом Крыму. Ночью партизаны пробрались в город и, перебив охрану, освободили узников. Тут же карательная команда была направлена в жилые кварталы. Фашисты врываются в дома, убивая стариков,

женщин, детей. Вступившие утром в город подвижные части Приморской армии и партизаны увидели страшную картину – 584 жертвы этих зверств.

Свиристествовало гестапо и в Симферополе. В начале 1944 года СД раскрыло несколько групп подпольщиков. «Ещё в декабре, – вспоминал бывший член подпольной молодёжной организации В. Долетов, – гестаповцы арестовали Борю Хохлова... Зверски пытали, травили собаками, но он никого не выдал... Погиб в фашистских застенках Володя Ланский. Фашисты схватили и Зою Рухадзе. Её изувеченное тело с выколотыми глазами обнаружили среди уничтоженных советских людей в Дубках, под Симферополем». Казнены были артисты из подпольной группы «Сокол», созданной Н. Барышевым в драматическом театре. Планы же у фашистов были ещё более людоедские. Они собирались стереть Симферополь с лица земли. По словам В. Долетова, «все предприятия, линии электропередач, мосты, склады были начинены взрывчаткой. Подпольщикам удалось составить карту заминированных объектов. Для спасения города из леса были направлены две группы партизан... Все в немецкой форме и с немецким оружием». Первым делом они захватили почтамт, в подвале которого был установлен рубильник, от которого тянулись провода ко всем объектам, «приговорённым» к уничтожению. По проводам партизаны и пошли по всем направлениям. По пути захватили легковой автомобиль. На нём быстрее добрались до заминированных 2-й горбольницы, маслозавода, консервного завода имени 1 Мая. Отстреливали факельщиков, поджигавших здания. Сняли мины с Архивного моста. Очень важно было разминировать Феодосийский мост. И это тоже удалось. И по нему в полдень 13 апреля 1944 года въехал в Симферополь первый советский танк.

Впрочем, есть и другая версия, что первыми в город въехали танки 19-го танкового корпуса со стороны железнодорож-

ного вокзала. Но, так или иначе, они взяли Симферополь без боя, исключив тем самым разрушения в нём.

Тем, кто подзабыл, напомним, что освобождали столицу Крыма 79-я танковая бригада полковника П. Архипова, 101-я танковая бригада подполковника М. Хромченко, 26-я мотострелковая бригада полковника А. Храповицкого, 6-я гвардейская танковая бригада полковника В. Жидкова (все – из 19-го танкового корпуса полковника И. Поцелуева), 279-я стрелковая дивизия генерал-майора В. Потапенко, лётчики 1-й гвардейской истребительной дивизии полковника С. Пруtkова, 6-й гвардейской истребительной дивизии полковника И. Гейбо, 265-й истребительной дивизии полковника А. Корягина, зенитчики 18-й зенитно-артиллерийской дивизии полковника С. Кальченко. Участвовали также части 65-го стрелкового корпуса генерал-майора, будущего маршала дважды Героя Советского Союза П. Кошерева, 202-я танковая бригада полковника М. Феценко, 867-й самоходный артполк майора А. Свицерского и 52-й отдельный мотоциклетный полк. Вместе с войсками освобождали город партизаны 1-й бригады Северного соединения под командованием Ф. Федоренко, а также подпольщики под руководством А. Косухина и В. Бабия. По приказу Верховного Главнокомандующего всем этим войскам была объявлена благодарность, 11 частям и соединениям присвоено наименование «Симферопольских».

Восстановление хозяйства Крыма началось уже во время освобождения полуострова. За два с половиной года население полуострова сократилось почти в три раза, с 1126 тысяч до 379 тысяч человек. Более 135 тысяч советских людей были расстреляны и замучены фашистами, 85,5 тысячи угнаны в немецкую неволю. В руинах лежали Севастополь, Керчь, 127 крымских сёл и деревень были полностью сожжены фашистами. Разрушены или повреждены свыше 300 промышленных предприятий, 37 тысяч жилых зданий, 15 музеев,

590 клубов, домов культуры и театров. Оккупанты разграбили колхозы, совхозы, МТС, вырубали многие парки на Южном берегу Крыма. За годы оккупации были уничтожены 9597 га садов и виноградников, вывезены в Германию свыше 127 тысяч голов крупного рогатого скота, 86,4 тысячи свиней, 898,6 тысячи овец и коз. Вывозили даже чернозём. Общие материальные потери Крыма составили 20 млрд. рублей (в довоенном исчислении). Для ликвидации последствий войны нужны были огромные средства, самоотверженный труд людей. А война ещё продолжалась.

Развалины Севастополя

«Газета «За Родину» 7 ноября 1944 года писала о результатах полевых работ в хозяйствах Красногвардейского района: «Уборка в основном проведена за 20 рабочих дней. Впервые за последние годы нам пришлось убирать вручную 475 га зерновых, а 1734 га других культур простейшими уборочны-

ми машинами». То же самое происходило и в колхозе имени Молотова, – рассказывал в своей книге о знаменитом колхозе «Россия» (в прошлом имени Молотова) этого же района его летописец-историк поэт Николай Готовчиков. – Там собрали трофейный дизелёк, которым стали качать воду из скважины, давать свет в село, правда, всего до 10 часов вечера.

По годовому отчёту за 1944 год в колхозе числились 95 работоспособных колхозников, объединённых в 3 бригады – полеводческую, огородную и виноградарскую. В животноводстве работали 2 доярки, скотник, свинарь, чабан. Имелись в наличии 21 корова, 19 бычков, 26 свиней, 49 овец, 23 лошади; из инвентаря – 8 плугов, 8 лушильников, 2 опрыскивателя, 6 лобогреек. В том году с гектара собирали по 9 центнеров пшеницы и по 14,7 центнера ячменя. Надой на фуражную корову составил 470 литров молока.

Как и во многих хозяйствах, не хватало главного – рабочей силы, крестьянских рук. Ещё гремела канонада войны, как началось планомерное переселение с целью возрождения Крыма. Оно материально обеспечивалось государством: переселенцам предоставляли льготы, давали скот, освобождали от всех денежных налогов, страховых платежей, поставок государству сельскохозяйственных продуктов.

В первую очередь в Крыму надо было восстановить разрушенную железную дорогу, мосты, уложить рельсы. На это были направлены силы военно-строительных и железнодорожных частей. 24 апреля 1944 года мимо разбомблённых и обгоревших станций и полустанков к взорванному зданию симферопольского вокзала медленно подошёл первый товарный поезд. 5 ноября в Севастополь из портов Кавказского побережья вернулись корабли Черноморского военно-морского флота.

Был составлен список объектов, которые надо было восстановить в первую очередь: металлургический завод имени Вой-

кова, Камыш-Бурунский железорудный комбинат, Балаклавское рудоуправление имени Горького и другие. Судоремонтный завод в Керчи приступил к ремонту кораблей. Начались добыча строительного камня, песка, гравия, производство кирпича, потребности в которых были безграничны. Восстановлены и дали первый уголь Бешуйские угольные шахты, ныне законсервированные для будущих поколений. В октябре 1944 года начал выпуск станков Симферопольский завод имени Куйбышева, приступил к работе авторемонтный завод. Севастопольская ГРЭС-2 дала электричество Симферополю. Осенью этого же года на фронт пошла первая продукция консервного завода имени Кирова. В 1945 году завод выпустил 600 тысяч банок консервов. «Всё для фронта – всё для победы» – всё, что мог, делал искалеченный войной Крым.

«Мы начали с того, что вывели из Аджимушкайских каменоломен людей, которые выжили в нечеловеческих условиях, пережили блокаду, бомбёжки, газовые атаки фашистских оккупантов, – вспоминал в своей книге „Дороги мира и войны“ Наум Сирота, работавший в те года первым секретарём Керченского горкома партии. – Уже на следующий после освобождения города день – 12 апреля население смогло получить хлеб. В тот же день была подана вода, правда, в небольшом ещё количестве, по улицам разъезжала подвода с двумя бочками. Открылась столовая. В ней ни окон, ни дверей, на земляном полу – столы, а на них – дымящиеся миски с супом.

А люди всё прибывали и прибывали. Шли пешком, тащили на себе, везли на тачках скарб. К 1 мая в городе было уже 14 тысяч жителей. В Крыму ещё шли бои, доставка продуктов в Керчь была связана с большими трудностями. Выход мог быть только один – огородничество... И хотя апрель и май не лучшее время для посадки огороднических культур, нам удалось с возделанных площадей собрать 5746 центнеров овощей и зерна.

Сразу же после освобождения начался сбор средств на строительство танковой колонны. «Желая от всей души помочь нашей Красной Армии быстрее разгромить и изгнать врага», рабочий железорудного комбината Иван Андреевич Коваленко, бригадир рыболовецкого колхоза имени Ленина Алексей Ефимович Слонов внесли по пять тысяч рублей личных сбережений, врач камышбурунской больницы Ева Абрамовна Симсатьян – четыре тысячи. Коллектив медицинских работников во главе с Клавдией Кузьминичной Хотеевой внёс 45 тысяч.

В городе работала комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и установлению размера нанесённого ими ущерба. Она установила, что за два года в Керчи оккупанты расстреляли, повесили, отравили газами, сожгли и утопили в море около 15 тысяч мирных граждан, угнали в Германию на каторжные работы 14 тысяч человек. Общий ущерб, нанесённый фашистскими варварами городу и его населению, исчислялся двумя миллиардами довоенных рублей.

Разрушенный завод имени Войкова

...Город должен быть восстановлен руками самих керчан. Их вдохновлял пример сталинградцев, в частности, бригады Александры Черкасовой, многое уже сделавшей по возрождению из руин родного города. Первая черкасовская бригада состояла из 18 медицинских работников Ленинского района. Бригадиром стала кладовщица районной больницы Мария Алексеевна Додоненко. До войны она и её муж работали на заводе имени Войкова разметчиками. Немцы расстреляли её мужа при попытке бегства из-под ареста. Мария Алексеевна долгое время пряталась в каменоломнях... Бригада Додоненко восстановила больницу, детские ясли, молочную кухню, аптеку. Другие черкасовские бригады, образованные в Ленинском районе, восстановили детский сад, детясли, школу в посёлке Капканы, школы в посёлках Маяк и завода имени Войкова. Инициативу подхватили в других районах города. Для энтузиастов были открыты курсы, где известные в городе черкасовки Е. Ф. Мигель, А. М. Вдовцова, Е. М. Шумина, В. М. Дудик, Ф. С. Музыкина, Н. С. Гордиенко. Н. И. Абраменко, А. Ф. Чернуха и многие другие получили профессии штукатуров, плотников, кровельщиков, благодаря чему каждая бригада могла полностью восстановить здание.

13 августа была полностью восстановлена швейная фабрика, от которой оставалась только полуразрушенная каменная коробка. Выступая на собрании по этому случаю, директор предприятия сказал:

– Мы собрали 190 девушек и условились с ними, что, восстановив фабрику, они будут на ней работать... Этот молодёжный коллектив за короткий срок вывез около 1000 кубометров мусора, восстановил 2000 квадратных метров потолков и полов... Надо учесть то, что только 7 человек из 190 имели специальности строителей.

К зиме были восстановлены почти все промышленные предприятия республиканского подчинения. Полностью всту-

пила в строй рыбная промышленность Керченского полуострова. Успешно выполнил программу судоремонтный завод.

...В 1945 году к нам прибыли демобилизованные солдаты Н. С. Мансуров, Р. Н. Ващенко, Л. И. Ковалёв, Р. Г. Кулиев, С. В. Карапетян, В. Л. Чибану и другие. «Мы в десанте освобождали город от гитлеровцев, а теперь приехали его восстанавливать, – говорили они. – Много наших товарищей полегло здесь в тяжёлых боях. В память о них мы должны отстроить Керчь, чтобы стала она ещё краше, чем до войны».

Это движение охватило весь полуостров. Например, колхозники Зуйского и Тельмановского районов взяли своими силами восстановить школы к началу учебного года. Повсюду собирали средства на строительство танковой колонны и эскадрильи самолётов.

В мае были открыты курсы по подготовке инструкторов по разминированию. Все города и районы направили на них парней и девушек. 43 бригады общей численностью 1734 человека до конца войны проверили 80 процентов территории Крыма, выявили и уничтожили 778 тысяч мин и 159 тысяч снарядов.

Трудящиеся Москвы, Горького, Саратова, Куйбышева, Ташкента и других городов и сёл страны, отрывая от себя то, в чём сами нуждались, направляли в Крым продовольствие, одежду, обувь, медикаменты, станки, машины и другое. Например, труженики Дагестана, по почину колхозника Магомета Абакарова из аула Карша Лакского района, собрали по дворам и отправили жителям Севастополя 13 вагонов продуктов, скота, медикаментов и пять миллионов рублей.

Из других районов страны в Крым прибыли около 2,5 тысячи специалистов, в том числе 182 инженерно-технических работника, 86 агрономов, 103 ветврача и зоотехника, 650 механизаторов. Уже через месяц после освобождения Крыма

возобновились работы на 104 восстановленных предприятиях. В течение года предприятия консервной промышленности произвели 8 млн. банок фруктовых и овощных консервов, а винодельческие заводы выпустили 3 млн. литров вина. Развернулись работы по восстановлению Сакского и Красноперекского химических заводов.

Разминирование Керчи

В первые же месяцы после освобождения полуострова были заново созданы 920 колхозов, 102 совхоза и 47 МТС. Не хватало сельскохозяйственных машин и орудий, мало было рабочих рук. И все же весной 1944 года были засеяны 112,5 тысячи га зерновых. Активно включались в восстановление народного хозяйства прибывшие в Крым из других районов страны переселенцы. Уже к концу 1944 года сюда приехали свыше 17 тысяч семей – около 65 тысяч человек из других областей Российской Федерации и УССР.

Организованно и в срок собрав урожай 1944 года, труженики крымских сёл создали необходимые предпосылки для быстрого восстановления сельскохозяйственного производства. Были засыпаны семенные фонды, выполнены хлебопоставки, для Красной Армии сданы сверх плана 184 тысячи пудов хлеба. Колхозники, кроме денег, получили в среднем по килограмму зерна на трудодень. За самоотверженный труд на уборке урожая 58 передовиков сельского хозяйства области были награждены орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

5 июня газета «Правда» сообщила, что трудящиеся Крыма внесли 16220 тысяч рублей деньгами и 2950 тысяч облигациями государственных займов на вооружение для Красной Армии.

25 июня по восстановленному железнодорожному пути Симферополь-Севастополь из центральной России в город-герой прибыл первый грузовой состав.

16 июля газета «Красный Крым» проинформировала о том, что молодёжь Краснопереконского района передала в фонд помощи детям фронтовиков 45 тысяч рублей и большое количество предметов детской одежды.

6 августа специальным поездом из Казахстана в Симферополь возвратились преподаватели и студенты Крымского медицинского института. Находясь в эвакуации с осени 1941 года, институт выпустил 850 врачей.

В тот же день в Ялте торжественно открыли восстановленный театр имени А. П. Чехова.

Всё лето 1944 года на восстановлении разрушенного Севастополя безвозмездно трудились 76 черкасовских бригад. Особенно отличилась бригада комсомолки Ирины Червяковой, отработавшая две с половиной тысячи часов на восстановлении швейной фабрики.

5 ноября «Красный Крым» сообщил, что Л. И. Никитина из Симферопольского района внесла 100 тысяч своих лич-

ных сбережений на истребитель для дважды Героя Советского Союза пилота А. В. Алелюхина.

Крымская епархия перечислила в фонд обороны более 1 миллиона 200 тысяч рублей, собранных верующими и духовенством.

До конца 1944 года промышленность Крыма дала фронту и стране более 13 тысяч тонн рыбы, 3 миллиона литров вино-материалов, 130 тысяч бутылок шампанского, 8,2 миллиона условных банок консервов, свыше 400 тонн мяса, 9240 тонн молока, 110 килограммов розового и 8500 килограммов лавандового масла, 157 тонн табака.

В 1945 году колхозы и совхозы засеяли зерновыми 373,7 тысячи га, восстановили 18 тысяч га орошаемых земель. Развернулись работы по возрождению садов и виноградников. Несмотря на трудности военного времени. Советское правительство выделило для МТС Крыма 400 новых тракторов, 800 комбайнов, много другой сельскохозяйственной техники.

Трудящиеся Крыма оказывали посильную помощь Красной Армии, громившей врага. В её фонд добровольно сдавались сельскохозяйственные продукты. Успешно прошёл сбор средств на строительство танковой колонны «Героический Севастополь». На 55 млн. рублей приобрели трудящиеся области облигаций Третьего военного займа.

На восстановлении городов и сёл самоотверженно трудилось всё население. По почину Александры Черкасовой – бригадира сталинградской бригады строителей – повсеместно создавались добровольные черкасовские бригады из жителей городов и сёл, которые во внеурочное время трудились на их восстановлении. В 1944–1945 гг. в Крыму работали 885 таких бригад. В них участвовали 21 245 человек.

Освобожденный 9 мая 1944 года Севастополь лежал в руинах. Было разрушено 94% жилой площади, уничтожены все

промышленные предприятия, объекты инфраструктуры, мосты и вокзалы, жилые дома и коммуникации. Постановлением № 5477 от 26 апреля 1944 года Государственный Комитет обороны обязал создать специальную строительную организацию для восстановления Севастополя и объектов главной базы Черноморского флота – «Севастопольстрой». Десятки тысяч добровольцев со всей страны прибыли восстанавливать легендарный город. Это стало третьим трудовым подвигом города, за который он был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Многие из тех, кто работал на восстановлении зданий, были вчерашними выпускниками школ фабрично-заводного обучения. До прихода на объекты, они не имели никакой практики – только теория. В лучшем случае просто разбирали своими руками завалы. При строительстве здания драматического театра им. А. В. Луначарского только что прибывшие выпускники поставили стойки опалубки балок «вверх ногами»: клинья для регулировки опалубки основания балки были загнаны под потолок, а подкосы опирались о пол. Когда прораб увидел это, то даже не знал, как реагировать – смеяться или плакать.

Жили восстановители города кто где. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Так некоторые ютились в разрушенном здании института имени Сеченова, теперь Дом пионеров. Спали на чём попало. Нераскладной диван считался за роскошь, и на нём размещался прораб. Обычно на стройку все приходили к семи утра, а возвращались после девяти часов вечера. По воспоминаниям строителей, несмотря на трудные условия, работа шла быстро и споро. С самого утра, прихватив кирки и лопаты, приходили на объекты черкасовские бригады домохозяек. Они разгружали строительные материалы, очищали территорию вокруг здания от камней и мусора, вывозили его. В выходные дни к строящемуся зданию

обычно приходили коллективы промышленных предприятий и учреждений, которые вместе с моряками-черноморцами выполняли земляные работы, укладывали ступени наружных лестниц, возводили подпорные стенки.

В течение 1944–1945 гг. трудящиеся Крыма отремонтировали 381,3 тысячи кв. метров и построили 126,6 тысячи кв. метров жилой площади, восстановили 173 школы, 27 детских учреждений, 14 гостиниц. Наладили работу 216 промышленных предприятий и многих культурно-бытовых учреждений.

Патриотизм стал всенародным не только в годы Великой Отечественной войны, но и в мирное послевоенное время. Большинство промышленных предприятий было восстановлено и пущено в строй. В 1955 году область впервые в своей истории собрала миллион тонн хлеба. Посевные площади выросли на 30 %. Многие хозяйства добились высоких урожаев фруктов, винограда, овощей. Так, в совхозах «Коктебель» и «Судак» собрали по 150 центнеров винограда с гектара, а в звене Героя Социалистического Труда М. А. Брынцевой – по 305 центнеров. Радовали успехи животноводов. Область вышла на пятое место в стране по надою молока на фуражную корову. Количество овец достигло 680 тысяч голов. Значительные силы и средства были направлены на увеличение площадей орошаемых земель.

Татьяна Соболевская

СИМФЕРОПОЛЬ В 1944–1945 ГОДАХ

По материалам архивного фонда

В 1944–1945 гг. в условиях продолжавшейся войны трудящиеся Симферополя стали налаживать нормальную жизнь, восстанавливать сельское хозяйство, промышленные предприятия, коммунальное, жилищное хозяйства, больницы, учебные заведения. Симферопольский городской комитет ВКП(б), взяв на себя хозяйственные функции, практически руководил всей жизнью города.

В освобождении Симферополя вместе с частями Красной Армии приняли участие крымские партизаны. 13 апреля 1944 года в 2 часа ночи 17-й отряд «За победу» (командир Фёдор Захарович Горбий) и 19-й отряд «За Советский

Крым» (командир Яков Матвеевич Сакович) 1-й (6-й) бригады «Грозная» Северного соединения партизан Крыма под общим командованием Фёдора Ивановича Федоренко ворвались в Симферополь и начали уничтожать противника на его улицах. Днём на улицах Кирова и Чкалова партизаны соединились с советскими танкистами. На другой день, согласно приказу № 3 от 14 апреля 1944 года Северного соединения партизан, все важнейшие объекты Симферополя: телефон, телеграфная станция, Аянское водохранилище, больницы, склады, гаражи, фабрики, заводы, вокзал, магазины, мельницы – были взяты под охрану партизанских отрядов соединения. К 18 часам 16 апреля все отряды и бригады соединения сосредоточились в Симферополе (командир соединения П. Р. Ямпольский, комиссар Н. Д. Луговой). Многие партизаны влились в части Красной Армии продолжать борьбу до полного разгрома врага, другие включились в трудовую деятельность, возглавили работу партийных и советских органов, предприятий и колхозов. На ответственные должности были назначены более 300 партизан, например, П. Р. Ямпольский стал заместителем председателя СНК Крымской АССР, И. Г. Генов – наркомом социального обеспечения Крымской АССР, Х. К. Чусси – заместителем наркома коммунального хозяйства, К. К. Чусси – заместителем директора Симферопольского горторга. В. С. Булатов – начальник Крымского штаба партизанского движения – первые два месяца после освобождения города возглавлял Крымский обком ВКП(б).

Симферопольский горком ВКП(б) возглавил Серафим Владимирович Мартынов, бывший до войны секретарём этого же горкома, а во время войны – комиссаром партизанского движения Крыма. 25 мая 1945 года его сменил П. Ф. Тюляев, вторым секретарём утверждён М. В. Романов, третьим – В. Б. Курбасов.

Документы свидетельствуют, что город понёс огромные материальные и людские потери. В Симферополе до оккупации проживало 150 тысяч жителей, на 28 мая 1944 года насчитывалось 67319 человек. Для определения потерь и ущерба была сформирована городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

Интересно, что продолжительность рабочего дня Крымского обкома ВКП(б) составляла 13 часов в сутки, о чём свидетельствует приказ секретаря обкома Берёзкина от 17 мая 1944 г., установивший рабочий день с 10 до 16 час., обеденный перерыв с 16 до 18 час. и далее работа с 18 до 01 часа. Такого же распорядка дня обязаны были придерживаться горкомы, райкомы и учреждения.

Учитывая, что руководящие работники длительное время не пополняли свои теоретические знания, Крымский обком ВКП(б) принял решение об открытии областной одногодичной партийной школы, в которой приступили к занятиям 20 декабря 1944 года 122 слушателя. 16 октября 1944 г. начались занятия в Симферопольском вечернем университете марксизма-ленинизма, на два его факультета – исторический и философский – были зачислены 163 слушателя.

Из документов видно, что первым делом горком занялся мобилизацией населения на восстановление народного хозяйства, для чего был проведён учёт всего трудоспособного населения от 16 до 55 лет; было дано указание управдомам составить списки не занятых на производстве граждан. Симферопольским властям поручалось мобилизовать тысячу человек на восстановление Керчи, 200 человек – Севастополя, в Алуштинский район на работу в сельском хозяйстве – тысячу человек, в Бахчисарайский район – 2 тысячи, в совхоз «Крымская роза» на уборку эфиромасличных культур – тысячу человек, на работу в «Крымэнерго» – 300 человек.

Людские ресурсы требовались и фронту. Весной 1944 года Симферопольский городской военкомат проводил призыв в Красную Армию юношей 1927 года рождения.

В июне 1944 года пленум Крымского обкома партии утвердил меры «по обеспечению ухода за сохранившимися озимыми посевами, по уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов». Симферополь послал на уборочную 2100 человек и 900 школьников старших классов. План по сбору зерна был перевыполнен. Армия также участвовала в уборочной. Сохранился документ от 29 сентября о представлении Совнаркомом Крымской АССР и обкомом ВКП(б) за участие в уборке урожая к награждению правительственными орденами и медалями 52 офицеров, сержантов и рядовых Отдельной Приморской армии.

В пригородной полосе Симферополя сохранились неразрушенными несколько хозяйств. В совхозе имени И. В. Сталина 59 га земли были заняты зерновыми и овощами, сохранилось парниковое хозяйство, 13,6 га фруктового сада, 72 улья, 13 трофейных лошадей. Сохранилось учебно-опытное хозяйство «Салгирка», как указано в докладной записке Городского райкома ВКП(б) от 20 апреля 1944 г., в период оккупации снабжавшее продуктами казино немецкого отдела областного сельхозуправления. На территории сохранились: большой и малый корпус, 3 жилых дома, конюшня, коровник, водяная мельница, хлебопекарня, кузница, плотницкая. Пахотной земли 45 га, в т. ч. 12 га сада и 5,4 га виноградника. В хозяйстве работало 78 человек. Эфиромасличный комбинат «Крымская роза» в мае 1944 года наладил работу трёх своих заводов в Симферополе, Зуе, Сарабузе.

Большой ущерб был нанесён промышленности города. До войны в Симферополе было 130 предприятий, артелей, мастерских, на которых работало 17500 человек, выпускавших продукции на 240 млн. 800 тыс. рублей. Были разрушены

до основания: мотороремонтный, авторемонтный заводы, машиностроительный завод им. Куйбышева, все три швейные фабрики, кожевенно-обувной комбинат, взорваны заводы «Трудовой Октябрь» и «Серп и молот».

В оставшийся без электроэнергии Симферополь 8 мая 1944 года прибыл энергопоезд мощностью 1200 кВт. Его установили на территории кожевенно-обувного комбината, и со 2 июля он стал подавать энергию, но всего по 8 часов в сутки. Работы по восстановлению силовой и осветительной электросети проводил трест электроснабжения.

Картину жизни освобождённого города дополняют документы о снабжении населения хлебом. Так, например, в докладе секретаря Железнодорожного райкома ВКП(б) Н. И. Александровой указано, что хлебозавод, выпускавший до войны 100 тонн хлеба в сутки, был полностью разрушен. Но сохранились семь пекарен хлебокомбината. Хлебокомбинат принял на свой баланс восемь частновладельческих пекарен. В целом все пекарни могли выдавать 60 тонн хлеба в сутки, причём семнадцать пекарен снабжали хлебом воинские части и лишь две выпекали хлеб для населения. К январю 1945 года силами работников хлебокомбината, работавших черкасовским методом, была введена в строй 1-я очередь предприятия.

Завод имени Куйбышева (называвшийся в документах также заводом № 9) до войны принадлежал Наркомату общего машиностроения, имел спецпроизводство (производство снарядов), составлявшее 50% всей продукции, остальная продукция – машины для пищевой промышленности. До войны на заводе трудилось 600–700 человек. В 1941 году оборудование завода было эвакуировано в Пензу, Ереван, Закавказье. Невывезенное оборудование было разграблено оккупантами, а помещения сильно разрушены. Общая сумма ущерба составила 4 млн. руб. К восстановительным работам

заводчане приступили в мае 1944-го. Коллектив насчитывал 130 человек. Были созданы 3 черкасовские бригады, которые отработали помимо основного времени 1407 часов. Испытывая острую нехватку строительного леса, коллектив заменил деревянные рамные перекрытия на чугунные, отлитые тут же, на заводе. Оконные проёмы производственных корпусов и столовой заделали, используя битое стекло и фанеру. Электроэнергией завод снабжал себя самостоятельно, используя трактор и динамо-машину. В июне завод выпустил продукции на 2% больше плана. К июлю восстановили помещение заводского детского сада. До конца года путём индивидуального ученичества в ФЗО и ремесленных училищах были подготовлены для завода 22 квалифицированных рабочих. В начале 1945 года на заводе работали 194 человека в одну смену продолжительностью 11 часов. Начали осваивать метод известного в стране бригадира Егора Агаркова, кото-

рый позволял путём совмещения профессий добиваться высокой производительности труда.

Механический завод №2 Наркомместпрома располагался на территории довоенного завода Госметровеса. В период оккупации тут была мастерская немецких предпринимателей по производству газогенераторных установок для грузовых машин. К ноябрю 1944 года были восстановлены 3 цеха, где работали 60 рабочих и 37 учащихся ФЗО, проходивших производственную практику по 4–5 дней в неделю. Они изготавливали газогенераторные установки для автомобилей ГАЗ.

Кожевенно-обувной комбинат производил до войны продукции на 16 млн. рублей в год, выпуская 4,5 тысячи пар обуви в сутки, на нём трудились около 3 тысяч работников. Оборудование предприятия было эвакуировано в Тбилиси. Оккупанты сожгли производственные здания. В процессе восстановительных работ начала работать пошивочная мастерская, выпустившая в октябре 334 пары обуви.

Консервный завод им. С.М. Кирова 5 июля 1944 года вернулся с оборудованием из эвакуации. Черкасовским методом в течение сорока дней было налажено производство, которое до конца года довело выпуск до 4 млн. банок консервов и 500 тонн халвы.

Завод имени 1 Мая 21 апреля выпустил первую продукцию и к сентябрю выдал на гора 7 млн. банок консервов (а до войны производил 3 млн.).

Усилиями коллектива Симферопольского железнодорожного узла, организовавшего черкасовские бригады, и 6 тысяч горожан, поработавших на воскресниках, к июлю были восстановлены железнодорожные пути, стрелочное хозяйство, связь, а к концу года построено здание паровозного депо.

Табачно-ферментационный завод, подыскав подходящее помещение взамен сгоревшего в период оккупации, в апреле 1944 года за неделю выпустил 2,5 тонны курительного таба-

ка. Труженики предприятия отправили в подарок воинам на фронт 10 тысяч папирос и 150 тысяч рублей своих личных средств.

Таким образом, в Симферополе в июне 1944 г. восстанавливались и одновременно давали продукцию 53 предприятия, на которых были заняты 3100 человек; в августе – 93 предприятия с 5088 работниками.

К концу 1944-го наладили выпуск продукции 35 артелей промкооперации и 7 артелей инвалидной кооперации. Артели производили необходимую горожанам продукцию, главным образом товары широкого потребления.

Немецко-фашистские оккупанты разрушили электрохозяйство города, водо-насосную станцию и водопровод, трамвайное сообщение, банно-прачечный комбинат, 442 жилых дома (30% всего жилого фонда). Полностью были разрушены 6 школ, кинотеатр, Дом пионеров, Театр юного зрителя, 10 клубов, 7 библиотек, 34 детсада, 8 детских яслей. Августовский пленум обкома ВКП(б), а затем пленум горкома, состоявшийся 5 октября, утвердили программу работ по восстановлению городского хозяйства.

Трамвайный трест восстановил механическую мастерскую, опоры контактной сети, трамвайные пути, что позволило восстановить движение трамваев: с 1 сентября по маршруту № 1, к осени 1945 года по маршрутам № 2 и № 3, на которых пассажиров перевозили 22 вагона. Примечательно, что застеклены были 6 вагонов, а окна остальных 16 вагонов были закрыты фанерой.

Трест «Водоканал», не имея возможности осуществить капитальный ремонт водопроводной и канализационной магистралей, поддерживал их в рабочем состоянии лишь текущим ремонтом.

Жилой фонд города восстанавливался силами горжилуправления, хозяйственными организациями, учреждениями

и самими квартирoсъемщиками. Было развёрнуто черкасовское движение, к октябрю насчитывались 494 такие бригады численностью 5919 человек. Черкасовцы восстановили 155 и отремонтировали 600 жилых домов, 20 школ, 23 детсада, 10 детских яслей, 2 детдома, 5 библиотек и лечебные учреждения.

Лечебные учреждения города в период оккупации были заняты германскими лазаретами. После освобождения в них были размещены военные госпитали. В 1-й советской больнице (улица Битакская, 8) были размещены два госпиталя, а сама больница работала в здании школы на улице Новгородской, 1. Госпитали выехали к 1 августа 1945 года, и больница вернулась в свои помещения, принимая больных на 425 койках. Инфекционная больница (улица Февральская, 13), не прекращавшая работы в период оккупации, принимала после освобождения больных на 105 койках. Ортопеди-

ческая больница (Ноябрьский бульвар, 34) получила статус областной, имела 120 коек. Онкологический институт (улица Липовая, 1) после переезда из его здания госпиталя получил статус областной онкологической больницы со 120 койками. Больница имени Куйбышева начала принимать в своей поликлинике больных с 25 апреля. На 1 августа 1945 года в Симферополе действовали областная психиатрическая больница на 150 коек, городская детская соматическая больница на 105 коек, роддом на 95 коек. Примечательно, что 14 августа 1944 года в роддом (улица Воровского) попали две бомбы, которые сильно разрушили верхний этаж правого крыла. Для ремонта его кровли черкасовские бригады применили железо из разрушенной гостиницы «Европейская». Областной туберкулёзный диспансер располагал 50 стационарными койками. Венерологическая больница располагала 100 койками. В городе работали 4 поликлиники и детско-женская консультация, зубная поликлиника, 10 детских яслей на 468 детей, скорая помощь, дезстанция, санэпидстанция, молочные кухни № 1 и № 2, молочно-контрольная станция, медико-диагностическая, химико-бактериологическая лаборатории, 16 здравниц на предприятиях. На учёте в поликлиниках состояло 19928 детей. Детская смертность была высокой: за первое полугодие 1945 года родились 600 детей, умерли 192 ребенка. В городе наряду с такими заболеваниями, как грипп, воспаление лёгких, желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые недуги, распространились заболевания военного времени: туберкулёз, дистрофия, рахит, малярия, сыпной и брюшной тиф. Отсутствие в течение двух с половиной лет вакцинации населения, неблагоприятное санитарное состояние города привели к вспышке сыпного и возвратного тифа в 1944 году, который свирепствовал и в начале следующего года. В жаркое время росла заболеваемость дизентерией и у детей – дифтерией. Для борьбы с малярией была организо-

вана малярийная станция, а с июня 1945 года – малярийные кабинеты в лечебных учреждениях. Эффективный препарат хинин отсутствовал, и врачи применяли акрихин, который не давал желаемых результатов. Все лечебные учреждения испытывали недостаток самых элементарных санитарно-гигиенических, перевязочных средств, медикаментов и оборудования.

В конце апреля в четырнадцати школах возобновились занятия по советским программам. Для детей, не обучавшихся в период оккупации, были созданы шесть специальных школ для повторения пройденного. Летом при шести школах были созданы детские оздоровительные площадки. Школьники активно помогали взрослым: в июле 700 учеников младших классов и 313 старшекласников работали на уборке розы и других сельхозкультур. В новом учебном году вводились всеобщее семилетнее образование, раздельное обучение мальчиков и девочек, начальная военная подготовка. К началу занятий силами учителей, родителей, шефов были подготовлены 23 школы на 9376 учеников (5 средних, 10 неполных средних, 8 начальных школ). 1 сентября к занятиям приступили ученики начальных классов, 2 октября – вернувшиеся с сельхозработ ученики 5–10 классов. В школах организовались пионерские и комсомольские коллективы. В октябре был создан дом продлённого дня для семилеток (на 100 детей), располагавшийся во дворе школы № 1.

В период летних каникул в школах и домоуправлениях были созданы 8 форпостов, которые охватили 200 детей, и оздоровительные лагеря: для детей Центрального района – в деревне Альма на 493 человека, для детей Городского района – в деревне Джалман на 300 человек, для детей Железнодорожного района – в Евпатории на 300 человек. Всего за сезон отдохнуло 1043 человека. В Симферополе работали 7 оздоровительных площадок на 500 детей. При детской поликлинике работала санаторная площадка для 150 больных детей.

К следующему учебному году заработали 23 школы: 6 средних (2 мужских, 4 женских), 11 семилетних (4 мужских, 2 женских, 5 смешанных), 6 смешанных начальных. Перед началом занятий были проведены родительские собрания, августовские учительские совещания. Первоклассникам были вручены подарки: тетрадь с перьями, фрукты и булочки. Мебели в школах не хватало катастрофически: вместо необходимых 2500 парт к 1 сентября было изготовлены 100 парт. Родителям разрешили принести мебель из дома. Средняя заполняемость классов составляла 38 человек, дети сидели за одной партой не по два, а по четыре человека.

Крымский медицинский институт имени И. В. Сталина реэвакуировался из Казахстана в родной Симферополь в августе. Учебный корпус и другие здания института были разрушены, оккупанты вывезли всё оборудование кафедр и общежитий. С 1 октября коллектив института начал занятия на 6 семестрах, провёл 2 экзаменационные сессии и 15 июня 1945 года выпустил 80 врачей, так необходимых стране.

В 1944 году вместе с мединститутом прибыли 232 студента, 976 студентов зачислили уже в Симферополе. Профессорско-преподавательский коллектив насчитывал 82 человека. В 1945-м в институт были зачислены на 1-й курс 300 человек, из них 35 участников войны, 16 инвалидов войны. Общая численность студентов на 1 сентября 1945 года составляла 1200 человек, профессорско-преподавательский состав – 99 человек. Учебный и административный корпуса мединститута временно располагались на бульваре Ленина, 5/7, общежитие студентов разместилось в ранее ему принадлежащем здании на улице Р.Люксембург, 27. Учебный корпус и анатомический институт восстанавливались медленно, клинические базы не имели оборудования. В аудиториях и на кафедрах не хватало мебели, один учебник приходился на

15–20 студентов, не было письменных принадлежностей. Питание в столовой института вместо ожидаемого трехразового было один раз в день.

Крымский педагогический институт для набора студентов в свой вуз направил в июле 1945 года в города и районы Крыма преподавателей. К 1 сентября на первые основные курсы были зачислены 147 человек, на учительский факультет – 120 человек. Все 16 кафедр были укомплектованы профессорско-преподавательскими кадрами. Занятия начались 17 сентября. Характерный для того времени факт: до октября ежедневно по 100 студентов с отрывом от занятий работали на заводе имени Кирова для создания дополнительной базы для питания студентов.

Сельхозинститут принял на I курс 181 студента, всего на 4-х курсах обучалось 438 студентов, из них 47 человек – участники войны. Профессорско-преподавательский состав был полностью укомплектован кадрами (за исключением двух заведующих кафедрами). Столовая обеспечивала студентов двухразовым питанием.

В октябре 1944 года начались занятия в средней медицинской школе, которая к 1 сентября 1945 года имела два отделения: зубоврачебное и фельдшерско-акушерское и 480 учащихся. Из-за нехватки помещений занятия проводились в две смены.

Техникум советской торговли (располагавшийся на улице Пушкинской, 16) с конца мая 1944 года начал работу на базе коммерческого технического училища периода оккупации, включив в состав учащихся и педагогов того училища. Работу начали: консервный техникум, техникум пищевой промышленности, строительный техникум, музыкальное училище, а также сеть ФЗО и ремесленных училищ.

Крымчане переживали небывалый душевный подъём, отдавали стране свои силы и средства. В апреле 1944 года они

собрали средства на постройку танковой колонны «Крымский партизан». Подписываясь на 4-й государственный заём, симферопольцы отдавали государству займы один, а некоторые даже три месячных заработка.

Партийные органы уделяли большое внимание идеологической работе на территории, которая была временно оккупирована врагом. До войны городской радиоузел обслуживал 15 тысяч радиоточек, после освобождения в Симферополе их осталось 2700. Кинотеатры, как отмечал горком, были перегружены, население испытывало трудности с приобретением билетов из-за перекупщиков; продававших их с большой накруткой стоимости. О том, как популярно было кино, свидетельствует тот факт, что было отдано распоряжение, запрещавшее в учебное (дневное) время продажу школьникам билетов на сеансы, потому как учащиеся массово прогуливали уроки.

Осенью 1945 года на Родину стали возвращаться «остарбайтеры» – советские граждане, угнанные фашистами на принудительные работы. К 1 ноября в Крым прибыли 20018 репатриантов – 5763 мужчины, 12525 женщин, 1730 детей. Было трудоустроено 18288 человек, а дети возобновили учёбу в школах. Многие репатрианты становились передовиками, стахановцами. Работа с репатриантами проводилась на производстве и по месту жительства. На лекциях и в беседах их знакомили с изменениями, какие произошли в стране за время их пребывания в фашистской неволе, с этапами великих побед Советской Армии, международным положением. Изучали Конституцию и «Положение о выборах в Верховный Совет СССР». Обком ВКП(б) выделил для репатриированных 3 тысячи экземпляров областной газеты «Красный Крым», 100 экземпляров газеты «Правда», в которых публиковались и материалы о жизни советских граждан в фашистской неволе, их жизни после возвращения на Родину. В октябре-ноя-

бре 1945 года по областному радио прозвучали 52 передачи о жизни репатриированных.

Население, остававшееся в течение двух с половиной лет на оккупированной территории, подвергалось фашистской идеологической обработке. И партийные органы соответственно проводили большую работу по изживанию последствий вражеской пропаганды.

За скупыми строчками документов предстаёт картина небывалых трудностей, испытаний, выпавших на долю нашего народа в неурожайные 1945–1946 годы. При выдаче продуктовых карточек происходило много злоупотреблений в областном, городских и районных карточных бюро. Множилось число спекулянтов на рынках, участились случаи хищений в торговой сети. Решение бюро горкома от 3 июля 1945 года «О выпуске недоброкачественного хлеба Симферопольским хлебокомбинатом» свидетельствует о том, что снабжение города хлебом было на грани срыва, строительство II очереди хлебозавода ещё не было начато, хлеб выпускался с дефектами: с повышенной влажностью, непечённый. В решении бюро горкома от 11 декабря «О перебоях в снабжении хлебом города Симферополя» указывалось, что хлебные очереди достигли небывалых размеров, недовольство ими горожан возрастало. Партийные и советские органы принимали решительные меры по улучшению снабжения населения продовольствием. Большим подспорьем в этом были подсобные хозяйства, которых весной 1945 года насчитывалось в симферопольских предприятиях и организациях до 130. Они располагали 5500 га пахотной земли, на которых сеяли яровые, озимые, овоще-бахчевые культуры. Под индивидуальное и коллективное огородничество было отведено 686 га земли. Насчитывалось 21986 огородников, в том числе 260 коллективных.

1945–1946 гг. были неурожайными. В Крымской области зерна было заготовлено в два раза меньше, чем планирова-

ли – 88 тысяч тонн вместо 176 тысяч. В сообщении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1946 года указывалось на необходимость сокращения расхода хлеба на 30% в среднем по стране и на 70% в сельской местности; уменьшения норм выдачи хлеба иждивенцам, детям, уменьшения коммерческой торговли хлебом. Решением ЦК ВКП(б) от 18 октября устанавливалась прибавка в хлеб при печении до 40% кукурузы, овса, ячменя и увеличение припёка хлеба с 1,6% до 4%.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 25 октября партийные органы проводили проверку правильности выдачи продовольственных карточек – нарушители отдавались под суд. На рынках арестовывали спекулянтов, в торговой сети пресекали воровство, разбазаривание. Проводилась работа по мобилизации внутренних ресурсов: увеличению лова рыбы, сбору дикорастущих плодов и желудей. Специфический вкус послевоенного хлеба помнят симферопольцы, жившие в то время.

Об участии военнопленных в восстановлении разрушенного хозяйства известно в основном по воспоминаниям очевидцев. Архивных документов, подтверждающих это, очень мало. Обнаружен документ об участии в восстановительных работах пленных румын – это телеграмма секретаря Крымского обкома ВКП(б) П. Ф. Тюляева от 1 декабря 1944 года в Москву наркому Союзпищепрома Зотову, в которой крымский лидер просит разрешить использовать три тысячи военнопленных румын, находившихся в Крыму, для работы на виноградниках совхоза «Массандра» сроком на 2–3 месяца.

Из документов фонда Симферопольского горкома стало известно, что в 1944 году на восстановительных работах на ликёро-водочном заводе в Симферополе было занято 20 военнопленных. На строившемся заводе жидкой углекислоты тоже работали военнопленные (но численность их не ука-

зана). На машиностроительном заводе имени Куйбышева с сентября 1944-го по январь 1945 года были задействованы от 20 до 40 военнопленных. По документам фонда ясно, что военнопленные немцы работали на авторемонтном заводе, в трамвайном парке, заводах «1 Мая», имени С.М. Кирова, хлебозаводе, мельнице № 2. Указано, что всюду, где работали пленные, наблюдалось, по формулировке горкома партии, панибратское отношение к пленным со стороны советских людей, которые давали им хлеб, папиросы. То есть, несмотря на требование «повысить революционную бдительность», советский народ относился к поверженному врагу гуманно, милосердно.

ВМЕСТЕ ОБОРОНЯЛИСЬ, ВМЕСТЕ ШЛИ В АТАКУ

Вячеслав Демченко

КЕРЧЕНСКИЙ «ДОМ ПАВЛОВА»

Руины агломератной фабрики завода имени Войкова до недавнего времени были точно таким же памятным образом Керчи – города-героя, как каменный штык на горе Митридат, сложенный солдатами в 43-м году из камней разрушенного города, как бетонный мемориал Аджимушкайских каменоломен ...

Тут в декорациях, не требующих монтажа, снимал эпический «Сталинград» Озеров. Бондарчук-младший, снимая тут свой фантастический «Обитаемый остров», говорил: «Ничего

подобного, насколько я знаю, на Украине и в России нет! Какая фактура!»

Эта фактура в своё время впечатлила даже выдавшего виды представителя Ставки. Потрясённый картиной разрушения, К. Е. Ворошилов долго пытал жителей заводского посёлка: «А что, справитесь ли с наказом товарища Сталина?» – «Справимся!» – дружно отвечали «первому маршалу» женщины и подростки. И что самое потрясающее, справились же, практически без мужчин – война шла. Их бессонным трудом поднимался из руин «гигант первой пятилетки». Из таких руин, о которых один из военкоров написал: «Вид разрушенного Сталинграда уже не так поразил меня...»

И что это был за ужасающий вид – об этом с достоверностью ожившего кадра военной хроники говорили руины завода им. Войкова, оставленные в память и назидание потомкам. Потомкам, которых следовало бы водить сюда на уроки мужества, стойкости и подлинного героизма...

Да вот теперь некуда.

И негде больше почувствовать озноб ужаса, глядя на следы вездесущей смерти, проникнуться уважением к тем, кто шёл в этот огненный и бетонный ад, оставался в нём до конца, негде снимать настолько достоверные военные фильмы, нет больше источника вдохновения для юного поэта, негде ему сложить рассказ о прадеде на натуре...

Снесли память на металлолом. Всё одно, что фронтовую медаль «За боевые заслуги» сдали по весу. А она бы тут, на руинах, смотрелась, как на обожжённой пробитой пулями шинели. Она была бы вполне заслуженной.

Это кроме ордена Трудового Красного Знамени, который КМК также вполне заслужил. И накануне первой оккупации, когда чуть ли не в последние часы до эвакуации основного оборудования завод всё ещё отправлял на фронт гранаты и мины, и даже полноценный, хоть и блиндиро-

ванный железобетоном бронепоезд «Войковец». И вплоть до мая 1942-го, когда бои уже велись на окраинах Керчи, он не только снабжал фронт бутылками с зажигательной смесью промышленного производства, но и умудрился, несмотря на нехватку специалистов и оборудования, выпустить на фронт второй лёгкий бронепоезд «N 74».

«Крымский фронт» по периметру заводского забора

Тогда-то, в 1942-м, завод и добавил к своей трудовой доблести подлинную боевую славу. В те драматические дни, что обозначены в военной историографии как катастрофа Крымского фронта.

Не зря говорят – первым на войне учится воевать солдат, последними – генералы.

Солдаты весной 42-го года воевать уже умели. Вот факты. Керчь. Май 42-го. Район завода Войкова. Поясню – по сути, завод с его собственным портом – последний причал для советских частей, уходящих с полуострова, и последний форпост для арьергарда, прикрывающего это отступление.

Ещё одна подземная крепость

Подземные коммуникации завода Войкова – это километры бетонных катакомб, без всяких художественных преувеличений – подземный город. Только вот для житья никак не приспособленный. Но тут с середины мая ведут бои сводные группы 44-й армии.

В разведсводках 47-й армии (Тамань) с 26 мая по 5 августа сообщается о ружейно-пулемётной стрельбе и взрывах на заводе Войкова. (ЦАМО РФ. ф. 406, оп. 9581) «В начале июня 42-го на заводе произошёл бой с группой советских воинов, засевших в пороховом погребе завода. Враг был вынужден применить миномёты крупного калибра». (АГБР Крыма, ф. 10354). Похоже, что именно об этом бое сказано в воспоминаниях «соседей» – защитников Аджимушкайских каменоломен, расположенных совсем неподалеку: «... Только на заводе и в прилегающем к нему посёлке бой не утихал ни днём, ни ночью. Мы знаем, что оборону там держат танкисты и остатки каких-то десантных частей. В течение всех суток по заводу немцы бьют из шестиствольных миномётов, снаряды которых летят через наши головы, где-то из-под села Баксы. Немцы пытались с помощью танков сломить сопротивление защитников, но каждый раз они подрывались на гранатах, которыми их забрасывали из подвалов...».

И в этой борьбе оккупантов с защитниками завода отдельной главой стоит и особого памятника стоит история с керченскими девушками.

Особая история

Их, большей частью вчерашних школьников, немцы, среди прочих мирных жителей, ещё остававшихся в городе, загоняли на завод разбирать завалы. А по слухам, девчонки сами вызывались на такие работы, но не ради немецкого пайка, а чтобы помогать нашим воинам. Передавали продукты и гражданскую одежду, чтобы, слившись с местными, солдаты могли выбраться из ловушки. В особом месте среди развалин защитники завода и девчонки обменивались записками, подписывая их «Пётр Б.». Эта подробность также стала известна из протоколов послевоенных допросов полицейских, то ли заметивших тайник, то ли выследивших девчонок с чьей-то подачи – есть и такая версия. Как бы там ни было, этот факт подтверждает и донесение того же шефа полиции: «31.10.42 г. в Колонке было задержано 9 человек, которые

состояли в письменной связи с бандой завода Войкова. В одном из цехов 1.11.42 г. найдено письмо, в котором говорится, что одна из банд ночью 1.11.42 г. покинет завод и попытается достичь через Феодосию Яйлских гор». Девушек, помогавших окруженцам, арестовали, и позже керчанка О. Махинина записала в своём дневнике: «Ещё болею за двух. Их поймали на заводе Войкова... за связь с партизанами, действовавшими на заводе Войкова. На Карантинной слободке (район ул. Московской) тоже арестовали девушек, которые имели связь с милыми партизанами». Очевидно, что в этой помощи нашим бойцам играли роль не одни только патриотические чувства. Да и что тут удивительного – комсомолки и солдаты в окружении врага. Как тут не прикипеть? Тем более драматическим должен был быть памятник юным керчанкам. Вот лишь некоторые из их фамилий: Ю. Дьяковская, И. Бабич, Т. Колесникова, М. Руденко, А. Жило, О. Белошнитская, Л. Богачёва, И. Луценко, Т. Некрасова, Каштанова... Всех их после недолгого следствия фашисты расстреляли.

А добрались ли последние защитники завода до крымских лесов? Вряд ли. По сообщению полицейского Зяблова, последняя группа до единого человека была схвачена и расстреляна на месте пленения. Впрочем, последняя ли?

Окончательный «прочёс» на заводе Войкова был проведён в декабре 1942 года. Он продолжался с 9 часов утра до вечера. Известно, что во время перестрелки один советский патриот был убит, другой захвачен в плен. Напомню, спустились под землю защитники завода ещё в мае. И продержались до конца года, до конца жизни. И хотелось бы верить – до конца памяти человеческой. А они, последние защитники последнего рубежа Крымского фронта, заслужили её сверх всякой человеческой меры. Жаль, конечно, что нет больше самого подлинного и самого зримого воплощения их подвига. Нет больше керченского «дома Павлова». Но нет и памятника тем юным девичьим сердцам, что сохранили верность его защитникам, Родине?

АЛЛЕГРО С ОГНЁМ

В первую же ночь Великой Отечественной войны в севастопольском небе появились вражеские самолёты. От них отделились неизвестные предметы, которые спускались на парашютах и при падении на землю взрывались, несколько этих предметов упали в море. Военными специалистами было высказано предположение, что противник сбрасывает обычные якорные мины. Вечером 22 июня в результате подводного взрыва погиб буксир СП-12, через два дня – 25-тонный плавучий кран, затем – эсминец «Быстрый». Оказалось, что германские войска применили новый вид оружия – неконтактные донные магнитные мины, которые взрывались под воздействием массы проходивших над ними судов. Ставя электромагнитные мины на фарватерах, германское командование рассчитывало закупорить главную базу Черноморского флота, а затем уничтожить корабли ударами бомбардировочной авиации.

Средство борьбы с неконтактными минами нашли катерники дивизии охраны водного района. На большой скорости катера проходили над местами, где было отмечено падение мин, и сбрасывали глубинные бомбы, от взрыва которых мины детонировали и взрывались. Но этот метод не являлся абсолютно надёжным и таил в себе огромный риск.

Для быстреего решения сложной проблемы штаб Черноморского флота создал в начале июля группу военных инженеров. Им оказали большую помощь научные сотрудники Ленинградского физико-технического института Е. Е. Лысенко, Ю. С. Лазуркин, А. Р. Регель, П. Г. Степанов и лаборант К. К. Щербо. Вскоре был создан первый электромагнитный трал.

9 августа 1941 года в Севастополь прибыли учёные-физики, впоследствии академики, А. П. Александров и И. В. Кур-

чатов. Наступили дни напряжённой работы (после отъезда А. П. Александрова руководство осуществлял Игорь Васильевич Курчатов). В маленьком домике на берегу бухты Голландия И. В. Курчатову и его группе удалось в уникально короткие сроки разработать систему размагничивания. Учёные вместе со специалистами Черноморского флота, тщательно и всесторонне изучив принципиальные основы нового оружия, теоретически обосновали метод противоминной защиты кораблей путём их размагничивания. Основанная на их исследованиях специальная противоминная обработка боевых судов перед выходом их в море дала положительные результаты. Обработанным таким методом надводным и подводным кораблям флота не страшны были магнитные мины врага.

И. В. Курчатов

Проблема противоминной защиты кораблей рассматривалась советским правительством как задача стратегического

значения. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов систематически информировал Ставку о ходе масштабных работ. При необходимости он напрямую обращался к И. В. Сталину. Таким образом был, например, «пробит» заказ на изготовление 350 км кабеля на заводе «Москабель» и о закупке 300 км кабеля за границей.

Как рассказывали специалисты, перемещение штанги с магнитометром вдоль корабля к заданной точке измерений осуществлялось личным составом корабля по 4–5 человек с каждого борта. Вся эта процедура из-за несовершенства магнитометров должна была повторяться дважды, не считая их местных перемещений при регулировке ампер-витков обмоток размагничивающего устройства.

После оборудования первых четырёх БТЩ противоминными защитными устройствами с учётом приобретённого опыта пришлось корректировать типовые проекты и определять исходные данные заново. Эффективность действия обмоток ПМЗ в различных частях корабля неодинакова, она может быть рассчитана приближённо, но по этим данным монтировать защитное устройство нельзя, так как в большинстве случаев его придётся переделывать или закладывать большие резервы кабеля для регулировки, а также предусматривать повышенный расход электроэнергии. Поэтому уже с середины июля на всех кораблях, подлежащих оборудованию ПМЗ, определялась эффективность действия временных обмоток. Измерения магнитных полей кораблей проводились сотрудниками бригады ЛФТИ П. Г. Степановым (старший по группе), А. Р. Регелем, Ю. С. Лазуркиным и Е. Е. Лысенко при помощи лаборанта К. К. Щербо и участии представителей ЦНИИВК НК ВМФ. Затем разрабатывалось тактико-техническое задание на проектирование ПМЗ, оно согласовывалось с представителями ЦНИИВК НК ВМФ и должно было быть передано бригаде ЦКБ-52 для разработ-

ки проекта. Однако представителей ЦКБ-52 в то время на флоте ещё не было (они прибыли 22 июля), поэтому рабочие чертежи (точнее, эскизы) защитных устройств и аппаратуры разрабатывались бригадой ЛФТИ. Кроме Севморзавода, Электромортреста, мастерских № 1 и 4 Технического отдела ЧФ, большую работу по изготовлению отдельных узлов устройств и монтажу на кораблях выполнял личный состав мастерских эскадры ЧФ и бригады траления. Отчётные чертежи на смонтированные защитные устройства первоначально не составлялись, а сотрудниками ЛФТИ выдавались временные инструкции по использованию противоминной защиты в боевых условиях. Отсутствие отчётных чертежей усложняло работы при последующих контрольных измерениях магнитных полей кораблей и регулировках защитных устройств.

Командованием ВМФ принимались меры по эксплуатации и обслуживанию защитных устройств на кораблях. Во второй половине июля Техническим отделом ЧФ было получено указание заместителя начальника штаба ЧФ капитана II ранга Булыкина о необходимости организации бригад в базах ЧФ для выполнения размагничивания кораблей и периодической проверки действия защитных устройств на кораблях. Первичное размагничивание кораблей проводилось группой И. В. Климова.

Война продолжалась, корабли регулярно выходили в море на выполнение боевых заданий, и оборудование их защитными устройствами системы ЛФТИ проводилось в свободное от походов время, при стоянке в базе. Поэтому работы на кораблях проводились круглосуточно. Выполнять их ночью, при затемнении и частых налётах вражеской авиации было очень трудно, пока люди не привыкли и не приспособились к новым условиям. Личный состав кораблей помогал сотрудникам ЛФТИ, рабочим и инженерам предприятий в выпол-

нении работ по размагничиванию. Все трудились с полной отдачей сил и уставали сверх всяких пределов.

В первое время кабели обмоток защитных устройств на кораблях располагались по наружному борту и закрывались от механических повреждений желобами из железа. Это было оптимальное в магнитном отношении расположение трассы кабелей, при котором достигалась наилучшая компенсация магнитного поля корабля под килем и бортами одновременно. Однако в процессе эксплуатации защитных устройств в боевых условиях и походах начали выявляться недостатки такой трассы: кабели и защитные кожухи срывало волной при 7–8-балльном шторме (ЭМ «Бодрый» и другие); на ЭМ кабели защитных устройств в носовой части корабля повреждались при работе параванов; часто кабели повреждались при швартовке кораблей к стенке или при швартовке других кораблей и барж лагом, а также из-за попадания осколков вражеских авиабомб (например, борт ЭМ «Бодрый» был буквально изрешечён осколками).

Повреждения кабелей были настолько частыми, что пришлось перенести их трассу на верхнюю палубу и расположить её у ватервейса в более толстых защитных кожухах, из-за чего искажалась форма кривой остаточного магнитного поля корабля с обмоткой в поперечной плоскости. Такие изменения трассы кабелей были сделаны на ЭМ «Бойкий», «Безупречный», «Бодрый» и лидере «Ташкент», а также на БТИЩ «Взрыв» и «Взрыватель», на которых к этому времени защитные устройства находились в эксплуатации. Кроме того, на всех БТИЩ вблизи якорных устройств в конце полубака и в корме пришлось установить привальные брусья, а на ЭМ и некоторых БТИЩ сделать переходы кабелей с борта на борт внутри помещений.

Для улучшения доступности к кабелям сначала крышки желобов крепились металлическими винтами. Однако под

действием морской воды они быстро ржавели и соединения становились неразъёмными. При вскрытии желобов винты приходилось рубить зубилом, что, в свою очередь, приводило к дополнительным повреждениям кабелей, особенно при ночных работах. Со временем крышки желобов стали крепить вязальной проволокой, что оказалось достаточно практичным. Личный состав кораблей не только помогал в выполнении ремонтных работ, но и активно участвовал в выявлении конструктивных недостатков устройств и вносил свои предложения по их улучшению (например, командир крейсера «Красный Крым» капитан II ранга А. И. Зубков).

В дальнейшем были оборудованы защитными устройствами ЭМ «Смышлёный», «Сообразительный», «Способный», «Бдительный», «Дзержинский», «Шаумян», «Незаможник» и «Железняков», крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», БТЩ-12. Конструкции крепления и защиты кабелей устройств от механических повреждений были признаны приёмной комиссией удовлетворительными.

С целью улучшения действия размагничивающих устройств и обеспечения норм защиты от неконтактного оружия противника переделаны размагничивающие устройства на крейсерах «Ворошилов» и «Молотов», на БТЩ «Гарпун» и других. Улучшена защита на лидере «Харьков».

В августе было укреплено руководство группой Управления кораблестроения ВМФ на ЧФ, начальником её был назначен военинженер II ранга Л. С. Гуменюк. Наблюдающим и консультантом группы Научно-технического комитета (НТК) ВМФ был назначен И. В. Курчатов, старшим по группе ЛФТИ по-прежнему оставался П. Г. Степанов.

Леонид Стефанович Гуменюк был высокоорганизованным, опытным специалистом, отдававшим все свои силы и знания порученному делу. У него установились хорошие деловые отношения с учёными ЛФТИ, с командованием Воен-

но-Морского Флота и судостроительной промышленности. С его назначением более чётко были организованы работы по оборудованию кораблей защитными устройствами, определены функции заказчика, назначена приёмная комиссия. Стали составлять отчётные чертежи на выполненные работы, разрабатывать инструкции по эксплуатации защитных устройств.

8 августа начальником штаба ЧФ контр-адмиралом И. Д. Елисеевым было утверждено временное положение о станции наблюдения за состоянием устройств противоминной защиты системы ЛФТИ на кораблях и их размагничиванием, разработанное совместно учёными ЛФТИ и представителями ВМФ. Этим было положено начало созданию станций безобмоточного размагничивания кораблей (СВР).

«Штаб» размагничивания кораблей (как его тогда называли) размещался в Севастополе, в бывшей боцманской рубке на Минной стенке, в небольшом одноэтажном кирпичном здании, выступающем своим фасадом в море, с широкими, во всю стену, окнами и вышкой наподобие корабельного мостика, с мачтой и реями для поднятия сигнальных флагов. Там Игорь Васильевич Курчатов и другие научные сотрудники ЛФТИ читали лекции по физическим основам размагничивания кораблей, и оттуда осуществлялось оперативное управление всеми работами по предварительным измерениям магнитных полей кораблей, монтажу и регулировке размагничивающих устройств.

Проблему магнитных мин Курчатов и его группа решили блестяще. После внедрения на Чёрном море, а затем и на других флотах метода размагничивания не погиб ни один советский корабль. Кроме этой главной задачи группа специалистов под руководством И. В. Курчатова решала ещё множество не менее важных задач: создала трал, который взрывал магнитные мины, разработала систему защиты подводных лодок, не устанавливая на них постоянных обмоток, разрабо-

тала способы контроля магнитного поля корабля. В течение ноября-декабря 1941 года Курчатов побывал в различных портах Крыма и Кавказа, где проверял ход работ по защите кораблей, оказывал необходимую помощь. В конце декабря такую же работу он провёл в Баку.

Постановлением Совнаркома СССР от 10 апреля 1942 года за создание эффективных методов размагничивания кораблей и практическое их осуществление А. П. Александрову,

И. В. Курчатову и ещё шести участникам работ была присуждена Сталинская премия первой степени. 4 октября 1944 года И. В. Курчатов был награждён орденом Трудового Красного Знамени за решение этой же проблемы. Командование Черноморского флота представило Курчатова к награждению медалью «За оборону Севастополя».

В 1976 году в честь подвига учёных и военных инженеров в бухте Голландия в Севастополе был сооружён памятник, который представляет собой гранитную стелу, на лицевой стороне которой изображён силуэт корабля между полюсами магнита. На стеле надпись: «Здесь в 1941 году в сражающемся Севастополе группой учёных под руководством А. П. Александрова и И. В. Курчатова были проведены первые в стране успешные опыты размагничивания кораблей Черноморского флота».

ФАРАДЕЙ С 1933 ГОДА

Факидов Ибрагим Гафурович родился в 1906 году. Ушёл из жизни в 2004-м. Учёный-физик. Профессор. Участник 4 полярных экспедиций. В годы Великой Отечественной работал над проблемой размагничивания кораблей, обеспечивая их безопасность от вражеских магнитных мин.

Всего пару лет не дожил Факидов до своего 100-летнего юбилея. А в середине 1930-х он был молод, полон сил и очень перспективен.

Ледокольный пароход «Челюскин» вышел из Мурманска 2 августа 1933 года, взяв курс на Берингов пролив и далее – на Владивосток. На нём собрались люди не случайные. Это участники научной экспедиции под руководством Отто Юльевича Шмидта и строители, отправившиеся возвести жильё для зимовщиков на острове Врангеля и вынужденные впоследствии возводить его на льдине, выколачивая из застывшей воды строительные материалы, предназначавшиеся «врангелевцам».

Радист «Челюскина» Эрнест Кренкель в книге «РАЕМ – мои позывные» писал: «Так на борту появился симпатичный член экипажа инженер-физик, двадцатисемилетний научный сотрудник Физико-технического института. Этот удивительный человек до шестнадцати лет не знал ни одного русского слова, но, несмотря на это, за последние двенадцать лет своей жизни он стремительно достиг многих вершин науки. Скорые на клички челюскинцы прозвали молодого физика «Фарадеем».

Уже в 80-е годы в интервью газете «Труд» Ибрагим Факидов рассказал, что он получил два задания – от своего непосредственного учителя И. Ф. Иоффе и известного кораблестроителя А. И. Крылова – по изучению магнитного поля Земли и деформации корпуса судна. В принципе, ему вменялось в обязанность (до аварии, естественно) проводить

испытания по изучению усилий противодействия парохода движению льдов. Такие работы производились впервые, и кораблестроители были заинтересованы в результатах. Физик установил приборы в 80 точках парохода и передавал их показатели в Ленинград.

Факидов, к слову, не был новичком в полярных экспедициях. За несколько лет до этого, как человек, разбирающийся в магнетизме, он отправился за Полярный круг вместе с геологами, а затем участвовал в экспедиции на Северную землю, организованной Всесоюзным арктическим институтом. Между прочим, именно во время экспедиции на Северную землю чуть не произошло трагическое событие. Когда справа по курсу появился никем тогда не посещаемый остров Свердруп, начальник экспедиции Самойлович, геолог Аллер и физик Факидов выгрузились на берег. Спутники отправились в глубь острова, а Фарадей задержался со своим теодолитом у кромки воды.

День был тихий, безветренный. И с корабля наблюдали, как учёный, закончив свои измерения, несколько раз, словно салютуя, выстрелил из винтовки. А потом до всех донёсся истошный крик: «Спасите! Помогите!» И на Факидова выбежал перепуганный геолог, вприпрыжку за которым нёсся... белый медведь.

В винтовке оставался один патрон. И Факидов выстрелил. И спас человека. Об этой истории вскоре рассказал «Огонёк», который читала практически вся страна. Так Ворошиловский стрелок Факидов заслужил всеобщее уважение за проявленные отвагу и хладнокровие.

С той экспедиции прошёл лишь год. И вот снова – Заполярье, холод, льды. И, конечно, опасность. 23 сентября «Челюскин» был заблокирован льдами и дрейфовал вместе с ними почти 5 месяцев. Уже был близок Берингов пролив и чистая вода. Но льды потянули пароход назад. Наблюдая

за торосами, Факидов определил, что через несколько дней льды начнут сжимать судно. Он сообщил об этом Шмидту и предложил всё необходимое сгрузить на лёд, а деревянные части парохода разобрать на дрова, чтобы было чем обогреться. Но руководитель экспедиции ему не поверил. Тогда Фарадей выгрузил на лёд свои приборы и на некотором отдалении от судна развернул вместительную палатку, в которой продолжил научные исследования, открыв, в частности, что на Севере, даже если нет ветра и льды кажутся неподвижными, на самом деле идут бесконечные колебания. Лёд трепещет, дрожит, колыхается. Статью об этом явлении он позже опубликовал в английском журнале.

Ночью 13 февраля 1934 года «Челюскин» был раздавлен льдами и через два часа затонул.

И. Г. Факидов в экспедиции и «Челюскин» среди торосов.

Удалось снять с парохода всех участников экспедиции, продовольствие и необходимое для зимовки оборудование. Первоначально все разместились в палатке Фарадея. В ней родилась девочка, которую по предложению Факидова

назвали Кариной в честь Карского моря, над которым они тогда находились.

За участие в этом походе Ибрагим Гафурович был награждён боевым орденом Красной Звезды.

Север остался ярчайшим эпизодом в жизни Факидова.

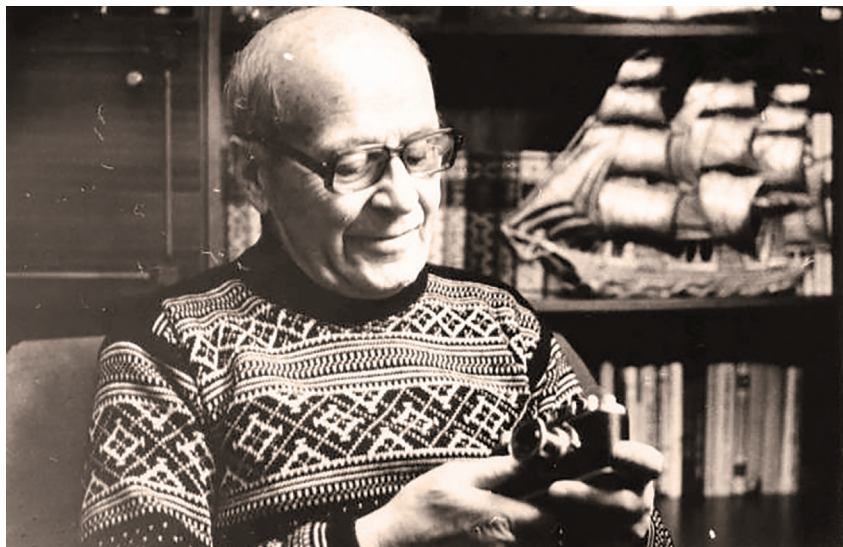
В первые дни Великой Отечественной войны он вступил в истребительный отряд. В нём его отыскал И. В. Курчатов, который набирал специалистов для разработки эффективных методов защиты кораблей от магнитных мин. Так Фарадей оказался на Тихоокеанском флоте, где эта работа только начиналась.

После завершения её он был включён в группу 104 физиков-ядерщиков, работавших над созданием атомного оружия.

Ибрагим Гафурович Факидов родился в маленькой деревушке (ныне село Солнечногорское) около Алушты, на берегу синего Чёрного моря. Фамилия его образована от турецкого слова «факир», то есть «бедный». Когда революционные отряды громили имения местных помещиков, любопытные пацаны неизменно толклись рядом. Взрослые растаскивали по домам вещи, дети – книги. В его памяти осталось лицо командира. Когда летом 1922-го пешком через горы и леса, измученный, но полный желания учиться паренёк добрался до Симферополя, первый встреченный им ответственный работник обкома партии оказался тем самым командиром.

Факидову было 16 лет, но в справке, выданной в сельсовете, прибавили два года. Так или иначе, он поступил на рабфак, где «кормилась» ввиду закрытия Крымского университета обладающая немалыми знаниями профессура. Литературу там преподавал писатель Константин Тренёв, известный как автор пьесы «Любовь Яровая». Диплом рабфака давал право поступать в любой вуз без экзаменов. Будущий учёный избрал физико-математический факультет Ленинградского политеха, организатором и деканом которого был академик («папа») Иоффе. Потом была магнитная лаборатория,

на базе которой Иоффе с Орджоникидзе создали будущий институт физики металлов Уральского отделения Академии наук России. И Факидов оказался в Свердловске. Здесь он возглавил лабораторию электрических явлений.

Бывшие девчонки-секретарши уверяют: у Факидова в карманах всегда были шоколадки, которыми он угощал сотрудниц. Его потомки живут в Крыму и в Санкт-Петербурге.

ФАКИДОВ – ПЛЕМЯННИК ФАРАДЕЯ

Факидов Шевкет Усеинович рассказывал:

– Я родился 15 мая 1925 года в деревне Куру-Узень (ныне Солнечногорское) Крымской АССР. Родители мои были зажиточными людьми, владельцами кофейни, потому их и раскулачили в 1929 году.

Посередине деревни стоял наш большой 3-этажный дом. Украинский писатель Коцюбинский вместе со своим сослуживцем однажды поселился у нас. Михаил Михайлович, утомлённый бесконечными переездами, пытался в снятом у нас жилище создать иллюзию оседлой жизни. Сохранилось его письмо, в котором он писал: «Квартира моя, две комнаты на втором этаже, ничего себе, над нами третий, где живёт хозяин. Вместо двора – крыша кофейни, в каждой комнате дверь на балкон и одно окно. Стены толстые, выбеленные даже, и печь есть, что значит, зимой холодно не будет. Я взял себе меньшую комнатку, хотя в ней есть то неудобство, что из неё двери ведут на хозяйскую кухню, зато в моей комнате не будет столовой. А дверь в кухню я закрыл старым одеялом, прибил коврик на стену и поставил к ней железную кровать». И вот в 1929 году выслали моих родителей, моего отца, дядю и бабушку раскулачили.

А дядя Ибрагим после окончания Ленинградского политехнического института участвовал в челюскинской экспедиции. Он был в ней инженером-физиком. Их нашли лётчики, получившие за спасение челюскинцев звания Героев Советского Союза. Позднее дядя работал вместе с Курчатовым над созданием атомной бомбы, был одним из 104 легендарных физиков-ядерщиков. В селе Малореченском бывшая улица Солнечная ныне носит имя Факидова Ибрагима Гафуровича.

Отец после раскулачивания рано умер, мне было тогда 4 года. Нас, троих детей, забрала к себе наша тётя, и мы

выросли у неё в Алуште. Два моих брата были старше меня: Сейтя 1918 года рождения, Сервер – 1922-го. Брат Сейтя ушёл на действительную службу в 39-м и служил до конца Великой Отечественной войны, был командиром «Катюши» в 35-м Запорожском полку 3-го Украинского фронта. Сервер был призван в сентябре 1941 года, сражался в Севастополе до конца обороны и раненым был эвакуирован в Новороссийск.

Я пошёл в школу в 10 лет, потому что до этого меня, как ребёнка из семьи кулака, не принимали на учёбу. Когда дядя Ибрагим отличился в челюскинской эпопее, наш колхоз стал именоваться имени «Челюскина», и мы возвратились в колхоз, где стали пользоваться уважением. Я окончил 6-й класс, когда началась война. Через 3 недели меня вызвали в правление и отправили пасти баранов, потому что в колхозе никого из взрослых мужчин не осталось – только старики и подростки. С июля я был в горах при отаре, а в конце сентября райком партии приказал нам резать баранов, сушить мясо, делать хаурму для партизан. И мы целый месяц занимались этим. С нас взяли подписку о неразглашении заготовки провизии и мест, куда её доставили. Предупредили, что это государственная тайна. В начале ноября мы спустились с гор и попали в оккупацию.

Вместо колхоза была создана община, её баранов посчитали. Но мы многих баранов спрятали, и немцы не знали, сколько их на самом деле. А мы баранов пасли подальше от колхоза – на Южном берегу.

В 1941 году о партизанах было мало слышно, но в 1942-м мы наладили с ними связь. Они базировались в лесу от деревни километрах в трёх. Мы для них готовили табак, постолы (такая самодельная обувь) и соль. Я, как самый молодой чабан, забирал их в деревне и прятал в тайнике на кошаре, откуда партизаны могли их забрать в любое время. Партизаны оставляли в нём для нас листовки и газеты. Это продолжалось до 1943 года.

В деревню постоянно наведывались каратели и полицаи, предупреждали нас под роспись, что за связь с партизанами нас ожидает расстрел. Но я всё время находился в горах, и спускаться в деревню особого желания у меня не было.

Но вот мне исполняется 18 лет, и меня вызывали в добровольческое формирование. Чабаны стали обивать пороги, что они, старики, без меня на пастбище не управятся. Меня вроде оставили в покое и вдруг снова прислали повестку о немедленном призыве. Тогда я сказал старикам: «Если я пойду в «добровольцы», то тем самым в первую очередь подведу своего дядю-учёного. И два моих брата на фронте, я их тоже подведу». Они посоветовали мне уйти на зиму из деревни и попросили старосту мне и ещё одному пастуху на зимнюю пору приготовить продукты. А нам достаточно было побольше солёной рыбы, что не было проблемой – в деревне хорошо запаслись солью, которую из Рыбачьей деревни, где был рыбсовхоз, её завозили возами. И нас, и партизан эти запасы сильно выручали. Поскольку из деревни выходить было категорически запрещено, мы обратились за помощью к подпольщикам. Те сделали мне документы и дали адрес конспиративной квартиры в Симферополе, в доме на улице Кузнечной, 12. Я отправился в Симферополь с товарищем, но, понимая, что в то время нельзя было ничего доверять даже самым близким людям, которые могли нечаянно проговориться, я не пошёл туда. В общем, мы пришли к моей тёте, она болела, и я две ночи у неё ночевал, пока ни пришли за мной из леса. Там я принял присягу и стал разведчиком 2-го отряда Северного соединения.

Я был довольно сильным, молодым юношей, память у меня была отличная. И я ходил по городу, смотрел, где скопления немецких войск, техники. Целыми днями сидел возле в кустах, высматривал, подсчитывал. Передавал сведения через симферопольских подпольщиков. Те особенно важные све-

дения, прежде чем передать партизанам, перепроверяли. Но никогда у меня осечек не было.

Между тем время хозяйничанья фашистов в Крыму подходило к концу, и немцы при отступлении в Симферополе намеревались поднять в воздух все важные здания и объекты, планировали взорвать и плотину Аянского водохранилища. От Приветного до Алушты все 5 мостов немцы заминировали. В конце марта они вознамерились с воздуха уничтожить наше Северное соединение. Во время налёта на наш партизанский отряд я был тяжело ранен в голову, ослеп на один глаз. Меня хотели отправлять на Кавказ самолётом, но я упросил оставить меня в Крыму. Немного оправился, начал потихоньку ходить. И уже 11-12 апреля мы спустились из леса, уничтожали немецких поджигателей, обезвредили закладки взрывчатки и тем самым спасли Симферополь от разрушения. И вот я вернулся домой, сходил в пункт сбора партизан, где мне выдали справку за подписью Ямпольского о том, что я воевал в составе Северного соединения. 25 апреля получили письмо от старшего брата из Запорожья. Он писал: «Дорогая мама и брат. Вот скоро освободим Украину...» Следом пришло письмо от брата-матроса из Новороссийска. В деревне у нашей семьи было больше всех радости: все три сына живы, хоть я и инвалид, но живой.

18 мая в 4. 00 раздался стук в дверь: «Открывай!» Я подхожу к двери и говорю: «Ну ведь 4. 00 утра, кто откроет?» Мне в ответ: «Открывай! Мы свои!» Я им: «Свои приходят днём, а не ночью». Признаюсь, я тогда боялся, что родственники полицаев меня, партизана, могут попытаться взять на ножи, чтобы я не рассказал, кто и где служил, потому упёрся: «Не открою!» Тогда, выбив прикладом дверь, вошли двое: старший лейтенант и солдат, и объявили, что нас выселяют. Мама письмо от старшего брата с фронта показывает, а я свою справку. Они понимающе кивнули и говорят:

«По постановлению партии и правительства высылке подлежат крымские татары». Я говорю: «Вы, наверное, по ошибке пришли. Есть в деревне полицаи, есть добровольцы, есть помощники немцев. К ним и идите». Лейтенант в ответ: «Ты присягу принимал? Принимал. Мы тоже принимали. Будешь противиться – пойдёшь под трибунал. Так что пожалей свою юность!» Спорили-спорили, и в итоге вытолкнули нас на улицу и погрузили на машины. Мы и взять с собой ничего не успели – мама взяла адреса братьев, а я кое-чего из одежды. Привезли на вокзал, затолкали в товарный вагон.

Многие, как и я, думали, что нас будут расстреливать и ничего на дорогу не взяли. А те, чьи родственники служили немцам, запас заранее сделали, хлеба напекли. И они в дороге не голодовали. А тем, кто был верен Советской власти, тяжело пришлось. Я до отправки по-партизански пробрался через оцепление, вернулся домой и разыскал табак, десять кг, которые мама приготовила для обмена на еду. С ним вернулся на станцию, и тут меня схватили солдаты. Выручил всё тот же старший лейтенант, он сказал солдатам: «Не трогайте его, он партизан!» Хотели у меня табак отнять, но он не дал.

Этот табак нас в пути выручал – мы меняли его на продукты. В нашем вагоне три человека умерли, а везли в нём около 90 человек, то есть битком был набит двухосный вагон. Мы ехали 19 дней, и нас ничем не кормили. Пришлось есть и сырую картошку, и всё, что могли выменять или выпросить. А на станциях нам, бывало, даже воды не давали набрать. Впереди шла молва, что везут изменников Родины, и нас камнями забрасывали. Ни врачей, ни медсестёр в составе не было.

И вот прибыли мы в Среднюю Азию. Два дня дали нам отдохнуть в бараках, на третий стали наряжать на работу на шахты тех, кто подходил. Я попросился на шахту, потому что на наземной работе давали паёк в 600 граммов хлеба, а

на шахте – килограмм двести граммов! Но меня не хотели брать, потому что на один глаз слеп. Но в конце концов я уговорил нарядчика, и он направил меня в шахту. Но и на шахтёрской работе нас 2 года держали как заключенных и выдавали только 50% суммы заработка.

Я мечтал всё время попасть в Крым. И устроился в Восточно-Кураминскую геологоразведочную экспедицию, в кото-

рой проработал 30 лет. За труд был награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», знаком «Отличник разведки недр СССР». Как бригадир буровой бригады, выполнившей за 3,5 года пятилетний план, меня представили на звание Героя Социалистического Труда, но, поскольку я был спецпереселенцем, представление завернули. Неоднократно я обращался с просьбами

предоставить мне жильё в любом городе Крыма, и эти просьбы поддерживало руководство экспедиции, но получал одни лишь отписки.

В 1991 году я наконец вернулся на родину. Как инвалид Великой Отечественной войны встал на очередь и получил квартиру. обеспечен и пенсией.

Старший брат, вернувшись с фронта, обратился к своему военному начальству: «Где моя семья?» Оно в свою очередь направило запрос в Москву и получило ответ: «Переселение семьи Факидова С. У. было ошибкой, допущенной во время

войны, теперь, после войны, разберёмся». Не дождавшись, когда «разберутся», он прибыл к нам в Узбекскую ССР, обратился в партийные органы, но те ничего не смогли поделать. А его уже затребовали в комендатуру для постановки на спецучёт. Полтора месяца он сопротивлялся, но в конце концов махнул рукой и встал на учёт. Вернулся брат на родину, как и я, в начале девяностых. Скончался он в 2008 году в родном Солнечногорском.

Записал Ю. Трофимов

БОЕВАЯ ПОДРУГА

Судьба славной дочери нашей Родины Героя Советского Союза **Марии Васильевны Октябрьской** связана с городом Джанкоем. Родилась она в селе Кият Джанкойского района (сейчас Ближнее Красногвардейского).

Краеведы спорят, а в каком именно, поскольку Киятов в Крыму было несколько, но это не самое главное. Да и таких примеров много: в Греции, например, не утихает спор о родине великого Гомера, у восточных славян – об авторе «Слова о полку Игореве». Главное – Мария Васильевна Октябрьская (Гарагуля) – слава всей крымской земли, всей нашей огромной и великой России.

Она училась 6 лет в Джанкое, который впервые упоминается в документах в 1855 года, но название города переводится как «Милая деревня».

Она опустела после Крымской войны 1853–1856 гг., так как основное население (крымские татары) мигрировали в Турцию. Их сменили немцы-колонисты, и в 1865 году в Джанкое уже насчитывались 114 жителей, 20 дворов. Дальнейший рост населения был вызван строительством Лозово-Севастопольской ветки железной дороги (1871–1874 гг.) и трассы Джанкой-Феодосия (1892 г.). В селении возводились каменные здания (в том числе – вокзал), в 1896 году была открыта двухклассная школа, а в 1908-м – железнодорожная.

Статус города Джанкой получил, по одним данным, в 1917 году, по другим – в 1926-м.

В далёком прошлом село Ближнее называлось Киятом. Затерялось оно среди бескрайней крымской степи, как такие же соседние сёла Джангара, Берлик, Казанчи... А между тем Кият, Симферополь и Севастополь – ровесники: о Ки-

яте историки узнали из документов 1784 года. Кият – это несколько хат из самана, то есть глины, резаной соломы и воды. Крыши хат были из сивашского камыша или соломы. В разные времена в Кияте жили татары, немцы, русские, украинцы. Порой в нём насчитывалось до 155 жителей, а в 1864 году всего 22 человека.

Третий дом от края села – прямо возле дороги. Тут живут Гарагули. Точно не известно, когда приехали сюда Василий Иванович и Анна Митрофановна. Но здесь в 1902 году родилась у них Маричка, Мария, Машенька – второй ребёнок в семье. Приехали Гарагули с Украины, и Василий Иванович привнёс в свой дом черты украинского быта: огородил тыном, налепил из глины горшков, макитр, глечиков, и на изгороди они, словно шлемы богатырей, возвышались вокруг огорода. Всё бы ничего, но плохо с водой. Всем селом расчистили заброшенный колодец, пробрили новые... Вода сперва пошла солоноватая, невкусная, а потом откуда-то пробились подземные роднички холодной хрустальной воды. Радости было на всё село! Радость понятная: в степи без воды не выживешь: земля хорошая, чернозёмы, на них всё растёт: и пшеница, и подсолнух, и виноград, и овощ любой, вот только дожди – редкие гости. А ещё степные беды – суховеи, засуха. Бывает, задуёт горячий ветер, всё горит, степь становится жёлто-коричневой пустыней... Бывало и колодцы мелели. Вот почему, если пошёл дождь, воду собирали корытами, ведрами, бочками, в специально вырытых ямах, обмазанных по краям, как полы в хатах, глиной – своего рода маленькие ставочки.

Маша росла быстро. Уже в 5 лет стала помощницей маме: курочек накормит, грядку в огороде прополет, за младшими присмотрит, а к 7 годам и корову доить научилась. Хозяюшка!

– Хорошая у меня помощница, – говорила мужу Анна Митрофановна, ласково поглядывая на дочку. И часто говаривала: «Иди-ка, Маричка, погуляй...»

Любила Маша весеннюю степь. Сколько тут всего – не перескажешь: вспыхивали разноцветные тюльпаны, перекатывались волны ковыля. Тут и гусиный лук, и веснянка, а среди травы столько чудных зверьков, птиц. Вон столбик. Это суслик. Хитрый. Притворился, а чуть шагни к нему – вмиг в норку. Кружит над степью в синеве неба орёл, из-под ног стрелами вылетают ящерицы.

Росла Машенька, росла и семья. Было в ней десятеро детей – пятеро девочек и столько же мальчишек. Маше в школу пора, но без неё в хате не управиться. А тут ещё обрушилось на всех горе – в 1919 году умерла мама. Заболела тифом. Болезнь эта тогда унесла в Крыму тысячи жизней: и взрослых, и стариков, и детей.

– Ну, Машенька, с тобой мы сейчас в семье остались главными. Знаю, давно в школу пора. Погодим ещё годик-два, пока подрастут помощники, – говорил отец.

В 1920 году в Крым пришла Советская власть. Получили крестьяне землю, стали создаваться сообщества по её обработке, только трудись. Безграмотных стали обучать на курсах ликбеза.

Детей, всех до единого – в школу. Начальные школы были открыты во многих сёлах, а в Кияте нет: мало было школьников, да и не было помещения для школы. Как-то приехала из Джанкоя сестра Василия Ивановича:

– Василь! А давай-ка нам Маричку. И школа рядом. Будет жить у нас. Да и мне поможет – вон какая дивчина. Хоть сватов засылай.

За партией – «тётя Маша»...

Приехали они в Джанкой к тёте Евдокии. На следующий день пошли в школу. Директор спросил:

– В какой класс пожаловали?

– Не училась она ещё, – виновато сказал Василий Иванович. – Не до учёбы было. Так что в первый класс.

– В первый? – удивился директор. – Очень уж взрослая барышня. Когда родилась?

– В 1905-м, – соврал Василий Иванович.

– Гм, гм. Покажите-ка метрики.

– Так они сгорели на пожаре, – второй раз солгал отец, а Маша густо покраснела.

– Ну, что ж, всякое бывает, – посочувствовал директор. – Пойдёт в первый. Только там малышня. Начнут тётенкой обзывать. Я-то поговорю с ребятами. Но будь готова. Такое бывало и с великими людьми. – И рассказал легенду о Михайле Ломоносове...

Так поступила в первый класс Маша, Мария Гарагуля. Посадила её учительница на последнюю парту, чтоб не заслонять другим доску. Потрепала по плечу, улыбнулась:

– Ничего, Машенька. Догоним. Слышала про Михайла Ломоносова?

– Да. Директор Иван Петрович рассказал...

Училась Маша хорошо, всё на ходу ловила, стала первой по отметкам, помогала учительнице. А «тётенкой» все-таки её иногда называли. Что поделаешь? Дети. Маша не обижалась.

Помогала тёте Дусе, а отцу – в выходные дни и в каникулы. Закончила 6 классов. Уже была она высокой красивой девушкой, на которую заглядывались парни. Сказала отцу:

– Тато, учиться в школе мне вроде бы стыдно. Вон какая. Есть сейчас рабфаки и училища в Симферополе, вечерние школы. Можно и работать, и учиться. Зоя Пермякова, соседка наша, и учится, и семье помогает, так как работает на консервном заводе. Чем я хуже? Помогу и я вам.

– Оно так, – согласился отец. – Мне полегче сейчас. Подросли дети. Есть помощники. Попробуй. Если что не так, приезжай. Тут рабочих рук сейчас тоже не хватает. И в Курмане, и у нас в селе. Давай, дочка... Пробуй.

«Ворошиловский стрелок»

В Симферополе встретились с Зоей Пермяковой. Не узнать Зою – в голубом беретике, туфли-лодочки, сумочка с зеркальцем...

– Давно бы так, – обняла она Машу. – Идём прямо к нам, в общежитие. Места есть и на консервном, и в общежитии. Есть и столовая. И парк рядом. По субботам оркестр духовой. А парней! И курсанты, и студенты, и ребята из училищ!

Приняли Машу на работу. Устроили в общежитие. Началась новая жизнь. Всё есть: и столовая, и танцы под духовой оркестр. Получила первую в жизни зарплату. Потом ещё. И премию. Купила модное платье, беретик, сумочку, туфли-лодочки, сделала короткую стрижку, хоть и отец может заругать... Приехала в Кият. Привезла пряников, конфет, махорку батю, игрушек маленьким. А отцу ещё и денег. В семье – радость, за Машеньку цепляются малыши, соседи заглядывают. А Василий Иванович только улыбается, не пожурил даже за стрижку «под мальчика».

Но стала тревожить Марию боль в спине (последствие работы на стройке, хоть и недолго, а «сорвала спину»). Скрывала это в цехе, но закусывала губу, когда прихватывало. Это заметили. И тут же в комитет комсомола, в цехком, чтоб нашли по силам работу. Нашли!

Направили на курсы телефонисток, и вскоре она уже работала по новой специальности.

Решила избавиться от своих болячек: стала заниматься спортом, ходила на массаж. Вся молодёжь в эти годы собиралась в лётчики, прыгала с парашютом... Время было романтическое и героическое: добровольцы отправлялись строить Комсомольск-на-Амуре, ДнепрогЭС, Магнитогорск, на шахты Донбасса. Гремели имена шахтёра Алексея Стаханова, трактористки Паши Ангелиной, «челюскинцев», лётчиц Полины

Осипенко, Марины Расковой, экипажа беспересадочного перелёта через Северный полюс в США во главе с Валерием Чкаловым. Но время было тревожное, и парни и девчата учились метко стрелять, занимались в кружках Общества содействия обороне, авиации и химического строительства (ОСО-АВИАХИМа). Школьники младших классов сдавали нормативы БГТО (Будь готов к труду и обороне), а более старшие ребята бегали, прыгали, плавали, кидали муляжи гранат на значок «Готов к труду и обороне» (ГТО). Этим были заняты миллионы девушек и юношей, которые хотели быть сильными, красивыми, готовыми к защите Родины.

Интересна история значка «Ворошиловский стрелок». Первый маршал СССР Климент Ефремович Ворошилов метко стрелял. Однажды на учениях он подошёл к красноармейцу, у которого при стрельбе по мишеням все пули уходили в «молоко». Докладывая маршалу, он стал оправдываться: может, винтовка не пристрелена или мушка сбита. Взял у него Ворошилов винтовку и, почти не целясь, выбил 59 очков из 70

— Нет плохого оружия, товарищ красноармеец, — сказал он. — Но есть плохие стрелки. — И пожелал успехов.

После этого случая метких стрелков стали называть «ворошиловскими». Показавшим отличные результаты присваивали это звание с вручением значка «Ворошиловский стрелок» или «Юный ворошиловский стрелок». Как это умение метко стрелять пригодились на войне!

Маша после работы тоже спешила на занятия. Закончила курсы медсестёр, отлично стреляла из всех видов оружия, в том числе из пулемёта, далеко бросала гранаты, научилась водить автомобиль.

Встретились и стали Октябрьскими

Они встретились в городском тире. Маша забежала в него на несколько минут, купила пульки, попросила повесить настоящие мишени, чтоб не стрелять в игрушечные мельницы,

зайцев, часы с хлопушками. Прильнула к винтовке. И без пауз отстрелялась.

– Быстро расправились. Ну-ка, поглядим, – сказал заведующий тиром: – Поздравляю вас. Ловко. Кучно...

– Можно посмотреть? – высокий чубатый парень, вошедший в тир, взял в руки Машину мишень. – Правда, хорошо. Дайте-ка и мне.

«Курсант, – определила Маша. – Посмотрим...»

Парень поразил три «десятки» и две «девятки».

– Немного подкачало ружьишко. А вам, девушка, всего шаг до «Ворошиловского».

– Так негде стрелять. Всюду полно стрелков. Очереди. А времени мало.

– Приходите к нам, в училище. У нас отличный тир. Хотите?

– Так не пропустят же...

– Пропустят. Разрешите представиться – курсант кавалерийского училища Илья Родненко.

– Маша, – улыбнулась она ему.

– Давайте для знакомства по мороженому и в кино, если есть время, – предложил чубатый великан.

Так встретились Мария Гарагуля и Илья Родненко. Сильные, высокие, красивые, словно рождённые друг для друга, они скоро не могли уже и дня прожить не свидевшись. Илья ждал распределения на службу.

– Машенька! – сказал он. – Куда пошлют, туда и поеду. Но без тебя не могу...

И они поженились. Начиная новую жизнь, решили сменить и свои фамилии, стали Октябрьскими – в честь Октябрьской революции.

Как сложится у офицера жизнь, во многом зависит от жены. Служил Илья в Бердичеве, Изяславе, других городах. И был у него надёжный тыл. Ласково называл он любимую Машеньку боевой подругой.

Был Илья отправлен на Финскую войну. Вернулся с фронта с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». И сразу был командирован в Кишинёв на новое место службы. А в январе 1941 года полковой комиссар И. Ф. Октябрьский отбыл на Высшие офицерские курсы в Москву. Часто писал. Скучал по жене.

«Машенька родная, – читала она. – Что поделаешь, коль так часто мы в разлуке. Всё будет хорошо. Я люблю тебя. Жду желанную встречу».

Не пришлось. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР.

Марии Октябрьской – Иосиф Сталин...

Уже 23 июня Мария Васильевна с сестрой и маленьким племянником были в пути. Жён офицеров, их близких родственников эвакуировали в глубокий тыл. Через Харьков, Валуйки, Курск, Москву, Новосибирск прибыли они в город Томск. Сначала поместились в небольшой комнате возле станции Томск-2, позже переселились в дом № 31 на улице Белинского. Работу найти было нетрудно, и Мария на неё определилась. Стали приходить письма от Ильи. И вдруг перестали...

Мария работала телефонисткой, старалась подольше задерживаться на работе. Помогала сестре. Перечисляла заработанные деньги в фонд Красной Армии, отправляла посылки на фронт бойцам. Так поступали все жители Томска, да и всей страны.

Шли дни, месяцы, прошёл год... В августе 1942 года почтальон принёс то, чего больше всего страшилась Мария – похоронку. Читала, а буквы расплывались: «Ваш муж полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский повёл в атаку бойцов и был сражён пулемётной очередью фашистов». Это случилось в бою под Киевом...

Окаменелая, сидела она три дня и три ночи... Но надо жить. Надо отомстить за смерть любимого. Только на фронт! Она пришла в военкомат.

– Отправьте на фронт. Я могу водить машину, стрелять из всех видов оружия, имею значок «Ворошиловский стрелок»...

– Дорогая Мария Васильевна! Мы всё понимаем, но посмотрите, сколько молодёжи рвётся на фронт. Вам можно, например, пойти медсестрой в госпиталь...

Мария Васильевна отказалась.

– Хорошо. Ожидайте. Мы вызовем вас.

Но не вызвали...

Вот тогда-то она и решилась написать письмо самому Сталину. А перед этим распродала всё, что у неё было – одежду, посуду, сувениры... Вместе с сестрой день и ночь шила, вышивала, вязала. И продавали эти изделия. За всё про всё выручили ровно 50 тысяч рублей. И тогда полетело письмо в Кремль:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

В боях за Родину погиб мой муж, полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в Госбанк СССР 50 000 рублей, все свои сбережения, на построение танка. Прошу назвать танк «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофёра, отлично владею пулемётом, являюсь «Ворошиловским стрелком».

Шлю Вам горячий привет и желаю здравствовать долгие, долгие годы на страх врагам и на славу нашей Родины.

Октябрьская Мария Васильевна

г. Томск,

ул. Белинского, 31».

Ждала ответ. И вот пришла телеграмма:

«Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет.

И. Сталин»

Радостно забилося сердце у Марии Васильевны. Но у неё нет прав на вождение танка. Ей идут навстречу: 3 мая 1943 года зачисляют в Омское танковое училище. Она успешно его закончила и первой из женщин страны получила специальность «механик-водитель танка» с воинским званием «сержант».

Две боевые подруги

Командиром танка по желанию механика-водителя назначили энергичного, умного, надёжного, смелого младшего лейтенанта Н. И. Чеботько, башенным стрелком настоящего снайпера Г. И. Ясько, стрелком-радистом М. К. Галкина. Все

они принимали участие в сборке Т-34. На башне танка с обеих сторон было написано «БОЕВАЯ ПОДРУГА». Так звал Марию её незабвенный Илья.

Экипаж «Боевой подруги»

Первый бой

Мария Васильевна хотела воевать на Украине, где пал смертью храбрых её Илья. Но экипаж был направлен на Западный фронт, под Смоленск, в составе второго батальона 26-й гвардейской танковой бригады 2-го гвардейского корпуса.

«В ночь с 17 на 18 ноября 1943 года танки вышли на исходную позицию. Предстояло отбить важное в стратегическом плане село с названием Новое Село. На рассвете началась атака.

— Вперёд! — подал команду командир.

— Есть вперёд! — ответила механик-водитель. «Боевая подруга» рванулась в бой. Фашисты открыли огонь по «Боевой

подруге». Умело маневрируя между разрывами снарядов, сержант Октябрьская вела свой танк на сближение с врагами.

– Впереди противотанковый ров, – голос командира.

– Вижу. Маневрирую.

И в этот момент лопнула гусеница: в неё попал снаряд. Ремонтировать? Но как? Земля под самым днищем, не выбраться. А кругом бой. Выйти через десантный люк экипажу не удалось. К подбитому танку трижды пытался подобраться тягач. Безуспешно! Трое суток отбивались танкисты. Наступающие войска отбросили врага. Экипаж «Боевой подруги», исправив повреждение, догнал своих товарищей, вступил в бой. Эта машина в числе первых ворвалась в Новое Село». Так описан первый бой «Боевой подруги» в очерке «Хозяйка танка» из книги «Звёзды немеркнущей славы», изданной в Симферополе в 1967 году.

...И – последний

14 января 1944 года второй танковый батальон получил боевую задачу выбить фашистов из железнодорожной станции Крынки Витебской области. Рванула вперёд боевая машина. Но вновь вражеский снаряд ударил в Т-34 и разбил левый ленивец на гусенице.

– Командир! Я быстро. Думаю, скоро исправлю,- сказала Мария Васильевна.

У механика-водителя – много задач: он должен знать маршрут, вести наблюдение, при аварии танка на поле боя принимать меры к быстрому восстановлению его, несмотря на смертельную опасность. Война!

Механик-водитель находится в отделении управления машиной. Слева – педаль привода управления главного фрикциона, тут же – фиксирующий механизм ножного привода, педаль управления тормозом. Когда машина получила повреждение, сержант Октябрьская, прекрасно зная матери-

альную часть танка, поняла: повреждён ленивец. Но что повреждено? Корончатая гайка? Броневой колпак? Распределительная втулка? Ей уже приходилось заменять ленивец. И, прихватив инструмент, он выбралась через люк.

Танк стоял на ровной полянке. Вблизи не было видно вражеских машин, огневых точек...

«Сделаю!» И принялась устранять повреждение. Ничего не предвещало беды. Но вдруг рядом разорвалась мина. Она попала в кормовой бак. Т-34 охватило пламя. Экипаж покинул машину. А Мария Васильевна была тяжело ранена в голову.

Ей срочно сделали операцию в полевом госпитале. Но состояние ухудшалось и стало критическим. Тогда решено было отправить её самолётом в Смоленск, в стационарный госпиталь. Это было 16 февраля 1944-го...

Но и в смоленском госпитале состояние не улучшалось. Врачи были бессильными что-то изменить.

Начальник политотдела бригады гвардии полковник А. Г. Гетман навестил Марию Васильевну и от имени командования вручил бесстрашной женщине орден Отечественной войны 1 степени. Было отклонено предложение самолётом отправить её в Москву к лучшим хирургам, поскольку наступили критические часы... 15 марта Мария Васильевна скончалась. Похоронили её в Смоленске, в Кутузовском саду, возле крепостной стены, на Аллее героев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1944 года Марии Васильевне Октябрьской было присвоено звание «Герой Советского Союза» (посмертно).

На Великой Отечественной войне в танковых войсках сражались и другие мужественные женщины. В их числе – Бархатова Валентина Сергеевна (1924–1944 гг.), Бойко Александра Леонтьевна (1918–1996), Грибалёва Валентина Алексеевна (1919–1945), Калинина Людмила Ивановна (1915–2014), Кострикова Евгения Сергеевна (1921–1975), Лагунова Мария

Ивановна (1921–1995), Левченко Ирина Николаевна (1924–1973), Петлюк Екатерина Алексеевна (1919–1998), Ращупкина Александра Митрофановна (1914–2010), Самусенко Александра Григорьевна (1922–1944), Сотникова Ольга Дмитриевна (1924–??), Ширяева Нина Ильинична (1922–2012).

Удивительны судьбы этих женщин. О них написано много книг, сняты фильмы, им поставлены памятники. Легендарна, например, судьба Александры Ращупкиной. Как в годы Отечественной войны 1812 года Надежда Дурова выдала себя за мужчину и сражалась с французами (вспомните фильм «Гусарская баллада»), так и эта Шура, выдав себя за юношу, прошла дорогами войны до самой Победы.

На Поклонной горе в Москве установлен танк «Боевая подруга». Это четвёртая машина с таким именем (три были подбиты в боях с фашистами). Она с тем же командиром Петром Чеботько дошла до Кёнигсберга, а потом участвовала в параде Победы в июне 1945 года.

ТАНКИСТКА КОСТРИКОВА

Её судьба тоже исключительно интересна. Женя Кострикова, дочь партийного вождя Сергея Мироновича Кирова, с детства не была избалована вниманием своего отца. Матери не стало, когда она была совсем маленькой. Отец, женившись во второй раз, не нашёл места в новой семье для дочери, и она воспитывалась в интернате.

В 1938 году Евгения Кострикова, будучи студенткой училища им. Баумана, пыталась попасть на войну в Испании и непременно танкистом. Завершение там боевых действий для неё стало личной трагедией. Не попала она и на Финскую войну. Но позже повоевать ей всё-таки пришлось...

Мечта о танке не покидала девушку, и, окончив курсы медсестёр, она попросила, чтобы её направили санинструктором в танковый батальон. В дни битвы на подступах к Москве Евгения, рискуя жизнью, спасала раненых танкистов, выносила их на своих хрупких плечах с поля боя. Под Москвой за личное мужество она получила свою первую медаль «За отвагу».

В 1942 году Кострикова вместе с 5-м гвардейским механизированным корпусом, ставшим для неё родным, сражалась под Сталинградом. За участие в тяжёлых боях была награждена орденом Красной Звезды. А в танковой битве на Курской дуге спасла жизнь 27 танкистам. Вытаскивая их из горящих танков, сама была ранена осколком снаряда. За этот подвиг её наградили орденами Отечественной войны 2-й степени и Красного Знамени.

После ранения, во многом благодаря знакомству с маршалом Ворошиловым, Жене удалось добиться направления в Казанское танковое училище. Окончив его, в звании старшего лейтенанта вернулась на фронт в 5-й гвардейский механизированный корпус, где стала командиром танковой роты. Подобных прецедентов история этой войны ещё не знала.

Евгения Кострикова воевала на Украине, а в январе 1945 года в составе 1-го Украинского фронта приняла участие в Висло-Одерской операции. В начале мая 1945 года танки 5-го механизированного корпуса совершили беспрецедентный рывок через Рудные горы на помощь восставшей Праге. За участие в Берлинской и Пражской операциях героиня была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Войну Евгения Сергеевна Кострикова закончила в звании гвардии капитана.

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

Так их прозвали. И заслуженно. В Великую Отечественную войну женщинами-снайперами было уничтожено около 20 тысячи гитлеровцев. Шесть девушек были удостоены высшей награды – Звезды Героя, из них Алия Мондогулова и Татьяна Барамзина посмертно. Орденами Славы III и II степени награждены 102 девушки, орденом Красного Знамени – 7, Красной Звезды – 7, орденом Отечественной войны – 7, медалью «За отвагу» – 299, медалью «За боевые заслуги» – 70. 22 девушки были награждены именными снайперскими винтовками. Нина Петрова стала обладательницей ордена Славы всех трёх степеней.

Легендарная снайпер **Людмила Павличенко** уничтожила 309 вражеских солдат и офицеров, из них 36 снайперов. По сути, ей одной удалось уничтожить целый батальон и это всего за один год войны, но самый первый и самый трудный год войны.

И она к этому готовилась. В молодёжной среде в те годы было модно приобретать военные специальности. Особенной популярностью пользовался авиационный спорт. Павличенко с детства боялась высоты, а потому решила попробовать себя в стрельбе. На первом же уроке девушка попала в мишень. Инструктор тира написал докладную ректору, и буквально через пару дней её отправили на курсы снайперов.

Война застала Людмилу в Одессе, где она проходила практику. Услышав по радио объявление о начале войны, студентка Киевского университета отправилась в военкомат, но там было не до неё. А спустя пять дней вышел приказ о призыве выпускников снайперских кружков.

Павличенко приняла присягу 28 июня.

Людмила Павличенко

В начале августа немецко-румынские войска уже приближались к Одессе. В первые дни обороны города Павличенко совершила подвиг: за 15 минут уничтожила 16 фашистов. Людмила участвовала в боях за Севастополь и уничтожила столько врагов, сколько не удалось ни одному снайперу при обороне этого города. Подвиги девушки были столь велики, что в 1942 году её включили в делегацию для поездки в США на переговоры о втором фронте. Здесь она познакомилась и даже подружилась с Элеонорой Рузвельт, женой президента США.

А главное, произнесла обращение к американцам, которые «слишком долго прятались за её спиной». Людмиле горячо аплодировали.

В 1941 году Людмила на фронте познакомилась с лейтенантом Алексеем Киценко. Молодые люди собирались пожениться, но Киценко погиб в начале 1942 года. Людмила получила тяжёлые ранения и сильное нервное потрясение.

Когда Людмила оправилась от ранения, её назначили инструктором в школу снайперов. Она передала свой опыт десяткам будущих снайперов.

Из 1885 женщин-снайперов до Победы не смогли дожить 185. Те, кто вернулся домой, предпочитали молчать, как они воевали, слишком негативное отношение было у фронтовиков к снайперам.

Только спустя 20 лет после окончания войны отношение к ним изменилось. После этого женщины-снайперы стали раскрываться, рассказывать о своих подвигах...

Людмила Павличенко и Элеонора Рузвельт

В МЕТРО ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Про блокаду Ленинграда во время Великой Отечественной знает каждый. Второй по величине город страны 900 дней был в кольце вражеских армий. Голод убивал ленинградцев так же безжалостно, как бомбы и снаряды. Но жизнь продолжалась, и она не была пассивной – работали промышленные предприятия, в школах и институтах проходили занятия, в больницах и госпиталях продолжали лечить людей, большое значение имела работа служб гражданской обороны и милиции.

И, конечно, каждый знает про Дорогу Жизни – единственную ниточку, протянувшуюся через Ладожское озеро, которая связывала осаждённый город с остальной страной. Летом на судах, а зимой – на грузовиках, по льду, в город поступало столь необходимое продовольствие и другие необходимые для жизни и обороны грузы. Главным «грузом» на обратном пути были люди – их эвакуировали, вырывая из лап смерти, в которых они находились. Каждый рейс был на вес золота, тем более, что проходили эти рейсы под обстрелами и бомбёжками.

Одним из грузов, который моряки Ладожской флотилии повезли весной 1943-го на «Большую землю», были мозаичные панно для украшения станций московского метро.

За время Великой Отечественной войны в Москве были открыты несколько новых станций метро, а мозаичные панно для их украшения делал в блокадном Ленинграде знаменитый мастер – **Владимир Александрович Фролов**.

Прочитав это, у некоторых, возможно, округлятся глаза: «Серьёзно?! В стране, ведущей тяжелейшую войну? Где на счёту каждый рубль, каждая пара рабочих рук? Когда, прямо скажем, исход был ещё не очевиден и надо было о другом думать, а не открывать новые станции метро». «Вывезти по Дороге Жизни вместо людей – картинки... А что, поезда в метро без картин не поехали бы? Что за блажь?!».

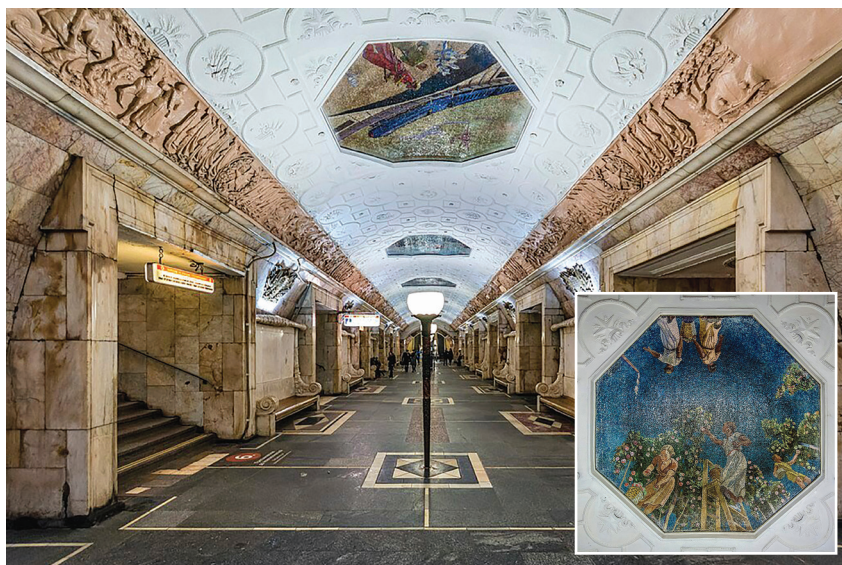
Возможно, они не знают про то, что когда на восток страны эвакуировали людей и промышленность, то выделяли вагоны и даже целые составы для эвакуации музеев. Что во время войны строили не только метро, но и дворцы культуры и административные здания, например, Дом офицеров в Перми. В 1942-м приступили к разработке автомобиля представительского класса, лимузина ЗиС-110, и завершили к концу войны, и на нём после Победы ездили Сталин и другие руководители партии и государства, которым новые «ЗиСы» заменили американские «Паккарды». А ведь инженеры и рабочие, занятые на этих направлениях, вроде бы выполняли работу, напрямую не связанную с девизом «Всё для фронта, всё для Победы!»

*Дом офицеров в Перми.
Открыт 7 ноября 1943 года, в разгар войны*

А на самом деле очень даже связанную. Таким образом страна давала сигнал: мы собираемся победить, поэтому уже думаем над тем, как будем жить после победы. Это были осо-

бые участки работы, имевшие не прямое практическое значение, а значение смысловое, мотивирующее, воодушевляющее. И люди, занятые на этих работах, отдавали все силы и здоровье, потому что точно так же работали «для фронта, для Победы», как и рабочие оборонных предприятий, как колхозники в полях. Как солдаты воевали на фронтах.

Вестибюль станции метро «Новокузнецкая» и одно из панно, созданных для неё В. А. Фроловым в Ленинграде

В. А. Фролов закончил работу над фресками для московского метро ещё в 1942 году. Будучи уже стариком, работал в полутьме – выбитые взрывами окна мастерской были заделаны фанерой. Вскоре он умер от голода и был похоронен в братской могиле профессоров Академии художеств на одном из ленинградских кладбищ. Эти фрески предназначались для станции «Павелецкая», но установлены были на станции метро «Новокузнецкая».

В 2013 году на этой станции была установлена мемориальная доска, на которой профиль В. А. Фролова был скопирован с плохо сохранившегося кадра кинохроники. Но память о нём и его подвиге сохранит не только этот мрамор, а более всего – его работы, его неувядающие панно.

ЧЕРКАСОВЦЫ

После двухсот дней и ночей Сталинградской битвы город-герой на Волге остался лежащим в руинах. И сталинградцы начали работу по его восстановлению. А задача перед ними стояла сверхтрудная – на протяжении 40 километров сплошной полосой тянулись развалины, и на их протяжении насчитывалось около 150 тысяч воронок от бомб и снарядов. Полностью были выведены из строя основные жизнеобеспечивающие коммуникации, кроме того, существовала ещё и минная опасность. А в подвалах разрушенных домов находилось много незахороненных трупов людей и животных, и чтобы не допустить эпидемий, в первую очередь нужно было провести захоронения и разминировать город.

Через два месяца после окончания сражения – 4 апреля 1943 года – вышло постановление Государственного Комитета обороны «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области, разрушенных немецкими оккупантами».

По предложению горисполкома председатель уличного комитета **Александра Максимовна Черкасова**, работница детского сада, стала организатором добровольческой бригады. В ней насчитывалось 19 жён фронтовиков, воспитательниц и технических работниц детских учреждений, домохозяек. Так и началось Черкасовское движение.

Первоочередной задачей было восстановление школ, детских садов, детских домов и лечебных учреждений. 4 февраля 1943 года Александра Черкасова приняла решение собирать по городу детей, подыскивать и приводить в порядок уцелевшие дома, чтобы поселить туда стариков и детей. Выносили трупы немцев, разгребали кирпичи, из старых зеркала, ободрав краску, делали окна, собирали годную в хозяйстве рухлядь.

Много лет спустя Александра Черкасова вспоминала: «Начали мы с детских домов и садов. Ведь нам, женщинам и матерям, большее всего было видеть десятки, сотни ребятишек, которых мы находили в землянках, щелях, подвалах, а то и прямо бродящих среди развалин. Восстановили один дом, потом другой. Десятки детских садов восстановили, работать в них стали. Из Бекетовки продукты для детей на себе таскали, пешком – транспорта-то у нас не было».

13 июня 1943 года 19 черкасовок вышли на восстановление легендарного Дома Павлова. Проводили расчистку завалов и лестничных клеток. После работы состоялся митинг, на котором они обратились к сталинградцам с призывом поддерживать их почин и выходить на расчистку руин и завалов в городе и его восстановление в нерабочее время.

Черкасовские бригады стали организовываться на каждом предприятии, в учреждении, учебном заведении, на каждой улице. Между прочим, жители города, выходя на восстановительные работы, трудились бесплатно.

Черкасовцы взялись за выполнение самых трудоёмких, необходимых дел – расчистку площадок для строителей, земляные работы, разбор завалов, ремонт домов, посадку деревьев.

В 1944–1945 годах начался второй этап черкасовского движения. Ещё шла война, мужчины были на полях воинской брани, и женщины Сталинграда стали овладевать мужскими специальностями: каменщика, плотника, столяра, и опять после окончания рабочего дня.

В течение 1944 года около 3 тысяч домохозяек, рабочих и служащих овладели специальностью строителей. С 1945-го и до конца 1950-х годов – третий период черкасовского движения в Сталинграде. Черкасовские бригады стали закрепляться за конкретными объектамистроек. Люди работали не вообще на восстановление, а конкретно на одном из объектов. Этими объектами стали Центральная набережная,

пединститут, драмтеатр, театр музыкальной комедии, Мамаев курган, речной порт. Люди создавали своим трудом самые лучшие памятники себе при жизни. И в этом была своя мудрость. Движение перестало быть только чисто женским. К восстановлению города на Волге присоединились молодёжно-комсомольские бригады, студенты, мужчины, вернувшиеся с фронта.

Всего в Сталинграде к 1948 году в бригадах работало 86 тысяч человек. Эта огромная армия добровольцев-строителей отработала в том году на восстановлении города 3 млн. часов.

Работа сталинградцев по возрождению города послужила примером для жителей других городов, освобождённых от врага – в Севастополе, Киеве, Харькове, Курске и Ростове, Чернигове и Брянске население принимало активное участие в строительных и ремонтных работах.

За всё время работ участников черкасовского движения и всех сталинградцев были восстановлены свыше 850 тысяч квадратных метров производственных площадей заводов и фабрик. В строй действующих предприятий вступили такие предприятия, как Сталинградский тракторный завод, завод «Баррикады», металлургический завод «Красный Октябрь», Сталэнергокомбинат, железнодорожный и водный транспорт, гидролизный и консервный заводы, лесозаводы и многие другие. В городе восстановлено 52 школы, 4 вуза, техникумы, 2 театра и многие другие учреждения культуры и науки. За это же время было восстановлено 645.000 квадратных метров жилой площади.

ДЛЯ ВСЕХ ПРИМЕР

Имя Александры Черкасовой в Сталинграде стало нарицательным для целого движения добровольцев

Казалось бы, среди руин и пепелищ все заботы должны быть только о себе, о том, как выжить. И то, что совершила бригада Черкасовой, через десятилетия поражает своей безоглядной самоотверженностью.

Александра Черкасова все дни боёв в Сталинграде, вместе со своими двумя малолетними девочками, находилась среди бойцов в землянке на крутом берегу Волги. Она стирала солдатское бельё, на железной печурке кипятила окровавленные бинты для медсанбата. Рядом была помощница и подруга Ольга Долгополова, у которой трое детей. От взрывов тряслись стенки земляного убежища. Подруги обещали друг другу: случись беда с одной из них, другая не бросит её детей, примет как своих. «Саша Черкасова была бесстрашная, — рассказывала мне при встрече Долгополова. — Сколько раз это бывало: идёт бой, слышится крик раненого: «Помогите!» Александра тут же выскакивала из землянки, ползла между руинами. На плащ-палатке, которая у неё всегда была наготове, тащила раненого к берегу Волги».

За это Черкасова была награждена медалью «За оборону Сталинграда».

Выросла она в заволжском селе Зубовка. Отец погиб в Первую мировую. С малых лет работала на огороде, в поле. В ликбезе научилась читать и писать — вот и вся грамота.

В начале 30-х уехала в Сталинград. Вышла замуж за Ивана, доброго, работающего парня. Он работал монтажником в бригаде, которая прокладывала в городе телефонную линию. В первые же дни войны муж ушёл на фронт. И про-

пал. Письма от него в город, который тоже стал фронтом, не доходили.

Когда война в городе отгремела, она отправилась к подножию Мамаева кургана, где раньше стоял их с мужем домик. Они своими руками построили его перед войной. Теперь на пепелище только торчала обугленная печь...

Как жить? Где найти работу в разрушенном городе? Александра узнала, что в Сталинград вернулась председатель Дзержинского райисполкома Татьяна Мурашкина, и отправилась к ней. Они были знакомы: летом 1942 года перед Сталинградской битвой Черкасова, работница мясокомбината, организовала бригаду добровольцев-сандружинниц. Они встречали санитарные поезда, помогали перевозить раненых в госпитали, кормили бойцов, наводили чистоту в палатах.

По тропкам, вдоль которых стояли щиты: «Осторожно, мины!», Александра пришла к разрушенному зданию райисполкома. В его подвале и состоялся тот знаковый разговор, который предопределил её особую роль в судьбе многострадального города. Председатель райисполкома предложила Черкасовой: «Пойдѣшь работать в детский сад. Оформим тебя нянечкой. Но сама знаешь, детского сада ещё нет. Надо искать – какой домик можно поскорее отремонтировать. Подберѣм бригаду. Александра Максимовна, ты же всё умеешь. Помню твой рассказ о том, как вы с мужем строили дом. А сейчас самое важное – собрать детей, подкормить их, отвлечь от страданий, которые они пережили».

В наше прагматичное время уже трудно представить психологию людей тех военных лет: жертвенное начало было буквально разлито в воздухе. Без громких речей, напрягая все силы, стар и млад трудились, чтобы «помочь своей Родине».

Александра Черкасова

Такой была и Александра Черкасова. Она понимала, что, восстанавливая детский сад, придётся работать безвозмездно, как-то выживать. Александре Черкасовой исполнилось в ту пору тридцать. Была она высокая, статная, красивая. По характеру – весёлая, озорная. Короче: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт...».

В добровольческую бригаду Черкасовой вошли воспитатели детских садов, нянечки, поварихи. Они вместе нашли дом с пробитыми снарядами стенами. Кирпичами заделывали пробоины, чинили крышу, белили потолок и стены. Собирали на пепелищах железные кровати, кастрюли, миски, ложки. Из досок склотили столики и лавки для детей. Сложили печь.

И скоро в детском саду зазвенели детские голоса.

«Мы старались, как могли, радовать малышей, – рассказывала Ольга Долгополова. – Однажды меня нарядили парашютистом. Надели комбинезон, за плечами вещевой мешок, в котором печенье и пышки, которые мы сами испекли. Нашли в руинах настоящий парашют. Появившись перед ребятами, я сказала, что опустилась с самолёта. Привезла подарки от детей из других городов».

Все работавшие в бригаде Черкасовой ютились в землянках, подвалах и помогали друг другу обустроиться.

Валентина Тренникова рассказывала: «Я работала воспитателем в детском саду и вступила в бригаду Черкасовой. Жила под лестничной клеткой разбитого дома. Как-то увидела на первом этаже соседнего дома три сохранившиеся стены комнаты. Сказала об этом Черкасовой. Через несколько дней она привела сюда всю нашу бригаду. Весь день сооружали стену для моего нового жилища. Сделали окошко. Из снарядных ящиков сколотили скамейки и большой стол, чтобы уместилась вся бригада. Сварили на костре кашу и вечером сели праздновать моё новоселье. Никогда мне не забыть тот день! Пошли шутки, смех. Радоваться мы умели!».

Трудной была жизнь в разрушенном Сталинграде. Женщины шили себе кофты и юбки из солдатских одеял и плащ-палаток. На ногах – солдатские сапоги. Купали детей в железных бочках. Пищу варили на кострах. Вёдра с водой носили с Волги, поднимаясь по крутому склону.

То, что совершила бригада Черкасовой, через десятилетия поражает своей безоглядной самоотверженностью. Они решили взяться за восстановление знаменитого Дома Павлова, защитники которого 58 дней сражались на переднем крае обороны. Это был обыкновенный 4-х этажный жилой дом.

На кирпичной стене Дома Павлова бойцы начертали в дни боёв: «Мы отстоим тебя, родной Сталинград!» После Победы

кто-то добавил в эту надпись одну букву, и теперь она выглядела так: «Мы отстроим тебя, родной Сталинград!»

К тому времени в бригаде Черкасовой работало 19 человек. На общественную стройку приходили Анна Семилетова, зав. детским садом, потерявшая на фронте единственного сына, Мария Кузубова, жена фронтовика, мать двоих малолетних детей. Самой старшей в бригаде по возрасту была 52-летняя Анна Мартынова. Четыре её сына сражались на фронте. Она привела с собой на стройку 14-летнюю дочку Люсю. С первого дня работала в бригаде Ольга Долгополова. Подруги знали, как она получила последнюю весточку от мужа. Перед началом боёв в Сталинграде её муж Федор в солдатской теплушке проезжал мимо Мамаева кургана. Он вглядывался в родной двор, который находился рядом с железной дорогой. Но ни Ольги, ни детей в эти мгновения там не было. Федор увидел соседку и бросил вниз рукавицу: «Передай Ольге!» В рукавице Ольга нашла записку, две свёрнутые тетрадки, куски сахара и игрушку детям – свисток. Ольга поспешила на железнодорожный вокзал, бегала, кричала между составами. Но мужа так и не встретила.

...Бригада Черкасовой прошла по этажам Дома Павлова. Всюду – следы боёв: груды гильз, пулёмтные ленты, окровавленные бинты. «Мы приходили на стройку после смены, очищали этажи – спускали вниз куски цемента, арматуры, – рассказывала Александра. – Нам прислали опытного прораба Стрельбицкого. Он проводил с нами занятия, показывал, как замешивать раствор, как вести кирпичную кладку, чтобы стена не оказалась кривой. Ведь все мы были самоучки».

У каждой женщины, пришедшей в бригаду Черкасовой, была в душе своя боль, принесённая войной. Подруги читали письма, полученные с фронта, утешали друг друга, плакали вместе. Они работали, преодолевая усталость, тревоги, а по-

рой и отчаянье – слишком много видели лишений в разрушенном городе.

«Шура Черкасова была прирождённым лидером, – рассказывала Ольга Долгополова. – Умела сплотить бригаду. Видит, что все устали. Садимся передохнуть, и Шура в перерывах обычно говорила: «Конечно, нам нелегко, но давайте подумаем, как тяжело приходится нашим мужчинам на фронте. Ведь мы видели – что такое война». И откуда только силы брались? Мы поднимались и снова работали». Недаром на восстановленном Доме Павлова потом появится надпись: «В этом доме слились воедино подвиг ратный и трудовой».

В те первые дни восстановления в городе ещё не было строительной техники. Все приходилось делать вручную. Женщины на носилках поднимали наверх кирпичи, в корытах замешивали раствор. Водопровод был разрушен. Воду с Волги на коромыслах носили. На стройке не хватало кирпичей. Стали их среди руин искать.

«После работы мы часто собирались у костра, – вспоминала Ольга Долгополова. – И еду приготовим, и песни споем. Какие песни? Любили весёлые, шуточные. Над руинами летели наши задорные припевки: «Топится, топится в огороде баня!» Молодые были, казалось – всё нипочём».

Из окон Дома Павлова открывались улицы, заваленные глыбами бетона, разрушенные коробки домов, поваленные столбы, скрюченные взрывами трамвайные рельсы. Казалось, невозможно возродить эти улицы. Как-то во время перерыва бригада Черкасовой написала письмо в областную газету, в котором призывала жителей выходить на восстановление города, создавать добровольческие бригады, безвозмездно работать на стройках после трудовой смены.

Обращение это сталинградцы читали возле обугленных домов, разрушенных мартенов, взорванных подстанций, разбитых конвейерных линий...

Черкасова вспоминала: «Это было воскресенье. Как обычно, в выходной день мы пришли работать в Дом Павлова. И вдруг видим – со всех сторон к нам идут люди. Поднимаются по разбитым лестницам. Спрашивают: «Кто бригадир? Записывайте нас!» Наша бригада тогда выросла до 100 человек».

*Сержант Павлов и Александра Черкасова
возле Дома Павлова. 1946 г.*

В Сталинграде, который стал символом Победы, рождалось движение, до тех пор небывалое в истории – добровольческие бригады, которые стали называть черкасовскими, создавались отныне в каждом трудовом коллективе.

Жители после своей трудовой смены бесплатно 2–3 часа обязательно работали на восстановлении города. Начинали с того, что очищали дороги, засыпали воронки, выгружали с барж доски, кирпичи. А для поднятия духа появились личные черкасовские книжки, в которых бригадиры отмечали, сколько часов отработано безвозмездно на восстановлении Сталинграда.

Черкасовское движение, в котором участвовали тысячи сталинградцев, стало продолжением ратного подвига, совершенного на Волге. Добровольческие бригады, уже под руководством специалистов, восстанавливали жилые дома, школы, детские сады, поликлиники.

В первый же месяц на тракторном заводе были созданы 87 черкасовских бригад, в которых работало 1180 человек. Добровольцы очистили от обломков территорию родильного дома, собрали в руинах и привезли на место будущей стройки 4 тысячи кирпичей. На заводе под руководством инструкторов кузнецы, механики, слесари овладевали строительными профессиями. В заводском посёлке между цехами распределили разрушенные кирпичные дома. Каждое здание восстанавливали для своих рабочих. Конечно, жизнь в этих первых домах была сопряжена с большими трудностями: стёкол не было – окна забивали досками, а то и закладывали кирпичами, внутри было душно от копоти – отапливались железными печурками, на них же готовили пищу. Мастерили самодельные светильники из снарядных гильз – их называли «катюшами». Но другого жилья в разрушенном городе не было.

...В Доме Павлова пахло штукатуркой и краской. Бригада Черкасовой со знаменем в руках поднялась на крышу здания. Так они отметили свою победу. Комиссия приняла восстановленный дом. «Теперь, подруги, перейдём на новый объект: будем ремонтировать школу», – тут же сообщила бригадир.

Война не щадила никого. В сентябре 1943 года Александра Черкасова получила письмо от незнакомого человека. Развернув конверт, она увидела окровавленные снимки, которые посылала Ивану на фронт.

Житель Харькова писал ей, что после освобождения города неподалёку от своего дома увидел убитого бойца, нашёл в кармане его гимнастёрки эти снимки, а также адрес и ре-

шил написать семье. Вскоре пришло и официальное сообщение – «похоронка». Александра плакала, кричала в голос от душевной боли. Подруги просили её отойти от тяжёлой работы. Боялись за её здоровье. Но она твёрдо ответила: «Надо работать. Сами знаете – на нас весь город смотрит».

А с фронта новое письмо. «Похоронку» получила Мария Кузубова, мать двоих детей. Вдовья судьба настигла и Ольгу Васильевну Долгополову. Погиб её муж Фёдор. Ей одной придётся поднимать троих детей. Но ни одна из них не уйдёт из бригады.

Они получали письма со всех концов страны. На конвертах было написано: «Сталинград, бригаде Черкасовой». К ним приезжали делегации из Воронежа, Смоленска, Ржева и других разрушенных войной городов. Черкасовцы делились своим опытом. Об одном всегда молчали – какую они испытывают боль, потеряв родных на войне.

Из осаждённого Ленинграда под огнём прошёл эшелон, в котором в подарок Сталинграду были отправлены типовые проекты зданий, строительные механизмы, электромоторы, книги. Жители города Кирова передали в дар сталинградцам паровоз, вагон запасных частей и инструменты для железнодорожников, а также посуду для столовых, репродукторы. В Череповце сталинградским детям собрали одежду и обувь. В Бузулуке на субботнике изготовили и отправили в Сталинград 1078 зубил и молотков, 40 табуреток, 25 металлических тазов, 43 кружки, 120 ложек. За любую мелочь несказанно были благодарны жители разрушенного города.

— О черкасовском движении узнала вся страна. Работали и волонтеры из Ковентри, приезжали поляки. Жена премьер-министра Великобритании Клементина Черчилль привезла эшелон с детской одеждой. Наши мальчишки и девчонки были одеты в форму английских моряков. Откликнулась вся Англия: три больницы оборудовали на их средства, — рассказала заведующая экспозиционно-выставочным отделом музея-заповедника «Сталинградская битва» Светлана Аргасцева.

В Саратове организовали фонд восстановления Сталинграда. Всего за месяц внесли в него 6,5 миллиона рублей. Тысячи саратовцев тоже устремились на юг помогать соседям.

Впереди ещё были многие дни войны. Но дух Победы, её скрытый код ощущался в этой жертвенности, способности помогать друг другу, готовности бескорыстно служить своей стране. Такими были моральные принципы военного поколения, которому выпала героическая и трагическая судьба защитить своё Отечество.

Бригада Александры Черкасовой безвозмездно трудилась на стройках Сталинграда более 10 лет.

В городе уже появились мощные строительные тресты, но черкасовцы, чаще всего в качестве подсобников, по вос-

кресным дням по-прежнему несли свою бескорыстную службу. Их последняя работа была по благоустройству городской набережной. А всего в Сталинграде, по подсчётам историка Г. А. Яковца, добровольческие черкасовские бригады на восстановлении города отработали более миллиона часов.

...Однажды в Псковской области я участвовала в поисковой экспедиции. Отряд следопытов – это были студенты, отправился в дни каникул на места боёв, чтобы найти и похоронить останки наших павших воинов. Не каждый способен на такое дело. Поисковики со щупами, взметая зловонную воду, проходили по болоту, доставали пожелтевшие останки. В ладонях перетирали болотную жижу, надеясь найти солдатские медальоны. Глядя на их тяжёлую работу, подумалось: если есть такие ребята, ещё не всё потеряно. Пусть их всего тысячи среди миллионов. Но они же – есть!

ВОЗРОЖДЕНИЕ «РУССКОЙ ТРОИ»

8 мая 1965 года «русская Троя» получила почётное звание «город-герой». Интересно, что именно с этим событием совпало и окончание восстановительных работ практически полностью разрушенного в годы войны города. Хотя официально горком Компартии Украины докладывал о завершении восстановления Севастополя ещё 19 февраля 1957 года. Но фактически строительные работы продолжались вплоть до 20-летнего юбилея Победы.

Одна из центральных улиц города (1950 год)

Небольшой приморский город в мае 1944 года практически полностью лежал в руинах. 7 больших полуразрушенных зданий и 180 повреждённых небольших домиков – вот и всё, что осталось от 6402-х жилых довоенных домов.

Здание городского музея (1944 год)

Стена дома напротив главпочтамта (1945 год)

Решением Советом Министров СССР Севастополь был включён в список 10 городов страны, подлежащих первоочередному восстановлению. Возможно, на такое решение повлияли слова Ф.Рузвельта, который посетил развалины города Славы в феврале 1945-го.

«Для восстановления вашего города понадобится 50 лет, и это возможно в том случае, если мы вам поможем; без нашей помощи вам не обойтись». – сказал американский президент.

Восстановительные работы на Историческом бульваре

Впрочем, в конце 20-х годов он также скептически отзывался об индустриализации в СССР. Поэтому к его мнению особо не прислушались. Не ожидая помощи из-за океана, срок, отведённый Рузвельтом, решили сократить более чем в 2 раза. И это удалось.

Восстановление улицы Ленина

Работы начались уже в первые дни после освобождения. Ведь прежде, чем возводить новые кварталы, надо было разминировать и расчистить завалы. Строительным мусором – всем, что не могло пригодиться для сооружения новых зданий, – засыпали глубокие городские овраги и повсеместные огромные воронки. А когда разбирали разрушенные стены кирпичных зданий, добытый таким образом кирпич складывали в штабель. Это был первый ценный строительный материал.

Работали круглосуточно в две смены. В городе стало быстро распространяться черкасовское движение. С каждым днём бригад-черкасовцев становилось всё больше. В нерабочее время они активно помогали восстанавливать город.

Стал популярным лозунг: *«Каждому севастопольтцу – вторую строительную специальность!»* Черкасовцы работали штукатурками, каменщиками, плотниками и малярами. К тому же ряды местных строителей постоянно пополняли иногородние, которые ежедневно приезжали в город со всех концов Советского Союза.

Возрождение Севастополя шло невиданными темпами. И это несмотря на острый дефицит строительной техники. Особенно не хватало кранов...

Генплан восстановления города был разработан московскими архитекторами под руководством профессора Г. Б. Бархина.

Приблизили этот план к реалиям и воплотили в камне ленинградские и крымские архитекторы под руководством В. А. Артюхова. Благодаря их усилиям Севастополь был фактически отстроен заново. В 1954 году за успехи в восстановлении города его жители были удостоены коллективной награды – ордена Трудового Красного Знамени.

Работы на Малаховом кургане

К 1957 году были уже введены 700 тысяч кв. м жилья, 32 школы, 8 больниц, 350 промышленных и торговых предприятий. А с 1957 по 1965 год ударными темпами шли работы по очистке, озеленению и освещению города. Горисполкому из союзного бюджета на эти нужды было выделено 20 млн. рублей. В частности, в документах подчёркивалось, что сумма, выделенная Севастополю, была значительно более высока, чем для других городов.

Несмотря на то, что над проектами отдельных зданий работали различные архитекторы, все они соблюдали единство стиля, используя элементы классической ордерной архитектуры. При восстановлении города все дома строились из белого инкерманского известняка. Всё это сделало Севастополь одним из красивейших городов Европы.

Установка шпиль на здании Матросского клуба

Реставрация здания Художественного музея

Новый кинотеатр «Победа»

Особенно прекрасна и своеобразна центральная часть – исторический центр Севастополя, где три главные улицы – проспект Нахимова, Большая Морская и Ленина, продолжая одна другую, опоясали центральный городской холм. Они имеют своё неповторимое лицо: строгие классические фасады домов, изящное чугунное литьё, старинные пушки... Впоследствии архитектурный ансамбль центра в пределах городского кольца был объявлен памятником архитектуры.

*Здание театра им. Луначарского
после полной реконструкции*

ИЗ РУИН И ПЕПЛА

Фашистские захватчики разрушили в Феодосии более половины всего жилого фонда, превратили в руины сооружения морского порта и железнодорожной станции, промышленные предприятия, санатории и дома отдыха, Институт физических методов лечения, больницы, кинотеатры, школы и техникумы, историко-археологический музей. Чрезвычайная городская комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков определила, что гитлеровцы нанесли городу ущерб в 458 млн. рублей.

Нужны были героические усилия, чтобы восстановить разрушенное войной народное хозяйство.

Для руководства восстановительными работами городской комитет партии создал штаб во главе с первым секретарём горкома ВКП(б) В. И. Мироновым.

Всё население города активно включилось в эту работу. Широкий размах приобрело в Феодосии черкасовское движение. Создавались ударные бригады добровольцев, которые расчищали завалы на улицах, разбирали коробки зданий и стены, угрожающие обвалами. Эти работы выполнялись во внеурочное время, без оплаты. Тысячи феодосийцев – рабочие, служащие, пенсионеры, домохозяйки, подростки – каждое раннее утро и вечерами выходили на работу, чтобы ликвидировать последствия вражеского нашествия. В городе работало 12 специализированных бригад из женщин-домохозяек, которые овладели профессиями каменщиков, штукатуров, печников. Самоотверженно, не жалея сил, трудились на восстановлении родного города Н. И. Горохова, П. Е. Мамчич, А. С. Дуденко, С. А. Хавроненко, Н. А. Аболонникова и другие.

Ударными темпами восстанавливались промышленность и транспорт. Война ещё продолжалась, все силы страны и её материальные средства были направлены на разгром врага. Лучшие жизнедеятельные силы находились в действующей армии. Потому для проведения неотложных работ не

хватало ни материалов, ни техники, ни специалистов. Нужно было обходиться тем, что осталось после хозяйничанья гитлеровцев.

О том, как восстанавливались после освобождения промышленные предприятия Феодосии, свидетельствует рассказ ветеранов табачной фабрики.

«Во время оккупации Феодосии гитлеровцы несколько раз пытались восстановить фабрику, но это им так и не удалось. А когда Советская Армия вошла в Крым, фашисты, отступая, взорвали главный корпус фабрики.

В 1944 году фабрики фактически не было. С зияющими провалами окон стояло полуразрушенное здание. Всё приходилось начинать сначала. Не было ни строительных материалов, ни оборудования...

Необходимые материалы добывали в полуразрушенных дотах. Рискуя жизнью, люди разбирали замурованные в скалах вражеские доты. Не было транспорта, и добытые стройматериалы доставляли на фабрику на своих плечах. Трудились, не жалея сил, работали по 12–14 часов в сутки», – говорится в этом документе.

20 июня первая очередь фабрики вступила в строй. Первую продукцию коллектив фабрики послал в подарок воинам Красной Армии.

Героическим трудом рабочего класса восстанавливались и другие предприятия Феодосии. 16 апреля 1944 года начали выпускать продукцию хлебозавод, горпищекомбинат и рыбо-завод, 1 мая – артель «Механик», в июне приступили к работе кирпичный завод и мясокомбинат. В 1944 году промышленность города выпустила продукции на 4121 тыс. рублей.

В 1945 году возобновили работу чулочная фабрика, ликёро-водочный завод, морской порт. Производство промышленной продукции по сравнению с 1944-м увеличилось в три раза.

Поистине героические усилия потребовались для восстановления разбитого депо и подвижного состава на станции Сарыголь. Особенно трудно было ремонтировать паровозы. Бригаде Н. С. Николаева по существу приходилось собирать их заново. Несмотря на это, ремонтники сумели в 1944–1945 гг. выпустить на линию 14 паровозов.

В 1946 году трудящиеся Феодосии по почину макеевских металлургов и рабочих московских предприятий включились во Всесоюзное социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана четвёртой пятилетки – плана восстановления и развития народного хозяйства страны. Первая послевоенная пятилетка выдвинула многих замечательных героев труда. В их числе – шофёр феодосийской автобазы № 83 В. Л. Савкин. В 1947 году благодаря усовершенствованию методов эксплуатации и ухода он довёл пробег автомобиля ЗИС-5 без капитального ремонта до 100 тысяч км. Новаторский труд шофёра отмечен Сталинской премией III степени.

Одновременно с восстановлением промышленных предприятий велась работа по восстановлению школ и культурно-просветительных учреждений.

5 ноября 1944 года из Еревана в Феодосию была возвращена картинная галерея И. К. Айвазовского, эвакуированная в 1941 году на одном из последних пароходов. Здание галереи находилось в полуразрушенном состоянии. По инициативе горкома ВКП(б) коллективы всех фабрик и заводов принимали участие в его восстановлении. 2 мая 1945 года в галерее открылась первая послевоенная художественная выставка, где экспонировались 168 работ Айвазовского. Всего же из эвакуации возвратилось 1404 художественных произведения – ровно столько, сколько было вывезено в Армению при эвакуации.

За спасение сокровищ картинной галереи в годы Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР

наградила директора галереи художника Н. С. Барсамова орденом Трудового Красного Знамени.

В этот же период открыты один из старейших на юге нашей страны Феодосийский краеведческий музей, городской Дом культуры, центральная городская библиотека.

За 1946–1950 гг. феодосийцы восстановили и построили заново более 30 предприятий тяжёлой, лёгкой и пищевой промышленности. К концу четвёртой пятилетки уровень промышленного производства достиг довоенного. В годы пятой и шестой пятилеток подъём народного хозяйства сопровождался ещё более высокими темпами.

На предприятиях города расширялись производственные площади, вступали в строй новые цехи и новое оборудование. Полукустарная артель промкооперации за эти годы выросла в чугунолитейный завод,

ХРАНИТЕЛИ БОЛЬШОЙ ЯЛТЫ

Борис Петрович Балашов известен как хранитель курортов Южного берега Крыма. В советское время он продолжил дело своего отца Петра Алексеевича, который по заданию Великого князя Николая Николаевича и его супруги Анастасии Николаевны закладывал знаменитый парк Чаир, где, как свидетельствовала популярная некогда песня, «распускаются розы». В годы гражданской войны он сумел сохранить парк и построенное по проекту выдающегося архитектора Николая Краснова имение «Мурад-Авур» («Исполнение желаний») и передал их в 1921 году Южсовхозу.

Старший сын воспитанник Морского кадетского корпуса Владимир Петрович Балашов, оставленный в оккупированном Севастополе на подпольную работу, был схвачен и расстрелян фашистами.

А Борис Петрович, как выяснила его правнучка Александра Макарова, принимал активное участие в реализации поставленной В. И. Лениным задачи = использовать Крым для лечения трудящихся. Правнучка в своём сочинении на тему «Судьба Отечества в судьбе моей семьи» процитировала в подтверждение несколько строк из его записей: «С севера к нам приехали первые отдыхающие – измученные голодом и болезнями, раненые на фронтах гражданской войны... В этот период по всему Южному берегу Крыма бурно росли новые здравницы, ручной труд заменила техника, создавались крупные транспортные, торговые, промышленные предприятия по обслуживанию курортников. 2500 мест в 1921 году, 20000 мест в 1940-м – таков был рост коечной сети в Большой Ялте».

В начале войны Борис Петрович был зачислен в подразделение особого назначения. Враг уже приближался к Ялте. Эвакуировать его семью по суше уже не представлялось возможным. В комендатуре пообещали отправить его

жену и детей на теплоходе, который по пути из Севастополя на Кавказ зайдёт в ялтинский порт. На этот теплоход «Армения» хотели попасть многие, и они дефилировали по берегу, ожидая, когда снимут оцепление, преграждающее им путь на пристань. Балашов беспрепятственно провёл своих на судно, разместил их и сошёл на берег. А поздней ночью его жену разбудил моряк, доставивший записку от мужа. «Если суждено вам погибнуть, – говорилось в ней, – погибайте на суше. Немедленно покиньте судно».

Предчувствие его не обмануло. На траверзе Ялты 7 ноября фашистские самолёты торпедировали «Армению», и она ушла на дно. В ледяной воде до берега доплыли лишь несколько её пассажиров.

Пока Балашовы отсутствовали, их дом разграбили. Да и оставаться в Ялте было опасно. Их укрыла в Гаспре семья крымских татар, она же помогла матери устроиться на работу в кухне при санатории, в котором подлечивали раненых гитлеровцев.

В это время глава семейства воевал в рядах защитников Севастополя, а в 42-м, отучившись на курсах переподготовки начальствующего состава, был направлен в гвардейский минармейский полк.

Вскоре после освобождения Ялты в апреле 1944 года несколько её здравниц приняли на оздоровление красноармейцев. Борис Петрович Балашов был назначен заместителем главного врача по АХЧ санатория «Харакас». И когда на этой же территории началось строительство нового санатория, на него были возложены хозяйственные заботы.

Для строительства здравницы была собрана молодёжь из разных уголков Украины и Ленинградской области. В сложные поствоенные годы подавляющим большинством строителей были женщины, многие из них переквалифицировались и остались работать в здравнице.

Благодаря самоотверженному труду и комсомольскому задору, грамотному руководству архитектора Бориса Васильевича Ефимовича со временем вместо крутого склона появился дворец в античном стиле с разбитым вокруг циркулярным парком. Белоснежное 5-этажное здание 1-го корпуса, поднимающееся над морем более чем на 100 метров, облицовано инкерманским известняком, а цоколь и подпорные стены – прочным серым гаспринским, что создаёт чудесный эффект воздушности, полёта здания на фоне серых горных массивов.

Венчает здание «античный храм», украшенный статуями советских граций (с венком из злаков, корзиной фруктов и букетом цветов).

Отдельным корпусом был возведён первый в Советском Союзе крытый бассейн с круглогодично подогреваемой морской водой.

Особого внимания заслуживает и парк с пальмовыми и кипарисовыми аллеями, ливанскими и атласскими кедрами, лаврами и розами, центральной частью которого является грандиозная терраса к морю, украшенная статуями, фигурными светильниками и множеством фонтанов.

Как писалось во многих путеводителях того времени, «этот южнобережный дворец строился всем Союзом». И правда, столярные изделия поставляли из Бобруйска, резную дубовую мебель для обстановки номеров из Риги, паркет из Румынской Народной Республики, из Харькова электрооборудование, ценные породы камня с Урала, а художественные светильники, керамику, лепку, созданные по специальным эскизам, изготавливали на заводах Москвы.

Богатство интерьеров санатория «Украина» (ныне «Родина») было сказочным, коридоры жилых крыльев были украшены колоннами цветного известняка, росписями, лепкой, хрусталём. Полы выкладывались яшмой и мрамором.

Здравница покорила своей красотой и роскошью. Многие ошибочно полагали, что этот белоснежный дворец – наследие Российской империи.

В советское время санаторий принимал делегации коммунистических партий и профсоюзов из капиталистических стран.

Во время морской прогулки тогдашний лидер СССР Н.С. Хрущёв увидел здание этого профсоюзного санатория. «А это что там за бабы на крыше? – строго спросил он, глядя на большие скульптуры колхозниц. – А ну-ка немедленно убрать этот разврат!»

Но фигуры так и не убрали, сославшись на популярный в то время стиль советского неоклассицизма. А московский архитектор Борис Ефимович «из-за баб» вынужден был уйти на пенсию.

Борис Петрович и Полина Никитична Балашovy проработали в нынешней «Родине» 40 лет.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ЗАКАЛКА

В 2010 году в селе Межводном Черноморского района Крыма торжественно отметили 100-летие со дня рождения ударницы первых пятилеток **Екатерины Яковлевны Бирюковой**. Поздравление юбилярше прислал тогдашний президент Украины Виктор Янукович, а глава крымского парламента Владимир Константинов преподнёс ей в подарок телевизор.

Потом в семейном кругу она вспоминала (а правнук Матвей записывал), как складывалась её жизнь. Родилась под Царицыном. Отец ловил рыбу. Выращивали фрукты и арбузы. Вспышка тифа убила мать. Когда после гражданской войны в Поволжье людей начал выкашивать голод, детей отправляли на Кавказ подальше от него. В дороге умер её младший брат. Екатерина Яковлевна с благодарностью вспоминала детский дом, где было сытно и тепло. Но пришло время вернуться на родину. В детприёмнике её облюбовали Рябовы Матвей и Пелагея и приняли в свой дом.

В 10-летнем возрасте Катя пошла в школу. Стала пионеркой. Ездилa летом в пионерский лагерь. Но закончила только пять классов, потому что семейная жизнь у Рябовых не складывалась. Приёмный отец, расставшись с её приёмной матерью, не уживался и с новыми жёнами. Устав привыкать к меняющимся мачехам, Катя вернулась к Пелагее Никитичне и встала на учёт на бирже труда. Её нарядили подсобной работницей на стройку. Поработав там немного, поступила на курсы подготовки токарей, по окончании которых попала на Сталинградский тракторный завод. Вышла замуж, и хотя прожила с мужем недолго, обзавелась дочерью.

СТЗ, несмотря на то, что он был спроектирован и оснащён оборудованием в США, которое отлаживали и запускали на месте американские инженеры, а, может, именно поэтому,

долгое время лихорадило, и предприятие не могло выйти на проектную мощность. Но общими усилиями своих специалистов и рабочих, в том числе и Екатерины, перед войной завод стал выпускать 50% всех тракторов, сходявших с конвейеров промышленных гигантов страны – 3200 этих машин и тягачей ежемесячно.

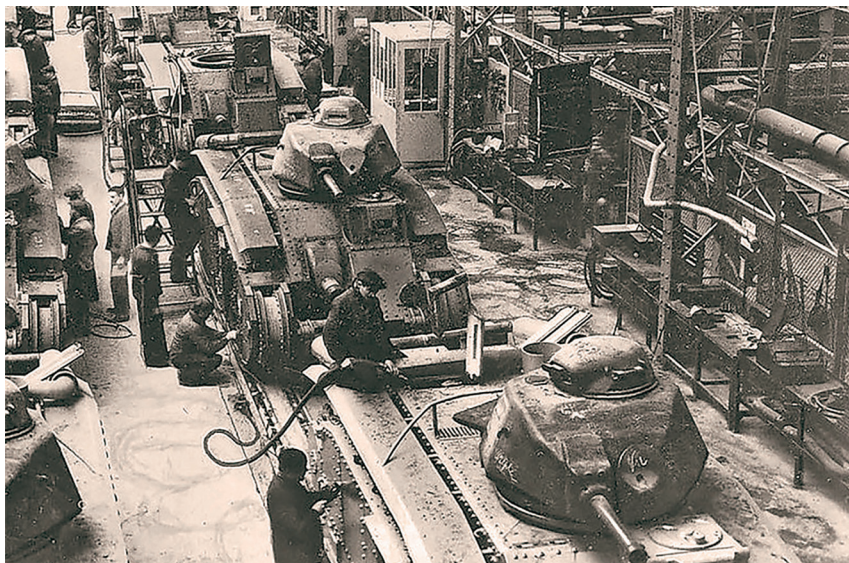

На СТЗ налаживали и выпуск танков Т-34. А когда грянула война, завод перевёл производство преимущественно на сбор этих сухопутных броненосцев. К концу 1941 года на СТЗ производили примерно 40 процентов всех Т-34 в СССР.

В сентябре 1941 года, когда началась эвакуация танкового производства с Харьковского тракторного завода, руководство страны решило поместить его в цехах сталинградского завода №264 (судоверфь) и начать там выпуск лёгких танков Т-60. Работы велись в тесном сотрудничестве с СТЗ, металлургическим заводом «Красный Октябрь», артиллерийским заводом «Баррикады» и другими.

С началом Великой Отечественной войны Сталинградский тракторный завод выпускал танки Т-34, Т-60, дизельные дви-

гатели к ним, фугасные авиабомбы (ФАБ-500), мины, корпуса 82-миллиметровых мин, корпуса 152-миллиметровых осколочных снарядов, звенья к пулёмётным лентам, взрыватели (КТМ), сопла к М-13 и к М-8.

9 ноября на СТЗ была создана танкоремонтная база народного комиссариата обороны. В течение декабря были отремонтированы 98 танков Т-34 и 6 танков КВ.

Как вспоминала Екатерина Яковлевна, трудились почти круглые сутки, отключаясь на несколько часов, чтобы поспать тут же, около станков. Развернулось соревнование за выполнение рабочих норм на 200%. Все мысли были сосредоточены на одном – как лучше помочь фронту, который приближался. Екатерина, чтобы не отвлекаться, отнесла дочку к приёмной матери Пелагее Ильиничне.

Участились бомбёжки. Но всё равно не отказались от торжественных проводов танков на войну. Танкистам наказывали крепко бить врага.

В начале 1942 года часть населения эвакуировали из города. Она осталась. С утра до ночи точила детали. А потом отправлялась на дежурство – следить за соблюдением жильцами светомаскировки.

23 августа фашисты подступили к Сталинграду, и надо было уходить... Как дальше развивались события, она узнала после войны. Уже без неё на заводе был создан истребительный батальон под командованием начальника районного отделения милиции лейтенанта Костюченко. Батальон оборонял подступы к посёлку Тракторный в течении 5 суток, до подхода частей Красной Армии. Позднее был введён в регулярные части фронта.

Производственная деятельность одновременно с эвакуацией продолжалась на заводе до сентября. Суммарно в Сталинграде до начала битвы выпускали до 500–550 танков в месяц. Такое число танков позволяло ежемесячно комплектовать почти три механизированных корпуса по штатам начала 1942 года.

14 октября с мощнейшего наступления противника начались, как сказал Чуйков, «самые жесточайшие бои за всю битву». Немцы двинулись от «Баррикад» на тракторный, предварительно сосредоточив большие силы и придерживаясь тактики нанесения неожиданных ударов. Наша линия обороны проходила от Базовой по оврагу Мытищи до Типографской, по южным выходам улиц Бакунина, Красина, Ногина до Устюжской и далее к югу через верхнюю часть разветвлённого оврага Житомирского. Это был рубеж трёх полков 37-й дивизии (потери которой уже оценивались до 70%). Далее, от проспекта Стахановцев, оборонялись 117-й полк 39-й дивизии и два полка 95-й дивизии. 12 октября переправили в резерв и 524-й полк 112-й дивизии, но «активных штыков» в ней было, как в батальоне. Этот участок фронта в промзоне, протянувшейся вдоль Денежной Воложки на 8 километров в направлении тракторного завода, оказался защищённым всего слабее.

Утро началось с массированных бомбёжек и обстрелов полосы обороны часа на два. Потом масса немецких танков и пехоты ринулась от истока Мытищ и через Стахановский проспект, блокировав разрозненные группы красноармейцев, и в двенадцатом часу они были уже у стадиона, уничтожили батарею в районе цирка, окружили КП 109-го полка, взяли кирпичный завод. Батальоны дрались в окружении в надежде на выручку. Но подмогу не прислали. Связи не было. Боеприпасы кончались. Поддерживали только артобстрелы с острова и ночные бомбардировщики У-2. Более десяти часов штаб 109-го полка с собравшимися там офицерами и красноармейцами оборонялся и только ночью пробился к Мечетке, севернее СТЗ. Часть окружённых в районе улиц Бакунина – Красина тоже сумела пробиться вдоль Мечетки к устью. Несколько десятков бойцов пробились на тракторный завод.

На СТЗ был лишь малочисленный отряд рабочих и милиционеров. А территория его была соизмерима с террито-

риями двух предприятий – «Баррикад» и «Красного Октября». Мощные постройки протяжённостью около 2 километров с подземными сооружениями и незавершёнными корпусами танков не были подготовлены к обороне и достались немцам. Судьба тракторного была предрешена. Несмотря на героическое сопротивление, его взяли 15 октября. На отдельных участках красноармейцы отстреливались до 20-го.

...А Екатерина с дочерью на руках была в пути. С трудом удалось протолкаться на катер, который ночью устремился по разлитому по воде горящему горючему на другой берег Волги. Нервы у всех были на пределе. Пассажира, зажёгшего фонарик, приняли за вражеского сигнальщика и скинули в реку.

Беженцы уходили от беды через разбомблённые селения, на ходу перекусывая супчиком, который для них варили в поставленных на обочинах солдатских полевых кухнях. Периодически налетали фашистские самолёты, сбрасывали бомбы, обстреливали из пулемётов. Уцелели. Добрались до станции, где их посадили в теплушку уже сформированного состава. В Челябинске их не приняли, и поезд последовал в Нижний Тагил.

Там беженцев разместили в землянках, в которых стояла вода. Екатерина устроилась на базу перебирать овощи и фрукты. Отходы можно было брать, чтобы кормить детей. Так и перебивались с дочкой, пока Екатерина не встретилась с героем гражданской войны Петром Васильевичем Бирюковым. Тот рвался на фронт, но его, наладчика оборудования доменных печей, не отпускали – на заводе он больше способствовал победе, чем с присущими ему стойкостью и мужеством на полях сражений.

Екатерина стала работать на коксохимическом комбинате. Выйдя замуж, она вместе с мужем задувала новые доменные печи в Нижнем Тагиле, в Оренбурге, в Свердловске.

В середине 60-х годов Бирюковы переехали в Крым, устроились в Межводном. Она работала на виноградниках, а муж – на зерновом токе.

ДВАЖДЫ ГЕРОИНЯ, ЖЕНА ПАРТИЗАНА

Крымская земля подарила нашей стране двух дважды Героев Социалистического Труда. Эти героини – виноградары Мария Брынцева и Мария Князева из совхозов-заводов «Коктебель» и «Судак» – добились небывалых успехов в выращивании солнечных ягод. Нелегко представить, как им это удавалось, где находили они силы вручную обрабатывать свои виноградники и получать в среднем свыше 120 центнеров винограда с гектара. А ведь были ещё и общественные нагрузки, была ещё и сама жизнь со всеми трудностями и невзгодами. А Марии Брынцевой, вдове партизанского связного, расстрелянного фашистами, нужно было растить ещё и шестерых сыновей. И пять созывов **Мария Александровна Брынцева** представляла интересы крымчан в Верховном Совете СССР.

В 70–80-е годы в посёлке Щебетовка (ныне – Коктебель) в маленьком сквере возле бронзового бюста Марии Брынцевой всегда было много туристов. Они с любопытством слушали рассказы экскурсоводов о трудной жизни героини труда и матери-героине. И иной раз мимо них в сандалиях на босу ногу, повязанная белым платочком, проходила она – бригадир совхоза «Коктебель», дважды Герой Социалистического Труда Мария Александровна Брынцева. Каждый день она проходила, не глядя на свой бронзовый бюст, торопясь на виноградные плантации.

Выдающийся писатель Ю.В. Бондарев писал: «... самый распространённый, самый неистребимый порок среди людей, самая неукротимая страсть, самое ненасытное желание – жажда славы». Оно так и есть. Но наши Марии славы как раз и не искали.

Вот что при жизни говорила в интервью Мария Александровна Брынцева.

– Мария Александровна, вы с юных лет трудились на земле. С полным основанием можете сказать о себе: я – земледelec. Что вы думаете о труде земледельца, о призвании человека, сроднённого с землёй?

– Как вам сказать... Земля – кормилица людская... Этим всё сказано. И крестьянский труд нелёгок. Нелёгок, но благороден и благодарен. Всю жизнь я проработала на земле и поняла, наверное, главное: земля, как и люди, любит честность и правду. Её нельзя обманывать, нельзя с ней быть нечестным. Как ты к ней относишься, так и она к тебе будет относиться. Поэтому труд земледельца – он всегда на виду. Земля всегда будет щедра к тем, кто трудится на ней по совести, болеет за дело. А посмотрите, как у нас в стране окружён почётом работающий человек! Выполнил хорошо пятилетку – тебе известность, почёт и уважение, а перевыполнил – тебе и премии, и ордена. Для меня самая большая радость, когда наш совхоз справляется с планом. Тогда у нас праздник...

– Это прекрасно, что есть здоровье и силы. А не появляется иногда мысль оставить работу, отдохнуть?

– В последние годы каждую осень собираюсь на пенсию. Но приходит весна, и будто сила неведомая тянет на виноградник. Да и он сможет ли без меня? Чай привык за шестьдесят-то три года. И потом – как уйти? Совхоз должен выполнить план по сдаче винограда государству. Можно ли оставить совхоз без пары опытных рук? Это не по мне... А если и уйду когда-нибудь, всё равно душа спокойной не будет. Допустим, позапрошлой зимой сильно помёрз виноград. Я всё время думала: как спасти помёрзшую лозу?

– А помёрзшую лозу можно спасти?

– Надо. И спасём.

– *Что для вас на уборке винограда главное?*

– Всё подряд главное! А особо слежу, чтобы гнилая гроздь не попала в ящик вместе со спелыми. Не то, пока дойдёт виноград до покупателя, весь ящик может попортиться... Однако есть всё-таки главное: сдать государству виноград по плану и больше плана.

– *Совхоз «Коктебель» знаменит своими винами. Сами-то вы, Мария Александровна, уважаете хорошее вино?*

– Нет, отродясь вино не пила. Раньше, бывало, если какое застолье, то уж лучше стопочку водки...

– *А сами любите виноград?*

– Видеть не могу! Было дело в молодости: на спор целое ведро винограда съела. С тех пор – ни ягодки.

– *Вас, наверное, в совхозе особо отличают? Как, допустим, относятся к вашим просьбам, если такие бывают?*

– Какие там просьбы, не люблю я этого... Директор совхоза иной раз предлагает материальную помощь, а я отказываюсь: сама люблю зарабатывать... Нет, вру: когда-то мне автомобиль «Победа» подарили. Эта машина и сейчас ещё как новая. Жаль, что так я и не научилась её водить. Сын водит. А я всю жизнь предпочитаю пешком.

– *Живёте вы в благодатном месте, в Крыму. А где же проводите свой отпуск?*

– У-у! Нигде. Два раза всего была на курорте, больше не хочу. Из «Ливадии» убежала через неделю: у нас как раз обрезка лозы началась. Да у меня и ныне накопилось два отпуска. В прошлом году привезли мне путёвку (не помню точно, в какой санаторий), а я её куда-то задевала, до сих пор найти не могу. Сам посуди, как уехать, когда вокруг столько работы...

– *Каждый день вы проходите мимо бюста, установленного в честь дважды Героя Социалистического Труда Брынцевой...*

– Девятнадцатый год идёт, как поставили. Я тогда ещё вроде бы молодая была, сильная. Пожалуй, той Марийке Брынцевой этот памятник и поставлен... Как будто и не я там изображена. (После некоторого колебания, доверительно). Раньше, признаться, иной раз потихонечку, чтоб никто не увидел, бегала на себя смотреть, Чудно было! А теперь уже не бегая, привыкла.

– *Значит, спокойно относитесь к славе?*

– К знаменитости, что ль, своей? Никак не отношусь. Хороша знаменитость, каждый день в земле копаюсь (*смеётся*). Вот вы напишете про меня, опять отовсюду письма пойдут. «Хочу быть такой, как вы...» Нет, дочки, такой, как я, лучше не надо. Будьте самими собой. Я мужа в войну потеряла, его фашисты расстреляли за то, что харч партизанам носил. С тех пор одна-одинёшенька,

а ведь шестеро ребят на руках осталось, и все есть просили... Ничего, выдюжила.

– *Бюст стоит возле школы. И все ваши односельчане в Щebetовке говорят, что это символично: ведь вы, говорят, эту школу построили.*

– Так уж прямо я и построила. Скажут же!. . Дело получилось так. Была я тогда депутатом Верховного Совета СССР. Собиралась в Москву на сессию, Михаил Андреевич Македонский, директор наш бессменный, говорит: «Школа нужна нам, Мария. Очень нужна! Похлопочи там, в белокаменной...» Старая школа, действительно, к тому часу пло-

хонькой стала, а детишек в Щебетовке всё больше и больше. А средств у совхоза в те годы на строительство новой школы не хватало, другие нужды перехватывали, тоже первоочередные. Ну приехала я в Москву, пошла в Кремль на сессию. Заседали мы там. Сажу в зале, слушаю выступления других депутатов, а школа из головы не идёт. И задумала я пойти на приём к Клименту Ефремовичу Ворошилову – он тогда был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Через несколько дней пришла: у него в приёмной люди сидят, тоже дожидаются приёма. Кто последний? – спрашиваю. А ему самому тут доложили, что депутат Брынцева явилась из Крыма по делу. И Климент Ефремович меня без очереди принял. Вхожу к нему в кабинет: Ворошилов встал из-за стола и пошёл навстречу. В штатском костюме он был.

Поздоровался со мной за руку, пригласил сесть супротив себя и сам сел. Я так волновалась, не знала, что и сказать ему в этот миг. Но взяла себя в руки. Что, думаю, волнуюсь – он здесь, в Президиуме, я выращиваю виноград, оба честно работаем, каждый по своей линии. Климент Ефремович говорит: «Вы, Мария Александровна, оказывается, ростом такая маленькая, а слышал я, что большие дела на виноградных плантациях совершаете». Тут я волноваться совсем перестала и начала говорить про школу. Он записал себе в блокнот, потом пожелал мне крепкого здоровья, про школу сказал: «Что-нибудь придумаем». И новая школа в Щебетовке вскоре появилась. Вот так я её и «построила».

– *Наверное, вам довелось встречаться со многими известными людьми?*

– Да уж довелось. Например, с маршалом Гречко у меня дело было.

– *Тоже хлопотали за что-нибудь?*

– Тут в Крыму одно помещение очень требовалось для хозяйственных нужд. А его в то время занимало какое-то

военное ведомство. Меня, как члена правительства, попросили при случае похлопотать у министра обороны, чтобы помещение это Совету передали. И вот на сессии, в перерыве между заседаниями, шагаю я по Георгиевскому залу, гляжу – навстречу идёт Андрей Антонович Гречко. Высокий такой, видный из себя; я ростом-то ему едва по пояс. Подхожу к нему, ладошку лодочкой протягиваю и говорю: «Можно с вами познакомиться?» Он улыбается, тоже руку мне протягивает. Фотокорреспонденты поблизости оказались, стали щёлкать своими аппаратами, Я коротко изложила маршалу суть нашего дела, вручила бумаги официальные, они у меня с собой были, на всякий случай. А потом снова началось заседание. Смотрю в президиум – Гречко сразу стал просматривать мои бумаги... В общем, помог он нам. Очень сердечно отнёсся... Вы меня ещё про Юру Гагарина спросите.

– *И с Гагариным были знакомы?*

– А как же! Он у меня дома в гостях побывал, фотографии об этом даже есть. На виноградники мои заглянул, памятник мой ходил смотреть. Целый день провёл у нас в совхозе Юрий Алексеевич. Хранилища ему наши показывали, вино дегустировать давали. Он шутил много, смеялся. Такой простой-простой. Как сын.

– *Мария Александровна, вы знаете про жизнь очень многое, столько повидали, немало пережили. Скажите, какие черты характера в людях больше всего цените?*

– Когда всё по-людски. Непонятно? Ну, если родился ты на свет – значит, должен хорошо работать.

– *Выходит, счастье – в работе?*

– Нет (*смеётся*), после работы... На своё счастье нужно как следует потрудиться. И не только на своё, а на общее. А потрудился, тогда и думай про счастье, наслаждайся им, если оно тобой заработано, завоёвано. Я, по правде сказать, всех людей делю на две части – трудолюбивые и лодыри.

– *А честность?*

– Разве лодырь может быть честным?

– *Вы многого достигли в жизни. Есть ли сейчас что-нибудь такое, чего вам не хватает, в чём бы вы сегодня нуждались?*

– Телефона не хватает. Шестнадцать лет была депутатом и за людей хлопотала, и за совхоз, и за город. Тогда телефон себе не добыла, некогда было про себя думать, вот и осталась без связи. А сейчас-то бы он нужен был: прихворну, позвонить бы в больницу, да не с чего.

– *Наш традиционный вопрос: как относитесь к числу 13?*

– Не суеверная я. Мой бог – земля-кормилица, мои другие боги – люди, которые эту землю возделывают. К числу 13 отношусь очень положительно, особенно если это тринадцатая зарплата (*смеётся*).

– *В кино ходите?*

– А телевизор на что?

– *А что делаете в свободное время?*

– У меня сад, много цветов, с ними возжусь.

– *Если бы вас попросили пожелать что-нибудь молодёжи...*

– Я бы пожелала: делайте всё, как нужно, как совесть велит!

Участок лучшей звеньевой Марии Александровны Брынцевой выделялся даже среди образцовых плантаций совхоза. Сильные, рослые кусты, поддерживаемые проволокой, немного отвисли. Тяжёлые, едва прикрытые пожелтевшими листьями кисти тянулись к земле. С отдельных кустов снимали более десяти килограммов винограда.

Мария Александровна была женой человека, который в годы Великой Отечественной войны мужественно помогал крымским партизанам. И когда трагический случай привёл его в застенки гестапо, он стойко перенёс все испытания и унёс с собой в могилу партизанскую тайну.

Осталась Мария Александровна с детьми в дырявой хате, с небольшой заросшей усадьбой. Пусто было в доме, пусто и на душе.

– Маня, берись за свою усадьбу, а то пропадёшь, – советовали сердобольные соседки.

«Что за работа на этом клочке земли? Нет, нужно большое дело, такое, которое поднимет весь народ, всю страну. Только так я смогу поставить на ноги семью, только так поступил бы мой муж», – думалось ей.

Организовали совхоз, но в нём не было ещё ни рабочих, ни нужного опыта, ни машин. Разбитые дома, запущенные дороги, заросшие виноградники.

Однажды ребята Марии Александровны увидели на пороге своего низенького домика Михаила Андреевича Македонского, всполошились, кинулись к старшему – Виктору. Тот рассадил братишек по углам, шмыгнул носом, вытер рукавом табуретку.

– Садись, дядя директор! Мама в Судак ушла, – он повернулся к малышам, которые тоже старались что-то объяснить гостю, и почти по-взрослому прикрикнул: – Тихо!

Ребята замолчали.

Македонский сел, хорошо, тепло улыбнулся и сразу понравился мальчикам. Они по одному стали приближаться к нему, окружили его. Михаил Андреевич смотрел на их ситцевые рубашонки, на нанковые штаны, на босые ребячьи ноги. Да, бедность. Но почему ему не так уж муторно на душе, почему нет чувства отчаяния?

Глаза, глаза этих малышей. Они светлые, весёлые, шаловливые. Кто их сделал такими? Конечно, Мария Александровна – вдова партизана. Домашняя обстановка более чем скромная: стол, крытый клеёнкой, кровать аккуратно застланная, занавески марлевые, но накрахмаленные. Всё на своём месте, чисто. Видно, ребята приучены и к порядку. Везде чувствуется заботливая рука матери.

Тут и пришла хозяйка – худощавая, с загорелым лицом, обвязанная белым ситцевым платком, сероглазая, с чуть сжатыми упрямыми губами. Сразу стала рассказывать о трудовых делах.

– Работаем все в одной куче, не отличишь, кто по-настоящему, а кто так – время отбывает.

– Правильно, не годится, – согласился Македонский и с удовольствием подумал, что Брынцева начала не с жалоб, не с просьб, а с главного – с совхозных дел.

– Была вот в Судаче, у Князевой. Она взяла на себя гектар земли и перед всеми за этот клочок в ответе. Уж так выхаживает, так удобряет – любо смотреть. Подумала и я, прикинула. А ведь верно поступила Князева. Техники ещё нет, людей раз-два и обчёлся. Мы, бабы, возьмём по гектару да по-настоящему потрудимся и другим дорожку откроем. Как думаете, товарищ директор?

Михайлу Андреевичу хотелось за всех поблагодарить эту маленькую, но сильную, с характером женщину и от всего сердца крикнуть: «Вы же замечательный человек»!

Вместо этого он спросил:

– Вы одна возьмете гектар виноградника?

– Возьму! Только мой будет гектар, мой. Сгонять будете – не сойду. Три-четыре, а может, и все пять лет он должен быть за мной. Тогда добьюсь от земли нужного.

– Согласен, – тут же решил Македонский.

Через неделю многие с удивлением смотрели на Марию Александровну. И зачем только она взялась выхаживать этот клочок одичалой земли? Не осилит. Что будет с её детьми?

Но Мария Александровна знала, на что шла. Чуть потеплело, и она со всеми ребятами перекочевала на виноградник, на свой гектар. Мальчики постарше смотрели за меньшими, а самый старший – Виктор – рвал бурьян, жёг его, а потом с матерью копал. И так с утра до ночи. И на удивление всему

коллективу Мария Александровна справилась с перекопкой, лучше всех отработала кусты, сняла наивысший в совхозе урожай. И так из года в год.

Кто-то сказал, что Брынцева совершила подвиг.

Подвиг... Что означало это слово по отношению к человеку, работавшему на виноградниках?

Очень многое!

Брынцева – первая из виноградарей Крыма – получила звание Героя Социалистического Труда.

Мария Александровна Брынцева родилась 6 (19) декабря 1906 года в селе Отузы Кокташской волости Феодосийского уезда Таврической губернии (ныне посёлок Щебетовка Феодосийского городского Совета Республики Крым). Русская. Образование начальное.

С 11 лет начала работать на виноградниках. В 1925 году вступила в колхоз в родном селе, затем работала в совхозе «Судак». С 1931 года начала работать в виноградарском совхозе «Коктебель».

После освобождения Крыма с 1944 года стала в виноградарском совхозе «Коктебель» звеньевой. Восстанавливала уничтоженные в войну виноградники, разбивала новые на каменистых склонах, широко применяла для удобрения почвы лесной перегной. Благодаря настойчивому труду её звено, а потом и бригада сумели добиться высоких результатов. В 1947 году звено получило урожай 107,8 центнера винограда с гектара, в 1948 – 114,3 центнера с гектара на площади 3 гектара.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1949 года за получение высокого урожая винограда при выполнении совхозом плана сдачи государству сельскохозяйственных продуктов в 1948 году и обеспеченности семенами всех культур в размере полной потребности для весеннего

сева 1949 года Брынцевой Марии Александровне присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

Продолжила работать в совхозе. Урожаи винограда постоянно росли. Постоянно получала стабильно высокие урожаи – 140–160 центнеров с гектара, а в 1951-м – 171,5 центнера с гектара.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 февраля 1958 года за выдающиеся успехи в деле получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и технических культур, производстве продуктов животноводства, широкое использование достижений науки и передового опыта в возделывании сельскохозяйственных культур и подъёме животноводства и умелое руководство колхозным производством Брынцева Мария Александровна награждена второй Золотой медалью «Серп и Молот».

Избиралась депутатом Верховного Совета СССР 4–8-го созывов), делегатом XXIII съезда КПСС. Автор книги «Как мы добились высоких урожаев винограда».

Умерла 28 июня 1985 года. Похоронена в городе Феодосии.

Награждена 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Трудового Красного Знамени, медалью Материнства 1-й степени, другими медалями, в том числе 7 медалями ВДНХ СССР. Почётный гражданин города Феодосии.

СОЛНЕЧНЫЕ ЯГОДЫ «СУДАКА»

18 сентября 2018 года исполнилось 100 лет со дня рождения виноградаря дважды Героя Социалистического Труда **Марии Даниловны Князевой**. В этот день у бронзового бюста М. Д. Князевой на центральной улице Ленина собрались

сотрудники музея-заповедника «Судакская крепость», чтобы почтить память заслуженной землячки. Участникам импровизированного митинга научный сотрудник крепости Алексей Тимиргазин рассказал о Марии Даниловне, её заслугах и трудовых достижениях. К подножию памятника легли живые цветы.

Мария Даниловна родилась в селе Алешковичи Стужемского района Брянской области. С 1934 года работала в совхозах Крыма. В 1934–1936 годах – в совхозе «Боран-Эли». С 1941 года – рабочая в совхозе «Судак». Сразу после освобождения Крыма весной 1944 года взялась выхаживать запущенную виноградную лозу на площади в один гектар. С 1946 по 1964 год она – бригадир виноградарской бригады винодельческого совхоза «Судак» Министерства промышленности продовольственных товаров СССР. Её бригада ежегодно получала высокие урожаи винограда (в 1954 году – 120,2 центнера с гектара). За самоотверженный труд и высокие достижения удостоена звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп

и Молот» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1955 года). За выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства награждена второй медалью «Серп и Молот» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1958 года). Награждена пятью медалями ВДНХ.

Умерла Мария Даниловна 6 сентября 1982 года в Судаке.

16 июля 1961 года в Судаке, по улице Ленина, перед зданием райисполкома, был установлен бюст Марии Князевой. Но, как и Мария Брынцева, Мария Князева о славе не думала. Зато совхоз-завод «Судак», где фактически всю свою короткую 64-летнюю жизнь прожила она, гремел на весь Советский Союз. Ещё до войны, в 1939 году, местные виноградари, собрав с каждого гектара по 279 центнеров винограда, заняли первое место в СССР. Сталин лично направил телеграмму в Крым и распорядился, чтобы на ВДНХ совхозу было отведено самое видное место... «Судак» – единственное хозяйство в Крыму, которое воспитало сразу четверых Героев Социалистического Труда. Кроме Марии Князевой, это Вера Сандетова, Бронислава Машина и Лина Кwapель. И это красноречиво свидетельствует о том, насколько высок был уровень виноградарства в хозяйстве. И Мария Даниловна Князева была в нём жемчужиной первой величины. Война почти на четыре года отлучила виноградарей от дела. Часть плантации была выжжена, часть раздавлена гусеницами танков и самоходок.

– Когда я впервые увидала покалеченную лозу, – вспоминала Мария Даниловна, – сердце зашлось: за что же так бессердечно обошлись с самым беззащитным на свете растением, которому сам Бог велел веселить человеческую душу солнечной ягодой и восхитительным вином.

Князева была в числе тех, кто первым в совхозе взялся за восстановление виноградников. Люди, работавшие рядом, рассказывали: «Не было, кажется, случая, чтобы кто-нибудь

из нас пришёл на плантацию раньше Княzewой. Чуть забрезжит рассвет – и Мария Даниловна в неизменной васильковой косынке с лискером (специальная лопата для работы на винограднике) на плече скорым шагом уже спешит на виноградник. И не разгибает спины до самого вечера»...

По свидетельству ветеранов совхоза Андрея Короля, Гурия Борисюка, Валентина Родкина, Княzewа никогда не стремилась к личной славе, была абсолютно не амбициозной. Более того, пунцовела, как девчушка, когда слышала слова благодарности. Наверное, эта прирождённая скромность и помогала ей все силы и время уделять работе. Когда на виноградниках Восточного Крыма зародилось и стремительно стало набирать силу так называемое однокотарничество, Княzewа первой увидела все бесспорные преимущества этой прогрессивной тогда, в начале 50-х, формы организации труда. И первой взяла под своё попечение гектар виноградника.

– Тот гектар не чета сегодняшнему, – рассказывал директор совхоза-завода «Судак» Леонид Слизовский, – до 10 тысяч кустов насчитывал. И представьте себе, что каждый куст надо было обкопать, освободить от сорняков, обрезать, подвязать, опрыскать химикатами, и в конце концов – собрать с него урожай. И всё это – хочу особо подчеркнуть – вручную! Вот как трудились в те годы. Звёзды и ордена, поверьте мне, зря на грудь не вешали.

Главный винодел совхоза Анатолий Лакербая вспоминал:

– Княzewу нельзя было не уважать. Редкой доброты был человек, последним поделится. Трудно даже сказать, сколько раз подставляла она плечо попавшему в беду человеку. В своё время и я имел возможность в этом убедиться. Часто бываю в нашем совхозном музее и, когда вижу лискер и допотопный ранцевый опрыскиватель Княzewой, невольно думаю: неужели те люди были из другого теста? Мы не вправе забывать о людях, которые творили историю Крыма. И Мария Княzewа среди них – фигура неординарная, героическая.

ГЕРОЙ ОСТАВИЛ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПОТОМКОВ

Потомки дважды Героя Социалистического Труда комбайнёра Бехтерской МТС Голопристанского района Херсонской области **Марка Андроновича Браги** живут в Симферополе. А сам он потомственный крестьянин – родился 4 (17) февраля 1910 года в селе Малый Клин ныне Голопристанского района Херсонской области. С 1935 года работал в Бехтерской машинно-тракторной станции помощником машиниста и машинистом молотилки, трактористом и комбайнёром. В 1940 году

был награждён серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

На фронте служил в ремонтном взводе 857-го артиллерийского полка. У озера Балатон (Венгрия) в боевой обстановке ночью на переднем крае восстановил две боевые автомашины, за что был награждён медалью «За боевые заслуги».

После демобилизации вернулся в село Бехтери. Из трёх списанных полуразобранных комбайнов собрал один прицепной зерноуборочный комбайн «Сталинец-1» и в жатву убрал на нём более 700 гектаров зерновых. Впервые испытал метод ночной уборки. Строгое планирование действий экипажа, почасовой график работы комбайна и обслуживающего его транспорта, выгрузка зерна на ходу – эти и другие методы труда позволили ему за 25 дней намолотить с убранной им площади 8.844 центнера зерновых и 1.161 центнер масличных культур.

За достижение этих высоких показателей Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

За выдающиеся успехи в получении высоких и устойчивых урожаев зерновых и технических культур в 1958 года его наградили второй золотой медалью «Серп и Молот».

В 1958–1982 годах трудился комбайнёром в колхозе «Россия» Голопристанского района Херсонской области. Всего за 47 лет работы он намолотил 630.000 центнеров зерна!

В 1975 году, в честь сороковой жатвы, Марку Андроновичу был вручён именной комбайн с надписью «Дважды Герою Социалистического Труда М. А. Браге от ростсельмашовцев». Этот комбайн был установлен на постаменте как памятник трудовой славы в городе Голая Пристань.

По инициативе М. А. Браги в Бехтерской средней школе был создан комбинат производственного обучения, в котором он до конца своей жизни работал учителем производственного обучения, преподавал учащимся тракторное дело. Последний выпуск трактористов под его руководством был произведён в мае 1985 года. Всего он подготовил две тысячи механизаторов.

О своём труде Герой, заслуженный механизатор и отличник образования СССР рассказал в книгах «Главная моя жатва» (Симферополь, 1982), «Поле жизни моей...» (М. 1984).

Он был награждён 6 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны 2-й степени, «Знак Почёта», 2 медалями «За трудовую доблесть», 3 Большими золотыми медалями ВДНХ.

Фото ТАСС

ВЫЕХАЛ НА ЖАТВУ НА ДВУХ КОМБАЙНАХ

Сын Героя Социалистического Труда **Якова Михайленко** Анатолий бережно хранил все свидетельства жизни и героического труда отца – фотографии, Почётные грамоты, личный листок учёта кадров, автобиографию, документы, вырезки статей из газет.

Родился Яков Фомич 5 ноября 1923 года в селе Коплевато Каневского района Черкасской области в крестьянской семье. В 1931 году Михайленки переехали в Крым, в совхоз «Симферопольский» (Краснознаменка) тогда Октябрьского района.

В 1939 году Яков закончил семилетку и поступил учиться в медучилище в Феодосии. Отучился два курса, и – грянула Великая Отечественная. В годы оккупации он жил в родном селе. После освобождения района (12 апреля 1944 года) по просьбе директора совхоза его оставили в родном хозяйстве работать комбайнёром. Парень любил технику, умел работать, а мужчин в сёлах не хватало. И Яков стал комбайнёром. Ему в голову пришла идея, чтоб максимально использовать и кадры, и технику, сцепить два комбайна «Сталинец-6». На такой сцепке за 25 рабочих дней он намолотил 13331 центнеров зерна. Рекорд!

В 1952 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сохранился соответствующий документ: «ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА тов. МИХАЙЛЕНКО ЯКОВУ ФОМИЧУ»

За Ваши исключительные заслуги перед государством, выразившиеся в том, что Вами в 1951 году намолочено в сцепе двух комбайнов «Сталинец-6» за 25 рабочих дней с убранной площади 13331 центнеров зерновых культур Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 11 марта 1952 года присвоил Вам звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Председатель Президиума Верховного Совета
СССР – Н. М. Шверник,
Секретарь – А. Ф. Горкин.
Москва, Кремль. 14 марта 1952 года».

Яков решил продолжить учёбу. В 1954–56 годах он – учащийся техникума механизации в Ейске. Выпустившись, работал в родном совхозе механиком, заведующим центральной ремонтной мастерской. И учился в Мелитопольском институте механизации сельского хозяйства. С дипломом инженера был направлен на работу главным инженером совхоза «Береговое» Евпаторийского района. Поработал он и начальником цеха на заводе в Симферополе.

В 1962 году навсегда перебрался в Мелитополь. Был инженером районного объединения «Сельхозтехника», старшим инженером-контролёром, заместителем управляющего. Выйдя на

пенсию, продолжал работать до самого последнего дня, и покинул этот мир в 2013 году, в 90 лет.

Яков Фомич избирался депутатом Октябрьского районного Совета в 1951–1953 годах, Крымского областного Совета – в 1953–1954. Награждён также медалями «За трудовую доблесть», дипломами выставок ВДНХ.

Его труд и славу наследуют пятеро детей, внуки, правнуки. Сын героя, Анатолий Яковлевич, тоже был передовиком производства, работал крановщиком, механизатором. Сейчас на пенсии. Активно работает в совете ветеранов, солист хора. И главный хранитель дел и традиции своего отца.

А НУ-КА, ДЕВУШКИ, А НУ, КРАСАВИЦЫ!

Нина Ивановна Кострыкина первой из женщин-механизаторов Крыма была удостоена приза Паши Ангелиной, прославленной героини, по примеру которой тысячи советских девушек стали трактористками.

Следует, наверное, напомнить, как и за что то трудное, но насыщенное молодым энтузиазмом время подняло Пашу на вершину трудовой славы.

Ангелина Прасковья Никитична (Паша Ангелина) – бригадир тракторной бригады Старобешевской МТС Сталинской области Украинской ССР; одна из зачинательниц социалистического соревнования в сельском хозяйстве СССР.

Родилась 30 декабря 1912 (12 января 1913) года в деревне (ныне посёлок городского типа) Старобешево Сталинской (Донецкой) области. *«...Отец – Ангелин Никита Васильевич, колхозник, в прошлом батрак. Мать – Ангелина Евфимия Фёдоровна, колхозница, в прошлом батрачка. Начало «карьеры» – 1920 год: батрачила вместе с родителями у кулака. 1921–1922 годы – разносчица угля на шахте Алексеево-Раснянская. С 1923 по 1927 год снова работала у кулака. С 1927 года – конюх в товариществе по совместной обработке земли, а позже – в колхозе. С 1930 года до настоящего времени (перерыв два года – 1939–1940: училась в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева) – трактористка».* Так написала о себе Паша Ангелина в 1948 году в анкете, полученной из редакции издающейся в США (Нью-Йорк) «Мировой биографической энциклопедии», сообщившей одной из первых женщин-трактористок, что её имя включено в список самых выдающихся людей всех стран.

В 1929 году Паша Ангелина окончила курсы трактористов и стала работать на Старобешевской машино-тракторной

станции (МТС). В 1933 году организовала женскую тракторную бригаду в этой МТС и возглавила её.

Прокати нас, Паша, на тракторе!

В 1933–34 годах женская тракторная бригада заняла первое место в МТС, выполнив план на 129 процентов. После этого Паша Ангелина становится центральной фигурой компании за техническое образование женщин. В 1935 году она выступила в Москве на совещании, дав с кремлёвской трибуны обязательство «партии и товарищу Сталину» организовать десять женских тракторных бригад.

В 1937 году Пашу Ангелину избрали депутатом Верховного Совета СССР, а в следующем году она обратилась с призывом: «Сто тысяч подруг – на трактор!». На него откликнулись двести тысяч женщин.

Паша Ангелина с подругами, которых она призвала

Во время Великой Отечественной войны П. Н. Ангелина вместе со всей бригадой и двумя составами техники выехала в Казахстан – на поля колхоза имени Будённого, раскинувшего свои земли вблизи аула Теректа Западно-Казахстанской области. Работая здесь, тракторная бригада Пашы Ангелиной передала в фонд Красной Армии семьсот шестьдесят восемь пудов хлеба. Построенные на эти средства танки громили немецко-фашистских захватчиков на Курской дуге, освобождали Польшу, участвовали в штурме столицы гитлеровской Германии – Берлина...

Находясь далеко от линии фронта, на казахстанской земле, не щадя своих сил, девушки-трактористки вели битву за хлеб – и выиграли её. И поэтому воины одной из гвардейских танковых бригад, полностью сформированной из бывших трактористов, решили занести в свои списки Пашу Ангелину и присвоить ей почётное звание гвардейца.

После освобождения Донбасса от гитлеровских захватчиков и возвращения домой на Украину, все до единой женщины из бригады Паши Ангелиной ушли, занявшись чисто женским трудом: выходили замуж, рожали и воспитывали детей, вели домашнее хозяйство...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1947 года за получение в 1946 году высокого урожая Ангелиной Прасковье Никитичне, собравшей 19,2 центнера пшеницы с гектара на площади 425 га, присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

Богатый опыт организации работ, накопленный П. Н. Ангелиной, её прогрессивный метод обработки земли нашли широкое применение в земледелии. По её инициативе в СССР развернулось движение за высокопроизводительное использование сельскохозяйственной техники и повышение культуры обработки полей. Её многочисленные последователи повели решительную борьбу за высокие и устойчивые урожаи всех сельскохозяйственных культур. За коренное усовершенствование труда в сельском хозяйстве, внедрение новых, прогрессивных методов обработки земли в 1948 году П. Н. Ангелиной была присуждена Сталинская премия.

Несмотря на уход из бригады женщин, П. Н. Ангелина продолжала руководить тракторной бригадой, в которой работали трактористы-мужчины. Её подчинённые слушались её беспрекословно, так как она умела найти с ними общий язык, при этом ни разу не позволив себе грубого слова. Заработки в тракторной бригаде П. Н. Ангелиной были высокими. Трактористы построили добротные дома, приобрели мотоциклы. Специально для механизаторов своей бригады П. Н. Ангелина «заказала» по депутатскому запросу двадцать автомобилей «Москвич». Однако после её смерти автомашины по назначению почему-то не дошли...

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 февраля 1958 года за выдающиеся успехи в деле получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и технических культур, производства продуктов животноводства, широкое использование достижений науки и передового опыта в возделывании сельскохозяйственных культур и подъёме животноводства и умелое руководство колхозным производством, умелое руководство в течение двадцати пяти лет тракторной бригадой и высокие показатели в сельскохозяйственном производстве Ангелина Прасковья Никитична награждена второй Золотой медалью «Серп и Молот».

За несколько дней до начала работы XXI (внеочередного) съезда КПСС, делегатом которого была избрана П.Н. Ангелина, она была срочно госпитализирована в кремлёвскую больницу с диагнозом «цирроз печени». Сказалась тяжёлая работа на тракторе – ведь в те времена горючее приходилось перекачивать через шланг, всасывая его ртом... Медицина не смогла справиться с недугом знатной трактористки.

Депутат Верховного Совета СССР 1-5-го созывов, делегат XVIII–XXI съездов партии, дважды Герой Социалистического Труда Прасковья Никитична Ангелина скончалась 21 января 1959 года.

Её собирались похоронить в Москве на Новодевичьем кладбище. Но по настоянию родных похороны 46-летней знаменитой на всю страну трактористки и бригадира первой в Советском Союзе бригады коммунистического труда состоялись на её малой родине – в Старобешево.

Свидетельство о присвоении бригаде П.Н. Ангелиной почётного звания «Бригада коммунистического труда» трактористы принимали уже без своего бригадира... А в 1978 году тракторная бригада коммунистического труда имени Паши Ангелиной прекратила своё существование...

Награждена 3 орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда П. Н. Ангелиной установлен на её родине – в посёлке городского типа Старобешево, где её имя носит проспект и где открыт музей прославленной землячки.

Лучшим женщинам-механизаторам страны вручался приз её имени.

Приз Паши Ангелиной (один из вариантов)

Нина Кострыкина, как и Паша Ангелина, с 11 лет работала в колхозе. В 18 лет, услышав, вероятно, призыв знаменитой трактористки, тоже загорелась стать трактористкой. Заниматься на курсах ей, наверное, было легче, чем другим курсанткам: водить трактор и ремонтировать его двигатель её обучил друг – студент инженерного института, который, как началась война, ушёл на фронт и погиб в 42-м. В военную пору Нина работала мотористкой. А в июне 1944 года её в числе 200 трактористок направили в Крым восстанавливать его разрушенное хозяйство.

Она попала в совхоз «Межводное». И сразу проявила и мастерство, и характер. И через год возглавила звено в составе 9 мужчин. По выработке она ни одному из них не уступала. Была признана лучшим механизатором района.

И вот на Всесоюзном совещании женщин-механизаторов в Москве ей был вручён бронзовый приз Паши Ангелиной.

За свои достижения Нина Ивановна Кострыкина была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта».

* * *

В селе Зелёная Нива Краснопереконского района после освобождения его первыми на трактора сели Мария Снегур и Матрёна Маленко.

По их почину механизаторами стали многие девушки хозяйства. Они создали комсомольско-молодёжную бригаду. Тракторами в ней управляли М. Копейко, М. Лобода, А. Колбеева, плугарями были Т. Сурма, Т. Цибульская, А. Агеева, Т. Бубнова, Л. Венгерова. Наиболее успешно трудилась М. Лобода, и её отметили орденом Трудового Красного Знамени.

ХЛЕБОРОБЫ ВОЙНЫ

В селе Пустынь, как и во всех сёлах, мужиков не было. Только женщины, девчата, дети и престарелые. Собрали девчат шестнадцати-семнадцати лет, которые покрепче, и послали учиться в соседнее село Покровская Арчада. Недолго они учились. Зимой пошли на курсы. Весной уже пахали.

Ещё до пахоты готовили свой СТЗ. С металлическими колёсами на шипах, без кабины, без стартёров и пускатей, они и новые требовали ухода и силы не женской. Да ведь война. Надо Родину-то кормить. Трактористками войны стали Настя Быличкина, Ксения Баулина, Вера Полунина, Мария Попова.

Анастасия Григорьевна Быличкина вспоминала:

– Работала я на тракторе с весны сорок второго и до того, как войне замириться. Кавалер вернулся с войны живой. Родила троих, вырастила двоих. Муж работал комбайнёром. Потом умер. Детям дали дорогу, теперь они на своих местах, а я с внуком.

– А у меня вот детей не было, – сказала Попова, – но при мне сестры дочка. Я её пестую. Ну, а об жизни той что вспомнишь. Тяжесть мы, как все, несли фронтовую. Ночевали в полях. Зерно сдавали – на семена не оставляли. Уж конечно, как мужики мы поначалу не пахали. Умения не было. Опытности. Бывало, разъехаться не могли, и виляли, и вкривь шли, а бригадир дядя Гриша Баулин – тот не кричал. Понимал – дети ведь. Только скажет: «Эх, девки, девки!» Помню, первый раз выехали... Утром заморозок, а днём растопило солнце, и трактор в грязь ушёл. Шёл председатель дядя Тимоша Кирилин: «Что стоите, девчата?» – «Нужна нам помощь – бревно или вага, чтобы под трактор подложить». –

«Идите за мной». Взяли мы втроём, а понесли с Верой Полуниной вдвоём. Слабый здоровьем был дядя Тимоша. Идём мы под бревном к трактору и плачем в ручьи. И председатель плачет. А что поделаешь, ни работников других, ни машин. А хлеб нужен. Да и то сказать, как ни тяжело нам было, не стреляли по нас и изб наших не жгли.

Когда палец мне зимой на тракторе оторвало, я работать на нём какое-то время не могла, так скот гнала в другую область. Тогда и видела разбитые дома, танки разбитые, машины разбитые, трактора. Хаты без крыш и совсем сожжённые...

Снова на трактор села. Плуги были трёхлемеховые, без автоматов, а сверху плуга – вага, бревно, и на него две бороны прикреплены. Поедешь пахать, ох, брёвна эти поворачачешь, поплачешь – и опять.

А перетяжка... Хорошо в сухое время. Ложишься на спину под трактор и картер отымаешь. Отвёртываешь болты, крышку тяжёлую на колени и грудь, как одеяло. Сколько прокладок надо отнять? А валы коленчатые... Масло и в глаза, и в рот, и по лицу. Руки по локоть в пузырях.

Керосином умывались, а руки землёй оттирали. На кого похожи! А покрасоваться хотелось. Война-то – четыре года жизни, самых молодых.

Что ни день – в Пустыни вой от похоронок. Но мы духом не падали. Неделями с поля не уходили, а песни пели.

На всех девчат один парень был – Иван Мишанин. Тракторист. Вроде инструктора. А потом и он ушёл на фронт, и погиб. А гармонисту нашему Ремонтову Владимиру было двенадцать годов.

А ещё рассказала Анастасия Григорьевна, как она, Настя Быличкина, чуть не погибла. Однажды порывом ветра её платье забросило в магнето и стало наматывать на вал. Её притянуло к горячему маслянистому мотору... Но бригадир успел выключить мотор, взял нож и полоснул по ткани. И

стояла посреди поля девчонка, угловатая, белотелая, не чувствовала стыда за свою наготу.

А вокруг неё стояли такие же молодые, красивые подружки и плакали. Отвернулся бригадир дядя Гриша, сказал: «С этого боку к трактору больше не подходить!»

Ксения Фёдоровна Баулина вспоминала:

– Работала я трактористкой семь лет. У матери нас было трое, я – старшая. Сначала лес рубила, а потом села на трактор. Очень были плохие тогда трактора. Тяжелей любой работы ремонт был. Ремонтировали прямо на морозе. Пальцы примерзали к стылому металлу. Спасибо, бригадиры наши старенькие дядя Гриша Баулин и дядя Лёва Красиков помогали нам, как за дочками ходили. А уж как пахать, как мы на тракторе, а кто-нибудь из них рядом идёт и говорит, что правильно, а что нет. Но ведь не уследишь.

А как заводили трактора! Надевали на рукоятку трубу, все на неё наваливались. Если в обратную сторону отдавало, все наземь валились. И смеялись, и плакали.

Пахали и ночами. Хорошо, если луна. А то одна впереди с фонарём идёт, а ты за ней едешь. И страшно ведь было. Уж и не знаешь, то ли ты в тракторе заснёшь, или она с фонарём, сонная, упадёт под трактор. А ещё волки кругом воют.

Мария Феофановна Попова вот что рассказала:

– Работала я на комбайне «Ростсельмаш-Сталинец». Мне было шестнадцать лет. Сначала с братом Петром, а потом, как ему исполнилось восемнадцать и ушёл в армию, – с братом Иваном. В семье нас было восемь, я – старшая. Питание плохое. Тяжело было, страшно вспоминать. За семенами чуть не всей деревней ходили в Студенец. Даже дети несли свои мешочки.

Вы вот спрашиваете, что мы вспоминаем о своей молодости. Я и не знаю, что сказать... Не удаётся ничего. Где же нам молодость вспомнать? Нам ведь её не досталось.

Вера Дмитриевна Полунина более оптимистична:

– Из всех моих подруг мне счастье вышло, хоть работали мы все одинаково. Может, здоровьем покрепче. У меня пятеро детей. Четверо комбайнёры, как их отец и дед. Видели, комбайн «Нива» у нашего дома стоит? Это отцов.

Трактор я очень любила, но от одной любви трактор не пойдёт. Нужны были запасные части. Теперь механизаторы ждут, когда им их подвезут. А мы не ждали. Мешок за плечи – и в город. Наложить мешок поршней, цилиндров, радиаторов, шатунов, железяк всяких – и обратно. Вёрст двадцать пять от Студенца несёшь два пуда, не меньше. Руки до земли опускаются, плечи обвиснут, а ни одной детали не бросишь. Каждый винтик, гаечку хранили. Уж казалось, всего натерпелись – и работали, как мужики, и спали в поле, в будке, вповалку. И не приласкал нас никто, ни с кем на лавочке не посидели, под липами не гуляли. Но всё пережили. Выстояли. Победили.

А НУ-КА, ПАРНИ!..

Кошманами запорожские казаки называли атаманов походных лагерей. Не известно, как и когда эта выборная должность стала фамилией, но обладатели её значились и в Черноморском казачьем войске, и в Кубанском.

Владимиру Кошману было два года, когда в 1931 году его семью отправили на поселение в Архангельскую область. В бараках, в которые загнали казаков, они вымирали от голода семьями. Федот Кошман исхитрился жену и сына провести, минуя кордоны, на станцию и посадить их в поезд. С пересадками они добрались до Евпатории, где их встретили братья матери и укрыли в селе Керлеуте (ныне Водопойное Черноморского района). В нём они пережили и фашистскую оккупацию.

В апреле 1944 года немецкие солдаты и полицаи окружили село и, прочесав, согнали всё мужское население на окраину, предупредив, что всякий, кто попытается бежать, будет убит. Владимир Кошман, увидев в толпе паренька 15–16 лет, предложил ему бежать на пару, но тот отказался. Тогда он сам, пригнувшись, пробежал по бугру и укрылся в каком-то строении. Затаился, услышав шаги. Это был немец. Тот постоял, прислушиваясь, и, ничего не услышав, ушёл. А на другой день в село вступили советские солдаты.

Вскоре подростков его возраста вызвали в Ак-Мечеть (ныне посёлок Черноморский), в военкомат, приняли их на воинский учёт и нарядили смотать колючую проволоку, которой оккупанты обнесли свои укрепления, и вывезти её в балку.

Там к ним подошёл местный чабан и, махнув рукой в сторону одинокого дерева, сказал, что он посадил его на месте, где зарыты расстрелянные фашистами партизаны и подпольщики. Среди них был двоюродный брат Владимира Спири-

дон. Позже стало известно, что на фронте и в сражении партизан с гитлеровцами погибли и два других его двоюродных брата.

18 мая 1944 года из Крыма были выселены татары, а через месяц – греки, болгары и армяне. Село опустело. В нём, пока не прибыли переселенцы, оставались 6 семей. Владимир трудился механизатором в полеводческой бригаде. Работы было невпроворот. В Тарханкутской степи свирепствовали пыльные бури. Чтобы преградить им путь, начали высаживать лесополосы. Одновременно начали налаживать орошение. На закреплённом за Кошманом участке пробили две скважины, которые в час давали до 600 «кубов» воды. Днём и ночью в поле, он выращивал на поливе кормовую свёклу, люцерну, суданку, кукурузу на силос. Урожай росли.

За эти достижения Владимир Федотович Кошман был награждён медалью « За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденами «Знак Почёта» и Трудового Красного Знамени.

* * *

Ивану Филипповичу Балаховскому, выросшему в семье польских переселенцев, в 1941 году исполнилось 13 лет.

Ему запомнилось, как в их Григорьевке оккупанты наводили «порядок». Его мать Татьяну Еремеевну за то, что она, чтобы накормить семью, зарезала своего телёнка, они заключили в трудовой лагерь. Когда Красная Армия подошла к Крыму, всех узников закрыли в бараках и заминировали их. Как только немцы ушли, местные жители вскрыли бараки и выпустили закрытых в них людей. Все разбежались. А спустя два часа лагерь взлетел на воздух.

В ноябре 1943 года над степью, в которой Иван и другие подростки пасли коров, с шорохом и воем полетели снаряды. Началась артподготовка к штурму Перекопа. Оборона

противника была прорвана. В освобождённой Григорьевке был развёрнут госпиталь. Ивана Балаховского и его односельчан мобилизовали на восстановление железной дороги от станции Вадим до Перекопского перешейка. Прокладывали пути под бомбёжками.

Когда советские войска взяли Армянск, госпиталь в их селе был переполнен ранеными. Подростки помогали медперсоналу их выхаживать.

После освобождения Крыма всё его население взялось за восстановление разрушенного хозяйства. Иван работал в кузнице.

После войны он женился на Нине Пашковской, вернувшейся из Германии, куда была угнана на каторжные работы. Видимо, объединение в семью потомка польских переселенцев и вернувшейся из Третьего рейха девушки показалось кому-то подозрительным. На сельского кузнеца написали донос. Он был осуждён и отправлен на 7 лет в исправительно-трудовой лагерь под Якутском. Заболевшего туберкулёзом Ивана Филипповича выпустили на волю до срока.

В здравницах ЮБК его вылечили. Но реабилитировали только в 1990 году.

В родном селе он заочно закончил культпросветучилище. Заведовал сельским клубом, в котором развивал художественную самодеятельность. В созданном им народном театре он сам и играл. Пять раз его избирали председателем исполкома сельсовета.

* * *

Кто в Джанкое не знает Болсунов! Они в этом городе живут более 150 лет и чуть ли не век играют в футбол. Фамилия их в переводе с ногайского значит «пусть будет». Предполагают, что в давности взятый в плен славянин оказался мастером на все руки и его не стали продавать, а решили, произнеся эти слова, оставить в стойбище.

Со временем кто-то из Болсунов стал атаманом станицы на Кубани. Другой Болсун был инженером на строительстве железной дороги Лозовая-Севастополь. Не известно, по какой причине, жена его вышла замуж за стрелочника Игнатия Королькова, положив начало рода Болсун-Корольковых.

На их дочери Варваре женился Христофор Узунов. Выдвиженец из рабочих, он был назначен директором ремонтного завода, который с началом войны специализировался на ремонте лёгких танков. 30 сентября 1941 года за два часа до вступления гитлеровских войск в Джанкой завод взлетел на воздух. Директор и его семья укрылись в селе Шеих-Эли, подальше от Джанкоя. Забегая вперёд, надо сказать, что после освобождения Крыма его заслуги не были приняты во внимание, и, как и другие крымские татары, он был выдворен из Крыма.

А братья **Болсуны, Владимир, Константин, Михаил**, остались в оккупированном городе. Старший, Владимир, входил в подпольную группу сопротивления и время от времени привлекал младших к этой деятельности. Для прикрытия они использовали футбольную команду, продолжая ходить на тренировки.

Однажды гитлеровские вояки потребовали, чтобы джанкойские футболисты сыграли с ними, и получили два безответных гола в свои ворота. В другой раз им приказали сыграть с командой немецких лётчиков. Несмотря на игру без правил, которую демонстрировали асы, первый тайм они проиграли. В перерыве джанкойских футболистов предупредили: «Если выиграете матч, вас прикончат». Проигрывать они не стали, а разбежались.

В 1944 году Константин и его сын Владимир стали солдатами и участвовали в штурме Сапун-горы.

Михаил работал токарем в депо станции Джанкой. В книге о Крымская области «Истории городов и сёл Украинской

ССР» отмечено, что он за год выполнил план двух с половиной лет.

* * *

Село Верхоречье Бахчисарайского района и его окрестности с полным на то основанием называют Крымской Швейцарией. Причудливых форм скалы, наряженная в леса долина, струящаяся по ней река Кача производят на каждого, кто их увидел, неизгладимое впечатление.

В прошлом село называлось Бия-Сала, и в нём в 1925 году в крестьянской семье родился будущий лесовод **Георгий Кузьмич Челядинов**. Тут в детские годы он пережил голод. В 33-м году семья переехала в Симферополь, где отец и мать устроились на войлочную фабрику. Поучившись в школе, Георгий тоже поступил работать на это предприятие.

Перед войной он вернулся в родное село, работал на узкоколейке, по которой из деревни Коуш возили бурый уголь на станцию Сюрень.

14 ноября 1943 года за помощь, оказываемую жителями Бия-Сала партизанам, каратели спалили село дотла. И после этого уже все, от мала до велика, в том числе, конечно, и Георгий, ушли в лес.

14 апреля 44-го партизаны освободили Бахчисарай и, дождавшись частей Красной Армии, вместе с ними двинулись освобождать сёла Качинской долины. Партизаны влились в ряды фронтовиков. 8 мая в бою за Севастополь Георгий был тяжело ранен в голову. В бессознательном состоянии его доставили в госпиталь, размещённый в Ханском дворце Бахчисарая.

Очнувшись, услышал, что врач говорит сестре: «Выписывай на него похоронку». Откуда только взялись силы крикнуть: «Делайте операцию!» Всякий раз, приходя в сознание, он требовал операции. И, откликнувшись на его устремление выжить, майор медицинской службы Пётр Тананайко решился в условиях прифронтового госпиталя сделать трепанацию черепа, извлёк осколок и удалил нагноения. Врач спас ему жизнь, а поставили его на ноги мать и её сестра, жившая в Бахчисарае.

Спустя некоторое время Георгий встретил Юлию, сталинградку, которая в 1942 году, готовя родной город к обороне, рыла окопы на его окраинах. Они поженились. Георгий устроился на работу в Верхореченское лесничество, леса которого после боёв партизан с карателями и бомбёжек нуждались в ремонте. Сохранилась потемневшая от времени фотография, на которой он и его коллеги запечатлены при посадке сосен крымских. В лесах, как и повсеместно в Крыму, жизнь возрождалась, приходила в норму...

Георгий Кузьмич Челядинов 25 лет проработал помощником верхореченского лесничего и ещё 13 – техником-лесоводом. По его инициативе в лесничестве были заложены три питомника по выращиванию сосен – обычных и крымских. А возле своего дома он выращивал розы.

ЯЛТА В ФЕВРАЛЕ 1945 ГОДА

4 февраля 1945 года началась Ялтинская конференция – встреча лидеров СССР, США и Великобритании, на которой решилась послевоенная судьба мира, и политическая карта Европы и Азии претерпела существенные территориальные изменения. Конференция проходила в Ливадийском дворце в Ялте, в Крыму, Она стала последней встречей лидеров антигитлеровской коалиции.

Встречу первоначально предполагалось устроить в Северной Шотландии, Ирландии, затем на острове Мальта. Среди возможных мест встречи назывались также Каир, Афины, Рим, Сицилия и Иерусалим. Однако советская сторона, несмотря на возражения американцев, настояла на проведении конференции на своей территории. Черчилль, как и американцы, не хотел ехать в Крым и отмечал в письме Рузвельту, что «там ужасный климат и условия». Тем не менее, местом встречи был выбран именно Южный берег Крыма и конкретно Ялта, которая была менее разрушена после оккупации. Единственное, что разрешил **Сталин** британскому премьеру, который так не хотел выбираться в Крым, это дать кодовое название конференции, которое упоминалось в секретной переписке, а именно: «Аргонавт».

Брюзга Черчилль предложил это название, как бы проводя параллель между античными героями древнегреческих мифов, отправившихся в Причерноморье за золотым руном, и участниками Ялтинской конференции, которые отправляются практически в те же места, но «золотым руном» для них станет будущее мира и раздел сфер влияния.

Хотя в феврале 1945 года война была в завершающей стадии, вопросам безопасности участников Ялтинской конференции уделялось повышенное внимание. По данным российского писателя и историка Александра Широкограда, которые

он приводит в своей публикации в «Независимом военном обозрении», для обеспечения безопасного проведения встречи были привлечены тысячи советских, американских и британских сотрудников служб охраны и безопасности, корабли и авиация Черноморского флота и ВМС США и Великобритании. Со стороны США в охране президента участвовали подразделения морской пехоты. Противовоздушную оборону только принимающего делегации аэродрома «Саки» составляли более 200 зенитных орудий. Батареи были рассчитаны на ведение семислойного огня на высоту до 9000 метров, прицельного огня – на высоту 4000 метров и заградительного огня – на расстояние до 5 километров от аэродрома. Небо над ним прикрывали свыше 150 советских истребителей. В Ялте были развёрнуты 76 зенитных пушек и почти 300 зенитных автоматов и крупнокалиберных пулемётов. Любой самолёт, появившийся над районом проведения конференции, должен был немедленно сбиваться. Охрана шоссейных дорог обеспечивалась личным составом семи контрольно-пропускных пунктов в составе более 2 тысяч человек. При проезде автомобильных кортежей участвовавших в конференции делегаций по всей трассе их следования прекращалось всё остальное движение, а из жилых домов и квартир, выходивших на трассу, были выселены жильцы – их место заняли сотрудники госбезопасности. В Крым для обеспечения безопасности дополнительно были переброшены пять полков НКВД и даже несколько бронепоездов. Для охраны Сталина вместе с советской делегацией в Юсуповском дворце в посёлке Кореиз были выделены 100 сотрудников госбезопасности и батальон войск НКВД в количестве 500 человек. Для зарубежных делегаций, прибывших с собственной охраной и службами безопасности, советской стороной была выделена внешняя охрана. В распоряжение каждой иностранной делегации выделялись советские автомобильные подразделения.

Достоверных данных о том, что Гитлер намеревался устроить покушение на своих противников в Крыму, нет. Да и не до этого ему тогда было, когда советские войска стояли уже в сотне километров от стен Берлина.

Сакский аэродром стал главным аэродромом для приёма делегаций, прибывающих в Крым. В качестве запасных рассматривались аэродромы Сарабуз под Симферополем, Геленджик и Одесса.

Сталин и делегация Советского правительства прибыла в Симферополь на поезде 1 февраля, откуда вождь отправился на машине в Ялту. Самолёты Черчилля и Рузвельта приземлились в Саках с промежутком примерно в один час. Здесь их встречал нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, другие высокопоставленные лица СССР. В целом в Крым с Мальты, где накануне проходила встреча американского президента и британского премьера, было доставлено 700 человек, входивших в состав официальных делегаций США и Великобритании на встречах со Сталиным. По данным первого исследователя неофициальных нюансов Ялтинской встречи крымского краеведа Владимира Гурковича, делегации союзников встречали с большой помпой. Кроме обязательных в таком случае выстраивания почётных караулов и других почестей, советская сторона устроила и грандиозный приём неподалёку от лётного поля. В частности, были установлены три большие палатки, где стояли столы со стаканами сладкого чая с лимоном, бутылки водки, коньяка, шампанского, тарелки с икрой, копчёной осетриной и сёмгой, сыром, варёными яйцами, чёрным и белым хлебом. Это при том, что в СССР ещё действовали продовольственные карточки, а Крым менее года назад был освобождён от оккупантов. Краевед собирал свидетельства ещё живых на тот момент участников событий: охранников – сотрудников НКВД, поваров, официантов, лётчиков, обеспечивающих «чистое

небо» над Крымом. По свидетельству одного из поваров, готовившего блюда для приёма на Сакском аэродроме, никаких ограничений в яствах и напитках не было. «Всё должно было быть на самом высоком уровне, и наша страна должна была подтвердить этот уровень. А столы действительно ломились от всевозможных деликатесов», — сказал он. А американских и английских лётчиков принимали в Сакском военном санатории имени Пирогова, где было подготовлено порядка 600 мест для них. Русское гостеприимство проявилось и здесь. Им готовили по меню, утверждённому специальным приказом начальника тыла Черноморского флота.

По пути следования кортежей из Сак было предусмотрено несколько мест возможных остановок для отдыха. Одна из них была в Симферополе, а вторая — в Алуште. Первой из них воспользовался Черчилль по пути в Ялту, а второй — Сталин. Дом на улице Шмидта в Симферополе ранее был домом приёмов, или иначе гостиницей Совета народных комиссаров Крымской АССР. Во время оккупации там проживали высокопоставленные офицеры вермахта, поэтому здание и внутренние помещения были достаточно ухоженными и готовыми к приёму высоких гостей. Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль был известным любителем коньяка и сигар, которые он употреблял, не жалея своего здоровья. При перелёте с Мальты, а это достаточно долгий путь, он отправил телеграмму Сталину, что уже в полёте и «уже позавтракал». А на аэродроме в Саках союзников встречало не менее тёплое гостеприимство, с армянским коньяком и шампанским для британского премьера. Ничего необычного в остановке Черчилля в Симферополе нет. Ему, скорее всего, необходимо было время для того, чтобы «прийти в себя, подумать и в очередной раз выкурить сигару». А пробыл он в гостевом доме не более часа и, действительно, выйдя на балкон, по свидетельству одного из сотрудников госбезопасности, выкурил традиционную сигару.

Председатель Совнаркома СССР **Иосиф Сталин** после приезда в Крым останавливался в Алуште – на даче «Голубка», на первом этаже. «Здесь он отдохнул и побрился», – свидетельствует архивная запись,

Франклин Делано Рузвельт из Сак без остановок сразу направился в Ливадийский дворец, отведённый ему. Основным местом проведения встречи также стала Ливадия – бывшее имение российских императоров. Президент Соединенных Штатов с 1921 года был прикован к инвалидной коляске из-за полиомиелита и был ограничен в перемещениях. Поэтому Сталин, чтобы лишний раз не подвергать риску здоровье Рузвельта и создать ему комфортные условия, для работы определил Ливадию – как для размещения делегации США, так и заседаний саммита «Большой тройки». Черчиллю и делегации Великобритании достался не менее роскошный дворец генерал-губернатора Новороссии графа Воронцова в Алушке, который строился по проекту английского архитектора Эдварда Блора.

Сталин выбрал для своей резиденции дворец князя Юсупова в Кореизе, который расположен между Алушкой и Ливадией.

Дворцы Южнобережья после оккупации выглядели весьма плачевно. Немцы старались вывезти всё максимально ценное из предметов обстановки и оформления. Поэтому с советской стороны были предприняты колоссальные усилия для максимально комфортного проведения конференции. Достаточно сказать, что для этого в Крым были доставлены свыше 1500 вагонов оборудования, строительных материалов, мебели, сервизов, кухонной утвари и продовольствия. На ремонт одного только Ливадийского дворца было затрачено 20 тысяч рабочих дней. В Ливадии, а также в Кореизе и Алушке были сооружены бомбоубежища, поскольку не исключалась возможность налёта вражеской авиации.

«Большая тройка» в Ливадии

Рузвельт, который с опаской ехал на саммит, был восхищён дизайном своих апартаментов. Всё было в его вкусе: штопы на окнах, драпировки на дверях, покрывала на кроватях его и дочери и даже телефонные аппараты во всех комнатах были голубого цвета. Этот цвет был самым любимым цветом Рузвельта и, как он выражался, «ласкал его голубые глаза».

В Белом зале дворца, где проходили основные заседания конференции, был смонтирован круглый стол для переговоров «Большой тройки». Для рабочих нужд членов делегаций подготовили бывшую бильярдную, где было подписано большинство документов, внутренний Итальянский дворик и весь садово-парковый ансамбль. В Ливадии были установлены три электростанции. Одна работающая и две дублирующие. В Алупке и Кореизе – по две.

Идея провести встречу в верхах в Ялте изначально была рискованной. В Крыму, освобождённом от гитлеровцев в мае 1944 года, оставалась немецкая агентура. Более того, линия фронта к февралю 1945-го проходила на таком расстоянии от Ялты, что город мог в любой момент подвергнуться массированному налёту вражеских бомбардировщиков.

Но германскую угрозу удалось нейтрализовать. Вскоре после освобождения Крыма по линии «Смерш» была задержана гитлеровская разведгруппа – пятеро её членов должны были поставлять информацию из Симферополя, Бахчисарая и Севастополя. Отправляли же в итоге дезинформацию – перевербовка агентов позволила военным контрразведчикам начать успешную радиоигру с немецкой разведкой (кодовое наименование – «Знакомые» и «Филиал»).

В конце 1944 года гитлеровская разведка дала указание своим крымским агентам передислоцироваться с полуострова, но в январе 1945-го, когда подготовка к встрече на высшем уровне уже шла полным ходом, из Германии вдруг поступило указание сообщать ежедневную сводку погоды в Крыму. Оно дублировалось и по другим каналам связи, в том числе через связников.

Но погодой интерес немцев в итоге и ограничился. 3 февраля их разведчикам было приказано отправиться в дальнюю дорогу – на самый север УССР, в район реки Припять, а руководителю группы повелели перейти к «своим» через линию фронта. Вопрос о состоянии погоды в Крыму при этом не поднимался. На всякий случай в рамках радиоигры ежедневно до середины февраля гитлеровской разведке передавалась сводка с такими ужасными погодными условиями, которые напрочь исключали в то время возможность применения любой авиации, а значит, и налёты бомбардировщиков на Южный берег Крыма. На самом деле во время заседаний «Большой тройки» светило почти весеннее крымское солнце...

Системы ПВО Крыма были серьёзно усилены: полуостров в этот период прикрывали более 300 истребителей (из них не менее 100 были приспособлены для ночных полётов), а Ялту, Севастополь и аэродром Саки защищали более 600 зенитных орудий и пулемётов. На случай объявления воздушной тревоги были подготовлены основательные подземные укрытия для участников конференции.

В портах Севастополя и Ялты радушно приняли экипажи британских и американских кораблей. Речь шла не только об их охране и довольствии во время стоянки, но и об организации «специального культурного обслуживания плавсостава». При этом многочисленных гостей встречали, соблюдая строгую конспирацию.

В Одессе же всё делалось на виду у публики. На случай нелётной погоды в Крыму там готовились разместить конференцию в полном составе. Одесситы могли наблюдать многочисленные следы оживлённой подготовки к чему-то очень важному – в городе активно проводили ремонт фасадов домов, гостиниц, представительских помещений, не забыли и городские дороги. В итоге все эти приготовления пошли на благое дело дезинформации противника.

К прибытию лидеров «Большой тройки» усилия гитлеровских спецслужб были парализованы и дезориентированы. Все три «аргонавта» успешно прибыли в Крым.

Спокойствие мировых лидеров охранялось по чёткому плану, утверждённому приказом НКВД СССР N 0028 от 8 января 1945 года «О специальных мероприятиях по Крыму» за подписью Л. П. Берии. Он и отвечал за организацию подготовки встречи в Крыму, руководила же процессом на месте группа ответственных работников НКВД и НКГБ СССР во главе с замнаркома внутренних дел С. Н. Кругловым. Срок окончания всех работ и готовности объектов для использования был определён всего в две недели – к 22 января.

При обеспечении безопасности Ялтинской конференции использовался опыт Тегерана-43 и особо учитывалось то обстоятельство, что всего за несколько месяцев до начала работы конференции в Крыму шли ожесточённые освободительные бои.

Сталин и Черчилль

Передовая группа отбыла в Крым немедленно после получения указаний. Ей предстояло привести в должный порядок отобранные здания, помещения и территории, организовав на них три сектора охраны (временные комендатуры). Под особым контролем находились Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский дворцы. Минёры тщательно обследовали все помещения в трёх дворцах, их территории и подъездные пути к ним. Из района станции Джанкой пришлось срочно переместить склад с боеприпасами, расположенный вблизи полотна железной дороги. Оттуда были вывезены 1100 вагонов

с отечественными снарядами, 200 – с авиабомбами, 47 – с трофейными боеприпасами. Не менее тщательно проверялось состояние электросетей, водопровода, канализации, отопления, вентиляции. Удалось наладить бесперебойную работу средств связи. Для обслуживания встречи в Ялте были установлены три АТС. За телефонную (ВЧ) и телеграфную связь между Москвой и Крымом, а также за устранение повреждений на линиях в условиях зимы и возможного гололёда отвечали пять рот войск правительственной связи НКВД СССР.

К 22 января в Крым специальными поездами были направлены специалисты, рабочие, обслуживающий персонал, сотрудники охраны 6-го Управления НКГБ СССР, а также отдельные подразделения войск НКВД СССР. В зоне проведения крымских мероприятий были созданы пять оперативных секторов. Службу на постах в секторах обеспечивали 1800 бойцов войсковых подразделений НКВД СССР и 800 оперативных работников.

В секторах были проверены и приведены в порядок подъездные пути к объектам специального назначения: дороги, мосты, путепроводы, причалы, аэродромы. Действовали семь КПП для автомашин без специальных пропусков. С 30 января и до окончания работы конференции было закрыто движение по верхнему шоссе – от Ялты до Байдарских ворот и по нижней дороге – от Ялты до Фороса.

Пропускной режим был усилен по всему Крыму, для чего на полуостров дополнительно направили более тысячи оперативных работников НКВД и НКГБ СССР. До начала работы конференции подвергли проверке более 74 тысяч человек, 835 из них арестовали.

Весь январь 1945-го спецпоезда везли в Крым всё необходимое: стройматериалы, электрооборудование, мебель, посуду. Ещё больше грузов, если считать по тоннажу, доставили в Крым морем (в основном топливо). Экстренные перевозки

осуществлялись самолётами: в постоянной готовности находились десять машин марки Си-47.

Для обслуживания конференции было выделено более 150 легковых и грузовых автомобилей, из них – 35 машин из гаража особого назначения (ГОН) для руководителей и членов делегаций, в том числе несколько специальных «паккардов». Для нужд «ближних» и «дальних» гостей из Англии и США определили 15 легковых авто, 20 «виллисов» и 5 грузовиков.

Для охраняемых лиц, советских и иностранных, была предусмотрена доставка качественных продуктов, а также их проверка на месте. В этих целях была создана центральная база со складами и холодильниками. На каждом из объектов специального назначения также имелись складские помещения и холодильные камеры, там были организованы кухни, столовые, буфеты. Заработала хлебопекарня. За поставку свежей рыбы отвечали крымские рыбаки.

Масштабы завоза провизии и напитков были внушительны. Участники Ялтинской конференции съели полтонны паюсной икры, столько же различных сыров и сливочного масла. Мяса было употреблено 1120 килограммов – на центральную базу были завезены живые телята, коровы, бараны, птица. Овощное меню потянуло на 6,3 тонны. При такой обильной закуске не забывали и о напитках – вина, половина сортов которого имела грузинскую родословную, запасли более 5000 бутылок, водки – 5132, пива – 6300 и коньяка – 2190 бутылок.

По слухам, дневная коньячная норма Черчилля составляла две бутылки. Накопленных же припасов хватило в итоге всем участникам – а в одной лишь американской делегации насчитывалось 276 человек без учёта размещавшихся отдельно лётчиков и моряков.

И о посуде. В Ливадию, скорее всего, из Гохрана для нужд конференции было завезено немало «старорежимного»

серебра высокого качества. Предметы эти были изготовлены лучшими ювелирами, не исключая и Фаберже – изделие с его клеймом при инвентаризации 1956 года обозначили как «жардиньерка серебряная, проба 84». По виду же это ковш-братина в характерном для знаменитого ювелира старорусском стиле.

Память о Ялте-45 хранят десятки вещей элитного качества – вазы для конфет с серебряным ободком и просто с серебром, хрустальные вазы для фруктов на серебряной ножке и на серебряной подставке, графины, салатники, подстаканники, ситечки, ложки и вилки...

27 января Берия доложил Сталину об успешном окончании подготовительных мероприятий по приёму, размещению и охране Ялтинской конференции.

Для советской делегации были подготовлены 20 комнат в главном корпусе Юсуповского дворца и 33 комнаты в прилегающих к основному зданию корпусам. Для Рузвельта и приближённых к нему лиц предназначались 43 комнаты Ливадийского дворца, остальные «дальние гости» разместились в 48 комнатах Свитского корпуса. Черчиллю и другим «ближним гостям» отвели 22 комнаты в главном корпусе Воронцовского дворца, 23 комнаты в Шуваловском корпусе и другие помещения.

Круглов и его заместители взяли под тщательный контроль работу начальников охраны и комендантов Ливадийского, Юсуповского и Воронцовского дворцов, начальников оперативных секторов. Юсуповский дворец охраняли наряд оперативного состава государственной охраны, войсковое подразделение НКВД СССР (второе кольцо безопасности), усиленное дозорами со служебными собаками (третье кольцо безопасности). Охрану Ливадийского комплекса и Воронцовского дворца обеспечивали сотрудники 6-го Управления НКГБ и войска НКВД, в ночное время подключали и слу-

жебных собак. В резерве у Круглова постоянно находился полк войск НКВД.

Гостям в Крыму понравилось, не было существенных замечаний по организации конференции и у Сталина: не случайно он пригласил своего американского гостя провести отпуск летом 1945 года в Крыму. Президент США принял это приглашение с благодарностью, но осуществить задуманное помешала его смерть, последовавшая совсем скоро, 12 апреля.

В 10-х числах февраля хозяева и гости встречи в верхах благополучно разъехались. 11-го по железной дороге отправилась в путь из Симферополя советская делегация. Вслед за ней из аэропорта Саки, посетив перед отъездом Севастополь, отбыл Рузвельт. Позже всех, 14 февраля, после осмотра Сапун-горы и Севастополя, где Черчилль почтил память британцев, сражавшихся в этих местах в Крымскую войну, на родину вылетел и британский премьер.

Встреча «Большой тройки» в Крыму не была омрачена ни единым серьёзным инцидентом по ведомству охраны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 года 294 особо отличившихся сотрудника 6-го Управления НКГБ были награждены орденами и медалями Советского Союза.

На конференции были приняты решения об оккупации союзниками Германии и Австрии, изменении границ Польши, передаче СССР ранее принадлежащих России Курил и Южной части Сахалина, закреплении регулирующей и международной роли стран-победительниц в период послевоенной нестабильности. Принята Декларация об освобождённой Европе.

И самое главное решение – о создании международной организации, для подготовки устава которой планировалось созвать конференцию Объединённых Наций. Также СССР

обязался вступить в войну с Японией при условии сохранения статус кво Монгольской Народной Республики.

После конференции появился анекдот.

Договорившись обо всём со Сталиным, Черчилль с Рузвельтом предложили ему махнуться:

– Отдай нам Крым, а мы отдадим взамен такую же часть территории Западной Германии.

Сталин подумал немного и говорит:

– Если вы отгадаете мою загадку, то заберёте Крым. – И показал союзникам три пальца левой руки: большой, средний и указательный. – Какой из этих пальцев сэрэдный?

Черчилль удивился простоте загадки и ухватился за указательный палец:

– Вот этот.

– Нээт, нэ угадал!

Рузвельт решил, что Сталин хитрит, и надо выбирать из всех пальцев руки. И он указал на средний палец.

– Нээт. И ты не угадал, – сказал Сталин. Он сложил кукиш из трёх пальцев и показал его. – Вот сэрэдный. Вот вам наш Крым!

ЗАДЫМЛЁННЫЙ РАССВЕТ

От тяжести послевоенных лет
Сутулость сохранилась.
Всех нас страна стремилась
Из-под руин поднять на свет.
Она, конечно, надрывалась,
Заводы ставя на попа,
И угля чёрная крупа
Из топок в рты нам набивалась.
И наш задымлённый рассвет
На Запад трассами Победы,
Как наши прадеды и деды,
Шёл, как по минам, строго вслед.
А там Германию делили,
А в Польше армия крайова
Грязь с рук смывала русской кровью,
Но и по ней прицельно били.
А нам уже грозили «Малышом»,
Считая, что нам бомба не по силам,
И вдруг она, рванув, всё поносила,
И мир был громом оглушён.
Часть ближняя Европы к нам прижалась,
И стали мы её щитом,
Европе первыми построив общий дом,
Вперёд не заглянув. (Какая жалость!)
Казалось нам: мы строим прочный мир,
И сил баланс всеял на то надежду.
Но дальних войн гром слышан был, как прежде,
И вороньё там продолжало пир.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ: НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ. ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

ПИОНЕР-РАЗВЕДЧИК ИЗ ФЕОДОСИИ

Витя Коробков родился 4 марта 1929 года в семье рабочего. Учился в средней школе № 4, за отличную учёбу дважды был награждён путёвкой в пионерский лагерь «Артек». Во время немецкой оккупации Крыма он помогал своему отцу, бойцу городской подпольной организации Михаилу Коробкову. Через Витю Коробкова поддерживалась связь между партизанскими группами, скрывавшимися в Старокрымском лесу. Он собирал сведения о врагах, принимал участие в размножении и распространении листовок. Позже стал разведчиком 3-й бригады Восточного объединения партизан Крыма.

16 февраля 1944 года отец и сын Коробковы пришли в Феодосию с очередным заданием и были схвачены гестаповцами. Более двух недель их допрашивали и пытали в гестапо, потом расстреляли – сначала отца, а 9 марта – и сына. За пять дней до казни Вите Коробкову исполнилось пятнадцать лет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Витя Коробков посмертно был награждён медалью «За отвагу». В Феодосии юному герою установлен памятник, именем Коробкова названа школа, в которой он учился, а также прилегающая к ней улица.

НАРОДНЫЙ МСТИТЕЛЬ

Володя Дубинин родился в Керчи 29 августа 1927 года. С началом войны и приближением немецких войск к родному городу будущий герой добился того, чтобы его приняли в партизанский отряд, воевавший в каменоломнях Старого Карантина. Народные мстители уважали и любили Володю, считали его своим общим сыном. Со своими друзьями Толей Ковалёвым и Ваней Гриценко Володя Дубинин ходил в разведку. Юные разведчики доставляли ценные сведения о расположении частей врага, о численности немецких войск. Партизаны, исходя из этих данных, планировали свои боевые операции.

Разведка помогла в декабре 1941 года отряду дать достойный отпор карателям. В штольнях во время боя Володя Ду-

бинин подносил солдатам боеприпасы, а затем заменил тяжело раненного бойца.

О парне рассказывали легенды: как он «водил за нос» нацистов, которые разыскивали партизан; как умел проскальзывать незаметно мимо вражеских постов; как мог точно определить численность нескольких гитлеровских подразделений, расположенных в разных местах. Володя был худенький, небольшого роста, поэтому мог выбираться из каменоломен

по очень узким лазам. После первого освобождения города в результате Керченско-Феодосийской десантной операции 1941–1942 гг. Володя Дубинин вызвался помогать сапёрам при разминировании подходов к каменоломням. 4 января

1942 года произошла трагедия – от взрыва мины погибли сапёр и находившийся рядом с ним юный партизан. Похоронили Володю в братской могиле неподалёку от каменоломен. Посмертно Владимир Дубинин был награждён орденом Красного Знамени. Его именем в Керчи названа улица, школа, ему установлены памятники.

13-ЛЕТНИЙ ВОИН

Валера Волков родился в 1929 году в Черновцах. Когда началась война, семья решила переехать к родственникам в Крым. В прифронтовом селе Чоргун (ныне Черноречье) мальчика встретили разведчики 7-й морской бригады. Мальчик рассказал, что отца застрелили немцы, обвинив в связи с партизанами. Комиссар бригады приказал отправить мальчика в инкерманские штольни, в подземную школу. Но вскоре при бомбёжке погибла учительница, и многие одноклассники Волкова, и сам Валера снова пришли к разведчикам.

Мальчик взялся выпускать регулярную листовку-газету «Окопная правда». Сохранился последний, 11-й номер, где в частности написано: «Посмотрите, какой мощный кулак мы составляем и сколько немцев нас бьют, а мы сколько их пбили; посмотрите, что творилось вокруг этой школы вчера, сколько убитых лежит из них, а мы, как мощный кулак, целы и держимся, а они, сволочи, думают, что нас здесь тысяча, и идут против нас тысячами... Эх, как я хочу жить и рассказывать всё это после победы. Всем, кто будет учиться в этой школе! Дорогая десятка! Кто из вас останется жив, расскажите всем, кто в этой школе будет учиться; где бы вы ни были, приезжайте и расскажите всё, что происходило здесь, в Севастополе. Я хочу стать птицей и облететь весь Севастополь, каждый дом, каждую школу, каждую улицу. Это такие мощные кулаки, их миллионы, нас никогда не победят своло-

[illegible]

1 июля 1942 года Валерий Волков стоял в группе прикрытия в районе Ушаковой балки, где и принял свой последний бой. По одной из версий, мальчик находился ближе других к

дороге, по которой шла вражеская бронетехника. Он пополз танкам навстречу со связкой гранат, но был ранен в правое плечо, поэтому подпустил врага поближе и метнул гранаты левой рукой прямо под гусеницы. Похоронили Валеру во дворе школы, а в 60-х годах перезахоронили на кладбище в пос. Дергачи.

Пионер Валерий Волков был посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

ОТВАЖНАЯ КЕРЧАНКА

Когда началась Великая Отечественная война, **Вале Ивановой** было двенадцать лет. Весной 1942 года советские войска оставили Керчь. Переправа войск через пролив была чрезвычайно тяжёлой. Вражеские самолёты непрерывно бомбили город и море. На одном из понтонов отходил со своей частью отец Вали. Вдруг из толпы выскочила босоногая девчонка и в пальто бросилась в море. Вымокшая до ниточки, стояла Валя среди бойцов. Отцу дочь заявила: «Я воевать буду, бить врага».

Девочка прибавила, с согласия отца, к своему возрасту два года, и по его просьбе двенадцатилетняя керчанка Валя Иванова была зачислена на должность санинструктора в ба-

тальон, которым в скором времени стал командовать её отец Иван Фёдорович Иванов. Валя перевязывала раненых, переправляла их в тыл. Ей пришлось многому научиться, и в тринадцать лет она стала квалифицированной сестрой хирургической группы.

Во время наступления ей приходилось не спать по нескольку суток. Валя уходила из операционной и шла в палаты, переполненные ранеными. Затем, возвратившись в операционную, переливала кровь, ассистировала хирургу при сложнейших операциях. Фронтовые будни складывались в месяцы, годы. Дивизия шла в наступление, и вместе с ней прошла весь воинский путь и девочка Валя Иванова. В 1945 году Вале исполнилось шестнадцать. Когда Валя возвратилась в родную Керчь, мать с гордостью показывала соседям, знакомым и друзьям её гимнастерку с медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

таты, переполненные ранеными. Затем, возвратившись в операционную, переливала кровь, ассистировала хирургу при сложнейших операциях. Фронтовые будни складывались в месяцы, годы. Дивизия шла в наступление, и вместе с ней прошла весь воинский путь и девочка Валя Иванова. В 1945 году Вале исполнилось шестнадцать. Когда Валя возвратилась в родную Керчь, мать с гордостью показывала соседям, знакомым и друзьям её гимнастерку с медалями «За боевые заслу-

ги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

БРАТЬЯ СТОЯНОВЫ

Их имена знают практически все жители небольшого древнего города Старый Крым. Каждый год 13 апреля, в день освобождения города, в сквере имени братьев Стояновых много цветов. К могилам юных подпольщиков их возлагают ученики средней школы №1, где учились Толя (1924 г. р.), Юра (Георгий) (1926 г. р.) и Митя (1928 г. р.).

2 ноября 1941 года Старый Крым был оккупирован гитлеровскими войсками. В середине месяца в городе были созда-

ны молодёжные подпольные организации, лидерами которых были Юрий Стоянов, Павел Косенко и Олег Сандров. В январе 1942 года эти группы объединились и организовали патриотическую организацию «Подполье юных бойцов». Ребята распространяли листовки, сожгли мельницу, производившую муку для немецкой армии, многие столбы связи; взорвали две цистерны с горючим. Отряд Юры Стоянова насчитывал более со-

рока мальчишек и девчонок – бывших учеников 7–8–9-х классов Старокрымской средней школы.

На счету подпольной организации – более ста боевых и разведывательных операций. Кроме того, ребята неоднократно поставляли партизанам продовольствие и медикаменты, распространяли среди жителей города сводки Совинформбюро. А ведь средний возраст юных героев был всего лишь пятнадцать лет...

20 января 1944 года молодые патриоты вместе с партизанами вели с фашистами бой на горе Бурус. В ходе сражения погиб Юра Стоянов. После гибели брата в комсомольско-молодёжном

партизанском отряде продолжали сражаться Толя и Митя. Отряд входил в состав Восточного соединения партизан Крыма и особенно отличился во время нападения на расположенный в Старом Крыму вражеский гарнизон. В ночь с 26 на 27 марта 1944 года в бою партизаны убили и ранили около 200 гитлеровцев, уничтожили два танка, множество другой боевой техники, склад с горючим и боеприпасами. За день до освобождения Старого Крыма, 12 апреля 1944 года, нацисты устроили зверскую расправу над мирными жителями. В числе сотен погибших горожан были и братья-подпольщики Толя и Митя Стояновы.

Юные герои похоронены в центральном сквере города, который и носит их имя. В честь братьев также названа школа, одна из центральных улиц, а в 1989 году было построено рыболовецкое судно «Братья Стояновы».

Татьяна Керусова

ПАРТИЗАН ЛЁНЯ ДЫМЧЕНКО

*«Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за други своя»
Ин. 15:13.*

Война идёт. И немцы наступают,
А наши всё позиции сдают.
Вот Старый Крым сегодня оставляют
И вместо них враги сюда войдут.
Начнут аресты, обыски, расстрелы,

Что свято нам, растопчут и сожгут.
«Зря думают, что победить сумели:
Они ещё из Крыма побегут!» –
Уверен Лёнька. Он едва не плакал,
Когда солдатам нашим вслед глядел.
И с неба мелкий дождь тогда закапал,
И с гор холодный ветер налетел.
А ночью он крутился на постели,
И мама Лёни тоже не спала.
Потом оделись, у крылечка сели,
И мама крепко сына обняла.
«Что будет с Лёней? – думала, вздыхая.
– Всего двенадцать, а он рвётся в бой...
Полезет на рожон – беда какая!
Поплатится бедовой головой».
И будто мысли эти подтверждая,
Сказал сынок: «Мне фрицы не указ:
Я галстук пионерский, не скрывая,
Носить назло им буду напоказ!»
А мать в ответ: «И сразу расстреляют...
А смертью сильно ль фрицам навредишь?
Ты спрячь его, и пусть они не знают,
Что галстук пионерский ты хранишь».
Подумав, Лёня с мамой согласился.
Жестяную коробочку он взял –
Была мала, но галстук поместился –
И под черешней старой закопал.

ОККУПАЦИЯ

Прошёл лишь день, а город изменился.
Вон танки вражки выстроились в ряд.
Над горсоветом флаг фашистский взвился.
Ликуют немцы – жители молчат.

Приказы издаёт комендатура:
Что надо делать и за что расстрел.
И на одном, что на Дворце культуры,
Рисует фигу маленький пострел.
Случайно мама Лёньку увидала,
Схватила и скорей его домой.
И всю дорогу за руку держала:
«Когда ж ты будешь думать головой?
Как не тебя – другого расстреляют.
А может, даже нескольких людей...
Фашисты, Лёня, жалости не знают.
Для них порядок их всего важней».
Пришли домой, и мама дверь закрыла
За Лёней на замок: «Ключ свой отдай.
Подумай, сын, о чём я говорила.
Я ухожу, а ты всё осознай».
Один скучает Лёня у окошка.
Сквозь запотевшее стекло глядит,
Как с листиком сухим играет кошка
И чёрный ворон в небесах кружит.

Кружит над Агармышем чёрный ворон:
Ружейный залп ввысь ворона поднял.
Что происходит? Он обеспокоен:
Он часто слышать эти залпы стал.
Сначала здесь евреев расстреляли:
Не пожалели ни детей, ни стариков.
В ров под горой тела их закопали.
Он, ворон, наблюдал из-за кустов...
Потом учителей и коммунистов,
Больных военнопленных, партизан,
Родных их и подростков-уклонистов,
Заложников из мирных горожан...

Кружит над Агармышем чёрный ворон.
Как сердце ноет и душа болит!..
Земляк, покойся с миром, будь спокоен:
Народ за всё убийцам отомстит!

Однажды Лёне тихо мать сказала:
«Будь дома. Брат двоюродный придёт.
Вчера случайно от сестры узнала:
Его лес партизанский ждёт».
«А я?! Я тоже к партизанам с братом!
Мам,пусти: я с Тасиком хочу!..»
«Ты, Лёня, не бери меня нахрапом!..
Пусть Тасик сам решит – я помолчу».
Дверь скрипнула, открылась. На пороге
Мальчишка лет семнадцати стоит:
«Что видел я сейчас к вам по дороге:
Сосед, Серёжа Логвинов, убит!
Повесили на дереве у клуба,
А на груди табличка «Партизан».
«И ты пойдёшь?!» «Да. Завтра сбор у дуба...
Я дедушкин взял наградной наган».
И обнял Тасик Лёньку как родного:
«Ты без меня, братишка, не грусти.
Хотел тебя я взять: просил связного...
Не разрешил. Иду один. Прости».
«Вот так всегда! – и Лёнька отвернулся, –
Все немцев бьют, а я «в кустах» сижу!»
А Тасик к брату младшему нагнулся:
«Послушай лучше, что тебе скажу...
Сейчас ты, Лёня, в городе нужнее:
Смотри и слушай, всё запоминай.
Узнаешь что-то важное – скорее
Все новости сюда передавай».

И он записку с адресом тихонько
И незаметно брату передал.
Похлопал Лёню по спине легонько,
А тётю, уходя, поцеловал.

«ПОДПОЛЬЕ ЮНЫХ БОЙЦОВ»

Шли люди постоянно к партизанам:
Все знали – их отряды там, в горах.
Но не было известно горожанам,
Что здесь на немцев нагоняют страх
Подпольщики, ребята молодые,
Их средний возраст был пятнадцать лет.
Они в те годы, страшные и злые,
Решили мстить и дали в том обет.
Их юными бойцами называли,
Здесь, в городе, они борьбу вели:
Цистерны с топливом взрывали,
Опоры связи. Мельницу сожгли:
Пойдут теперь сюда машины с хлебом,
А партизаны встретят, отобьют
И после боя за скупым обедом
Отбитый хлеб тот пожуют.
Ещё они листовки выпускали
По сообщениям Совинформбюро,
По городу распространяли,
Заставы фрицев обходя хитро.
Рискуя жизнью, в лес переправляли
Одежду тёплую, лекарства и еду.
И за врагом всё время наблюдали.
И это всё у немцев на виду!
Однажды удалось добыть им списки
Намеченных в Германию угнать:

Всё молодёжь – девчонки и мальчишки...
Они должны об этом знать.
Весь Старый Крым, конечно, востепенулся:
Что может ждать в Германии детей? .
И в горы к партизанам потянулся
Непрерываемый поток людей.
И Лёня к брату в лес засобирался.
Его до балки проводила мать.
Ждать Тасика он у реки остался,
А мать ушла – не дай Бог зарыдаться.
Сжималось сердце матери от боли:
А вдруг убьют... Но как не отпустить?
Сын рвётся в бой, не хочет жить в неволе
И жалкую судьбу раба влачить...
Шуршат сухие листья под ногами.
На старом дубе чёрный ворон спит.
Под дубом встала, залилась слезами:
«Сыночек мой!.. Пусть Бог тебя хранит...»
Без мамы время медленно бежало.
Сын загрустил... У речки прикорнул:
Из-за деревьев солнышко сияло,
Вода журчала мирно... Он уснул.

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Бесшумно брат из леса появился
В красивой шапке с красной полосой.
«Ух, Тасик! Здравствуй! Как ты изменился!
Ого, усы! Винтовка за спиной!»
Обнялись братья. Быстро в путь пустились,
Чтоб засветло до лагеря дойти.
Ноябрь стоял. Уж дни недолго длились,
А в темноте легко сойти с пути.

Успели засветло. Их первым встретил
Мужчина коренастый с бородой.
Курил он трубку. Тасика заметил:
«Что, воина привёл? Боец, за мной».
«Комбриг наш, Куликовский, дядя Саша, –
Успел брат тихо Лёне прошептать, –
С ним долго не сиди: остынет каша.
Не трусь. Он обещал тебя принять».
В землянке разговор их был коротким.
«Зовут как? Сколько лет? Пришёл зачем?» –
Спросил комбриг. Но Лёнька не был робким:
«Пришёл я фрицев бить и мстить им всем».
«Здесь не курорт... Морозно – стены тронь-ка...
Стреляют часто: могут и убить».
«Я знал, куда иду, – ответил Лёнька, –
Я Родине своей хочу служить».
«Иди, служи, – добро дал Куликовский, –
Фашистов бей, себя побереги».
«Меня им не убить – я не таковский!»
Комбриг его обнял: «В отряд беги...»
Ночь. На постели из сосновых веток,
Травы и мха спит юный партизан.
За день устал: сон тих его и крепок.
К груди прижал подаренный наган.

Теперь он с Тасиком в одном отряде.
Уже армейский выучил устав.
И ночью первый раз стоял в наряде,
Как взрослый, совершенно не устал.
С наставником он быстро научился
Бросать гранаты, точно в цель стрелять,
По карте разбирать, где очутился,
И по приметам местность узнавать.

Бойцы в отряде Лёньку уважали:
Он это уважение заслужил.
Его уже не раз в разведку брали,
И в сёла с братом он связным ходил.
Участвовал в боях один и с группой.
Не прятался за спинами бойцов.
В кровавой схватке, беспощадной, лютой,
Не отступал под натиском врагов.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

Однажды вышла небольшая группа
В селения Субаш и Бараколь:
Закончились продукты – хлеб и крупы,
Мука и масло, овощи и соль.
И партизанам надо было список
С продуктами подпольщикам отдать.
Но путь от лагеря до сёл не близок.
Пришлось на Агармыше ночевать.
Наутро партизаны разделились:
Два – на Субаш, два в Бараколь пошли.
В густом тумане быстро они скрылись...
Один остался ждать их у скалы.
Туман тихонько таял, открывая
Двух юношей, спускающихся с гор.
Они спешат в Субаш, не замечая,
Крадётся кто-то следом, словно вор.
В селе задворками пробрались к дому,
В котором тётя Лёнина жила.
«Тень» потеряла их и по другому,
По ложному, пути искать пошла.
Ребята в дверь тихонько постучали,
Их вышла тётя на порог встречать.

В дом юркнули и список ей отдали,
Она ж к столу их стала приглашать:
«Садитесь. Вы, небось, проголодались?
Налью я вам парного молока.
Вот хлебушек – кусочки тут остались...
С мукой и хлебом трудности пока.
Вы кушайте... Я в погреб за картошкой.
Поесть вы обязательно должны...»
Но тут сосед им постучал в окошко:
«Патруль идёт. Ховайтесь, пацаны!»
Они – в сарай. И в сено закопались.
Патруль прошёл, во двор не заглянув.
Всё тихо... Отряхнулись, рассмеялись,
Обнялись, с облегчением вздохнув.
А тётушка всё ж братьев накормила
И им ещё еды с собой дала,
Задворками к дороге проводила
И на прощанье крепко обняла.

Уж вечерело. Тропами глухими,
В лесочке прячась, юноши идут.
Опять не замечают, что за ними
Тихонько наблюдение ведут.
Так довели ребят до Агармыша
И растворились в сумерках враги...
Вся группа – у костра, под звёздной крышей.
Отвар кипит из трав и кураги.
До полночи они чай гоняли
И разговоры мирные вели.
Все грелись у костра. Когда устали,
Для сна в ущелье затишек нашли.
Уснули все, ну а один – в дозоре:
Он прячется за каменной скалой.
Замёрз он на ветру, продрог, но вскоре

Пришёл его сменить боец другой.
И так всю ночь, друг друга подменяя,
За трассой наблюдение вели.
А над землёй плыла луна седая
И вслед за ней шли звёзды-корабли.
И время тоже за луной бежало:
На смену ночи приходил рассвет.
Но солнце медлило и не вставало
И вместе с солнцем спал весь белый свет.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Вокруг всё тихо: спит ещё природа.
А Лёне час настал в дозор идти.
Он начеку: вот-вот придёт подвода
И в ней должны продукты подвезти.
Прислушался. Мотора рокот справа:
Машина едет... Встала под горой...
Сломалась, может?. . Нет. Это облава!
На склон полез один, потом другой...
Бегом к своим: «Подъём! На нас облава!
По склону фрицы к нам сюда ползут!
Нас пятеро, их – целая орава,
Ещё минут пять – будут тут!»
С холма всё видно: немцы окружают.
Пробиться надо через лес в отряд...
А те, с продуктами?.. Они ж не знают!..
Их надо встретить – завернуть назад!
Сейчас задача – вырваться отсюда.
Попытка первая не удалась...
Приходится лишь уповать на чудо
И делать всё, чтоб группа прорвалась.
«Пусть Тасик отступает,
Я прикрыть смогу.

Моя позиция мне позволяет
Отпор дать клятому врагу».
Он за скалой укрылся в нише -
Удобно по врагу стрелять.
С ним Бондаренко, дядя Миша.
Ребята бьются – по стрельбе слышать.
Неравный бой, но Лёня не сдаётся.
И не дрожит его рука:
Стреляет в цель, а не куда придётся.
И немцы залегли – и он притих пока...
Но вот опять они зашевелились:
Ползут по склону. «На, фриц, получай!» –
Летит граната. Мёртвыми свалились
Два немца, да и полицей.
В пылу не сразу он заметил,
Что Бондаренко неживой лежит.
Теперь он в одиночку немцев встретил:
За дядю Мишу он им отомстит!
Стреляет в них... и вроде бы услышал,
Как Тасик крикнул: «Лёнька, отходи!»
Попробовал – из-за скалы он вышел,
И понял: «Нет. Отсюда не уйти...»
Он дрался до последнего патрона,
Но не прорвался, не сумел уйти...
А Тасик свёл бойцов со склона
И завернул подводу с полпути...
Над горизонтом солнце поднималось,
И чёрный ворон над горой кружил.
Ему картина боя открывалась.
Прицельно мальчик немцев бил.
Один сражался в окруженье,
Врагов с десятков уложил.
Но очередь оборвала сражение.
Упал герой, но, кажется, был жив.

Едва-едва, а то бы растерзали.
Но всё равно настолько были злы,
Что тросами к машине привязали –
В Субаш кровавый сгусток привезли.

Кружит над Агармышем чёрный ворон...
Он видел, как был изгнан враг из Крыма.
Был Лёня над рекою похоронен...
Он точно знал, что мы – непобедимы!

Агармыш (с тюркского – Седой) – гора рядом с городом Старый Крым, высотой 723 метра. Является самой восточной яйлой Крыма. Длина его хребта – около восьми километров.

Уже в первые дни оккупации были произведены массовые аресты всех выявленных в городе евреев, которых убивали под Агармышем. Там же казнили жителей города, схваченных во время облав. Под Агармышем расстреливали советских военнопленных, партизан, юных подпольщиков. Об этом напоминает камень с мемориальной плитой.

Сергей Акимович Логвинов – партизанский разведчик.

«Подполье юных бойцов» создали юные патриоты города в январе 1942 года.

Куликовский – командир 3-й партизанской бригады. Под его руководством бригада весной 1944 г. провела две успешные операции в Старом Крыму.

Наставником Лёни в партизанском отряде был партизан **Михаил Бондаренко**. Он обучал мальчика военному делу и премудростям партизанской жизни.

Субаш (название села Золотой Ключ до 1948 года) – исчезнувшее село в Кировском районе Крыма.

Бараколь – название села Наниково до 1948 года.

Конец двухлетней оккупации Крыма был положен **12 мая 1944 года**. В этот день остатки вражеских войск на мысе Херсонес сложили оружие.

САМАЯ ДЛИННАЯ СМЕНА «АРТЕКА»

Вторая летняя смена 1941 года была для «Артека» особенной: в лагерь впервые приехали дети из недавно присоединённых к Советскому Союзу западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики. Многие не говорили по-русски, поэтому с каждой группой ехали вожатые-сопровождающие. Были дети из Москвы, Ленинграда, Симферополя и других русскоговорящих городов. Никто тогда и не подозревал, что эта смена станет для лагеря самой длинной.

Первая группа, из Эстонии, заселилась в лагерь «Нижний» 19 июня. У вожатых – самая горячая пора. Разместить, сформировать отряды, выдать форму, разучить песни, которые петь у костра. Открытие смены планировалось на 22 июня. В 17:00 на костровой площади «Нижнего» (сейчас лагерь «Морской»).

С утра, как обычно, была зарядка. Потом линейка, завтрак, купание, волейбол и обед. Всё шло по распорядку. Дети не знали, что самолёты с крестами уже несколько часов бомбят их дома. А после «Абсолюта» (так здесь называют тихий час) из громкоговорителей разнёсся голос Левитана. Война!

Открытие смены всё же состоялось. Подняли флаг. Ни песен, ни танцев. Пионерский костёр не разводили: светомаскировка.

К концу дня посыпались встревоженные телеграммы от родителей. Местные уже утром увезли своих детей. Следом примчались московские, ленинградские папы и мамы. Небольшими группами с вожатыми разъезжались по стране остальные пионеры.

А что было делать детям из Кишинёва или Таллина, где уже гремели бои?

«Мы чувствовали, что случилось страшное. Но дни в лагере проходили как всегда: мы плавали, катались на катере, играли и пели. Однако ночью нам приходилось дежурить на башне у берега моря. Дежурили четвёрками по два часа. У нас был пароль «Москва Красная». Мы должны были наблюдать, чтобы никто не проник в лагерь с моря».

Из дневника литовской пионерки Марите Растекайте

Деревня Фирсановка. Первая остановка

1 июля на экстренной линейке лагерю был представлен новый начальник Гурий Григорьевич Ястребов, журналист «Известий». Он лечился на даче неподалёку от «Артека». Как только началась война, Гурий Григорьевич получил партийное задание – заняться эвакуацией артековцев подальше от фронта.

В лагерь «Нижний» были поданы автобусы. 200 детей из западных районов страны решено было отправить в под-

московный санаторий «Мцыри». Здесь, в Фирсановке, имени своей бабушки, Лермонтов писал знаменитую поэму. В «Мцыри» уже обосновались дети из Латвии и Литвы, которых война застала по дороге в «Артек».

Вопреки незыблемым артековским правилам смену не закрыли. Времени не было. Но флаг спустили и взяли с собой.

На симферопольском вокзале долго ждали, когда подъедут грузовики с постельным бельём. Пришлось задержать отправление поезда. В военное время за это отдают под трибунал. Но тут дети... Грузовики въехали на перрон, и погрузка шла прямо через окна вагонов. Кстати, ни один комплект казённого артековского белья за всю войну не пропал.

Фирсановка, разгар лета. Снова поднят флаг. Снова по горну — бегом на зарядку. Всё как в мирное время. Только из лесочка в небо топорщились зенитки. Только на соседнем поле ходили в учебную атаку новобранцы. Да по ночам небо вспарывали прожектора, и слышался гул «Юнкерсов», которые

летели бомбить Москву. В середине июля имение в Фирсановке понадобилось под госпиталь. Фронт приближался. Решено было вывозить детей. В далёкий тыловой Сталинград.

Станица Нижне-Чирская. Трудовая вахта

Пароход «Правда» шлёпал колесами по Волге. В Горьком – пересадка на пароход «Урицкий». Вот и Сталинград показался по курсу, абсолютно мирный город в конце июля 1941 года. Разве что на тракторном заводе теперь выпускали танки.

Ребят разместили в новенькой школе на правом берегу, пока ученики на каникулах. Но через несколько дней поступил новый приказ: грузиться по вагонам и ехать на донскую станцию Чир. Там, на дачах, принадлежавших санаторию, продолжилась лагерная смена.

*Артековцы «военной» смены с наставником
Гурием Григорьевичем Ястребовым*

«Тоска по дому стала нас точить, и тогда возьмёт кто-нибудь из нас большой арбуз, вырежет на нём ножиком послание: «Милой мамочке» – и бросит в Дон...»

Из дневника Марите Растекайте

Лагерь перешёл на самообслуживание: ребята сами готовили, убирали, штопали одежду. Артековские бригады трудились на колхозных полях. Из транспорта только пара волов: все грузовики работали для фронта. Про «Абсолют» забыли: какой дневной сон, когда немцы идут на Москву? Старшие пионеры буквально валились с ног, вернувшись с поля. Младшие помогали на кухне и заготавливали дрова. Стремительно надвинулась осень с затяжными дождями. И неумолимо приближался к донским степям фронт.

В Москве приняли решение эвакуировать лагерь в Среднюю Азию. Гурий Ястребов в очередной раз скоординировал общий сбор. Снова спустили артековский флаг. Путь предстоял долгий.

По Дону шёл транзитный буксир с баржей. На нём и поплыл «Артект». Когда причалили к Калачу и ребята выгрузились, комендант как ошпаренный накинулся на пионеров:

– Кто такие? Откуда? Быстро прячьтесь по хатам, а то немец подумает, что свежее подкрепление прибыло! Не видите?

В воздухе кружилась, противно жужжа, фашистская «рама»-разведчик. Артековцы вернулись в Сталинград. Думали, транзитом. Думали, ненадолго.

Сталинград. Всё ближе война

На пионерах были белые рубашки и трусы. И бескозырки с надписью «Артект». Последняя группа, сдававшая в Нижне-Чирской колхозное имущество, чуть не помёрзла по дороге в товарных теплушках.

Разместились в школе, в двух шагах от Сталинградского тракторного. Их «Артек» продолжался. А 7 ноября пришла страшная весть: крымский «Артек» захватили фашисты. Деревянные корпуса сгорели дотла. Дворец Суук-Су, где Дом пионеров, где гостил Чехов, разрушен. Варварски вырублены редчайшие деревья. Расстреляны из автоматов фарфоровые фигуры пионеров на «Аллее национальностей» – подарок Дулёвской фабрики. 17 сотрудников лагеря погибли.

А сталинградский «Артек» жил! Девочки работали в госпиталях. Мальчишки дежурили на крыше, готовые тушить «зажигалки».

«Город постоянно подвергался бомбёжкам. В основном в ночное время. По сигналу «воздушной тревоги» нам надо было в считанные минуты проверить всех детей, помочь быстро одеться в тёплую одежду и вывести их в бомбоубежище».

***Из воспоминаний Антонины Сидоровой,
старшей вожатой «Артека»***

В Сталинграде встретили новый, 1942 год. Про Среднюю Азию забыли. Старшим пионерам пришёл срок вступать в комсомол. Все рвались на фронт, но Гурий Ястребов ясно поставил задачу: «В «Артеке» дисциплина превыше всего. Для вас фронт сейчас здесь!»

А тот беспощадный фронт приближался. Над Сталинградом сбит первый немецкий самолёт. Каждую ночь бомбят тракторный. Призван на фронт вожатый Анатолий Пампа. А в городе отмечены очаги тифа. Двое пионеров и пионервожатая Нина Храброва слегли в изолятор...

Фролово – Камышин – Казань

Весной 1942-го лагерь вывезли на север Сталинградской области, в деревню Фролово. На прощание растроганный главврач госпиталя, где работали артековцы, подарил лагерю свой револьвер.

Артековский флаг подняли в санатории «Серебряные пруды». Уже привычно втянулись в работу: доили коров, водили трактор, работали на электростанции, косили сено и убирали хлеб. Но летом начались налёты немецкой авиации. Фашист подошёл к Дону.

Гурия Григорьевича срочно вызвали в Москву. И приказали вывозить лагерь на Алтай.

Но как добраться до Камышина, где артековцев ждал паром? Командир соседней воинской части предложил:

– Отправляю в Камышин на ремонт танки. Пойдёт эшелон. Могу взять ваших ребят. Правда, в броне немного поместится. А сверху детей сажать опасно.

Ребят вывезли в Камышин армейскими грузовиками, которые чудом выбил у командования эвакогоспиталя Ястребов. Немец наступал. В палатах ждали машин раненые бойцы. Но всё же первые рейсы вывезли артековцев. Начальник госпиталя понимал, что дети важнее. И расхожая фраза о будущем в дыму войны как нельзя актуальна.

Разместили «Артек» в городском парке, в помещении летнего театра. Город тоже ежедневно бомбили. Но в парке были вырыты щели, и пионеры прятались в них. Наконец-то погрузились на пароход, пошли вверх по Волге, подальше от фронта. С воздуха пароход был похож на островок, каких на Волге предостаточно: верхняя палуба утыкана молодыми берёзками и зелёными ветками – маскировка. Но она не всегда помогала. Фашисты разбомбили на глазах у детей два парохода – один, который шёл выше, а второй – ниже по те-

чению. Судьба хранила ребят. Вечером пароход причаливал к берегу, и пионеры шли в степь на ночёвку. А вдруг опять налёт?

В Казани работали грузчиками в порту, ожидая пересадки. Снова подчёркиваем это, потому что все заработанные за войну деньги, включая оклады пионервожатых, артековцы переводили в фонд обороны. В общей сложности 116 тысяч рублей. На эти деньги можно было построить штурмовик «Ил-2», который называли летающим танком.

Сталину доложили об этом денежном переводе. Он отправил артековцам телеграмму:

*«Благодарю пионеров Всесоюзного санаторного лагеря «Артек» им. Молотова за заботу о Красной Армии. Примите мой горячий привет и благодарность Красной Армии.
И. Сталин».*

Белокуриха. Флаг смены спустить!

Через Уфу, Омск, Новосибирск, Барнаул, Бийск пионеры и комсомольцы наконец добрались до алтайского курорта Белокуриха. На поездах и пароходах, грузовиках и подводах они проехали 7750 километров. Год и три месяца в пути. Год и три месяца взрослого труда, ночёвок в теплушках и на голой земле, дежурств на крышах под разрывы бомб и в госпиталях, у постели раненых...

Лагерь разместился в двух корпусах санатория. Сразу началась учёба в школе: ребята сильно отстали, пришлось нагонять целый год. Летом к артековцам присоединились сибирские, дальневосточные дети. Отправляли тоже самых лучших и достойных. В лагере было 150 ребят «старого призыва» и столько же новеньких. Но традиции настоящего «Артека» остались те, что помогли выжить и выстоять.

12 января 1945 года в алтайском «Артеке» торжественно спустили флаг. Самая долгая и тяжёлая смена в истории лагеря закончилась.

* * *

15 апреля 1944 года бойцы Отдельной Приморской армии освободили «Артек» от фашистов. Баронесса Спенсер-Черчилль, президент «Фонда Красного Креста помощи России» и супруга премьер-министра Великобритании, во время визита в «Артек» подарила лагерю 40-местные армейские палатки. Их тут же разбили на сохранившихся фундаментах «Нижнего». В августе 1944 года «Артек» принял первую после оккупации смену – 300 детей крымских партизан.

РЕЦЕПТЫ ЖИЗНИ ПЕТРА НАБИРКИНА

Война вторглась в его жизнь сразу после окончания шестого класса. Пётр ещё был ребёнком, ему хотелось бегать по траве, ловить кузнечиков, играть в «войнушку» и прятаться с пацанами в подсолнухах. Но в одночасье пришлось повзрослеть. 2 ноября 1941 году в посёлок Ички (ныне пгт Советское) вошли немцы. Мальчишек они заставили равнять дороги. Грунтовка под дождём быстро превращалась в земляную кашу, и мальчишки всё время кирками её равняли.

– Немцы всё на мотоциклах ездили, нам казалось, что они вообще пешком не ходили. Гул всё время в ушах стоял, – говорит мне Пётр Георгиевич Набиркин. – У нас они позабирали всё, что было: зерно, скотину, птицу. На нас, малолетних, грязных, голодных, смотрели сверху с превосходством. Нашу работу проверяли придирчиво. Ходил тот фриц важно, в фуражке с задранной тульей, и шаблоном измерял. Если обнаруживал камни или неровности, то паёк нам не давал. А что за паёк – усы ячменя да шелуха от проса. Лошади и то это не ели.

Пётр Георгиевич родился в обычной семье. Его полудетский взгляд и ум оценивал ситуацию, может быть, обыденно:

– Мы были свидетелями происходящего и мало что могли изменить. Как-то по радио, уже будучи взрослым человеком, услышал передачу, в которой ведущий спрашивал у слушателей: «Что вы сделали для Родины?». Я задумался. И как бы ответил: ничего особенного. Случайно пробил голову сыну начальника немецкой полиции и помог нашему лётчику. Однажды с пацанами пришли на разрушенный маслозавод. Видим: начальник полиции с сыном идёт. На мальчонке шапка с длинными ушами. И я в эти уши взял да

и кинул кусок черепицы, а он ему в голову угодил. Страшно мне стало. За это убить могли, и я ушёл в самый конец села. Вижу полицей идёт, смекнул: за мной. Душа в пятки ушла, но я уже смирился: убьют так убьют. Поволокли меня за шиворот к начальнику. В его кабинете тот пацан стоит, и голова у него широким бинтом перемотана. У него спрашивают: как дело было? А он ответил, что я в другого целился, а в него рикошетом отлетело. Выходит, не выдал меня. Потом немцы между собой обмолвились парой фраз. Я понял, что они из деревни уходить собираются и тогда шлёпнут меня. Но я им на глаза не попался.

Первая запись в трудовой книжке Петра Набиркина обозначена маем 1949-го. Но мальчик начал трудиться гораздо раньше – в 1944-м, как только немцев изгнали из степного Крыма.

Война ещё не закончилась. Под Севастополем ещё рвались снаряды, залпы орудий сотрясали измученную землю. А в центре Крыма уже хлеб сеяли. 15-летний Пётр стал работать помощником комбайнёра. Другая жизнь, но недавнее прошлое всё вспоминалось.

«Припомнил осень 43-го. Фрицев с Кубани в Крым переправили. Моя мать попросила свою знакомую из Лоховки (деревня неподалёку от Ичков. – *Прим. С. М.*) взять меня к ним на время. Там я жил и помогал по хозяйству. Однажды с сыном хозяйки пошли за подсолнухами, вернее, за палками, которые от них остались после сбора урожая. Пришли на поле, а над ним туман висит, как молоко. Вдруг слышим гул самолёта, всё ближе и ближе. Разглядели, как неподалёку самолёт приземлился. Мы к нему подкрались поближе, может быть, немецкий, их тогда летало много. Но смотрим, на борту – красная звезда. Ух ты, мать честная, вот это да! Нам она тогда показалась такой большой, родной. Отвыкли

мы от неё, везде только свастика. Лётчик из кабины нас приметил и говорит: «Ребята, подсобите.

Колёса почистите». Он при посадке в пахоту угодил и завяз. Истребитель же не кукурузник, тяжёлый. Мы с другом кинулись руками грязь счищать. Мне всё какая-то деталь, похожая на зонтик, крыло поддерживающая, мешала. Но мы колёса очистили, и я говорю: «Дяденька, улетайте скорее, немцы кругом». Лётчик совсем молодой был, и он попросил: «За хвост держите машину, махну рукой – отпускайте». Ему нужен был разбег, а в рыхлом грунте не сильно разгонишься. Мы худыми мальчишескими руками поддерживали самолёт, и он взлетел и скрылся в тумане. Прибежали домой, радостные. А тётка строго-настрого приказала забыть, что произошло, иначе всю семью могли повесить или расстрелять. И мы молчали. Жалею, что не узнал ничего о судьбе этого лётчика. Надеюсь, может, кто-то из его родственников, если он об этом эпизоде им рассказывал, меня разыщут. Но вряд ли».

Три года Пётр Набиркин проработал помощником комбайнёра. Но документов подтверждающих не сохранилось, кроме одной записи о его работе в Желябовке. Но Пётр Георгиевич не огорчается. Трудовой стаж и так зашкаливает – более 45 лет. Юношей работал сварщиком, слесарем, мотористом, мастером-инструктором районного комитета ДОСААФ. В конце 60-х освоил специальность мастера-оптика и стал работать в симферопольском магазине оптики. 30 лет проработал в этой сфере. По его инициативе открылись отделения в Советском, Кировском и Нижнегорском районах. Благодаря ему людям не нужно было ездить за 100 с лишним километров в Симферополь, чтобы заказать очки.

Листаю его трудовую книжку. В ней множество благодарностей за отличную работу, запись о награждении знаком «Победитель социалистического соревнования 1974».

Рецепт семейного счастья

Супруги Набиркины уже отпраздновали бриллиантовую свадьбу. Администрация Советского района вручила им медаль «За любовь и верность».

В просторной комнате уютно и тепло. На стене фотография, на которой им чуть больше двадцати. Познакомились они под Новый год. Пётр зашёл в гости к другу, увидел его сестру и запал... Очень уж красивые косы у Галины были и голос мелодичный. «От других девушек отличалась душевностью и теплотой», – вспоминает ветеран.

Ухаживал Пётр красиво, насколько это было возможно. Конфеты дарил. Встречаться молодёжи тогда особо негде было, прогуливались возле железной дороги. После знакомства через полтора месяца расписались. «Родители торопили, – говорит Галина Матвеевна, – настаивали, чтобы мы до Великого поста в ЗАГСе побывали». «Неужто пост тогда держали?» «Пост, Пасху и Рождество свято чтили». Свадьбу сыграли, как принято.

Потихоньку быт наладили. Родились сын и дочь. Когда дети были маленькими, супруги много работали. Но именно эти годы Галина Матвеевна считает лучшими в их жизни. Дети пошли по стопам отца. Дочь до сих пор работает в оптике. Двое внуков отслужили в армии, окончили институты.

Над рецептом семейного благополучия Набиркины никогда не задумывались – всё сложилось само собой. Никогда не делили обязанности, уважали друг друга. Пётр Георгиевич недавно услышал фразу: «Семья – это те, кто сражается за тебя и за кого сражаешься ты» и говорит: «Вот и мы воюем до сих пор друг за друга».

Рецепт долголетия

Петру Георгиевичу исполнилось 90. Но его силы, воля и юмор заставляют собеседника думать, что ему не больше 70-ти. Он охотно делится рецептом долголетия – каждое утро зарядка, гантели, небольшой массаж и упражнение «Достать до колена бородой». Соседские мальчишки его дядей Петей кличут. Частенько просят, чтобы показал, как футбольным мячом «свечу» делать. Ветеран также советует ради здоровья не принимать проблемы близко к сердцу, ведь и так до инфаркта недалеко.

*Пётр Георгиевич и Галина Матвеевна
Набиркины*

Летом Пётр Георгиевич ходит на рыбалку к Северо-Крымскому каналу. Хотя рыбы уже совсем не осталось. Раньше рыбаки сетями сомов вытягивали, а сейчас лишь мелкие карасики попадаются. «Тяжело уже ходить становится, продукты

носить, да и с удочкой и снастями не побегаешь, всё-таки годы своё берут», – говорит он. Мечтает раздобыть велосипед с тремя колёсами, чтобы и продукты возить, и на рыбалку ездить.

16 лет назад коллектив Советского РТП ходатайствовал о награждении его медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», поскольку с 1944 по 1946 годы, будучи несовершеннолетним, работал в Ичкинской МТС (ныне Советское РТП) помощником комбайнёра и учеником слесаря. Но ходатайство так и пролежало все эти годы под сукном в чьём-то кабинете. Не время ли вспомнить об этом представлении?

ТЕТРАДКА ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Мне доверили просмотреть жёлтые тетрадные листки, сложенные пополам и аккуратно сшитые нитками. Обложка тетрадки так выцвела, что еле угадываются изображённые на ней тюльпаны. В тетрадь занесены стихотворения, отражающие переживания юной **Тамары Осиповой** в 1945–1946 годах. В их числе – «Ты же можешь шутить и смеяться, я не встречусь уж больше с тобой, и хоть буду в тоске я метаться, я не встречусь уж больше с тобой. 24.1.1945 г.» Сохранился лишь этот лирический дневник, другие, к сожалению, потерялись. Тонким аккуратным почерком выведены процитированные строки. Когда была сделана эта запись, до Победы оставалось ещё четыре месяца.

...Тамара не видела войну вблизи. Лишь однажды в 1942-м, когда их деревня Красный Яр (в Астраханской области) ночью подверглась бомбёжке. 13-летняя Тамара быстро одела троих детей и, взяв младшего на руки, побежала с ними в укрытие.

Без матери Тамара осталась рано, в три года. В 1934-м арестовали отца. Девочка жила в семье его брата Якова до тех пор, пока отец не вернулся. Он поступил на работу экономистом в хозяйстве, разводившем рыбу.

Тамара вспоминает 1940-й как самый счастливый в её детстве. Отец ещё до войны окончил педагогический институт, получил диплом преподавателя математики. Он помогал ей готовить уроки. Возможно, поэтому точные науки ей давались легко. В мае после окончания 5-го класса детвору отпустили на каникулы. А они стали грозовыми – началась война. Правда, она шла далеко, и не было никаких плохих предчувствий, а, возможно, их заглушал запах степных трав. К концу лета к ним добавился запах высушенного сена и поспевающих яблок. Отца

вот-вот должны были призвать в армию. И Тамара вновь осталась бы одна. В Красном Яру был детдом, но девочка умоляла не оставлять её там. 31 августа отец отправился на фронт.

– Меня определили к знакомой. У неё, правда, было своих троих детей. Ежемесячно за меня ей давали 100 рублей. На службе тётя Люда получала ещё 300. На это мы и жили. Помню её маленькой, сухенькой, но лёгкой, подвижной и очень сильной духом. Она часто дежурила по ночам, и мы оставались одни. Ко мне в семье хорошо относились. И я ходила в школу, учиться любила, помогала, как могла, хозяйке дома, – припоминает то время Тамара Кирилловна.

1 сентября 1941-го Тамара пошла в 6-й класс. Из старых прошлогодних тетрадок вынула чистые листки, сложила и аккуратно сшила. Привычка не оставлять чистые листы в тетрадях сохранилась у неё до нынешних дней.

– Писать старались мелко-мелко, чтобы листиков надольше хватило. Одну такую тетрадку отвела для понравившихся цитат из книг и стихотворений. Много читала, брала книги в библиотеке. Они отвлекали от тяжёлых дум, – продолжала свой рассказ Тамара Кирилловна.

Жизнь была суровой и голодной:

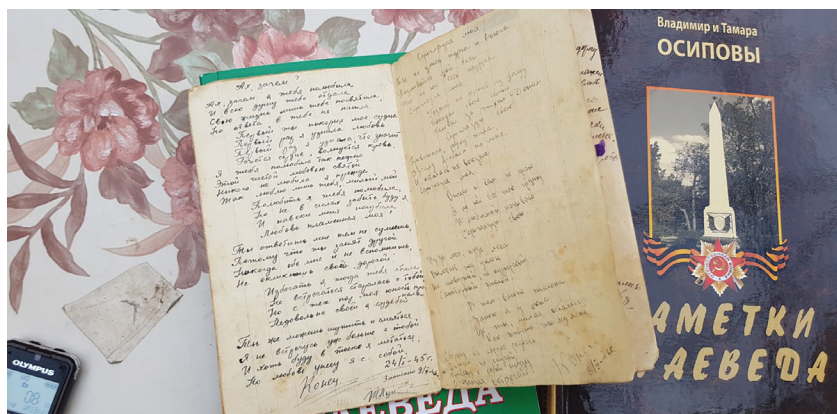
– На каждую детскую карточку тёте Любе выдавали немного муки, из которой она готовила суп-затирушку. Когда муки оставалось совсем немного, она ею забеливала воду, которой мы запивали выданный каждому из нас маленький кусочек хлеба. Получив очередной паёк, она лепила из муки клёцки. Это был праздник для наших желудков. В начале войны хлеба выдавали по 400 граммов, а в 1943 году лишь по 200. Огородов в селе не было. Оно стояло на песках, на которых ничего не росло. Летом была жара сумасшедшая. И было так радостно, когда на рынок из Казахстана на верблюдах привозили молоко, и мы его покупали. Его добавляли в суп, заправленный неким подобием вермишели, нарезанной из раскатанного теста.

Голод и тоску заглушали письма отца. Но в 1943-м они перестали приходить. Отец погиб.

Каждое лето с 1942 года Тамарин класс вывозили на работу в поля. Они выпалывали траву на хлебных полях.

– Мы старались полоть так, чтобы посевы были ровными, как под линейку. И цапками, и руками выдирали пырей и осоку. Понимали, что хлеб нужен фронту. Работали практически всё лето. Утром вставали чуть свет и сразу в поле. До 10 утра работали, пока не начинало печь солнце. Тогда прятались в палатки и до четырёх вечера пережидали жару, и снова на поле, где трудились до темноты. Из колхоза нам привозили обрат – молоко, с которого были сняты сливки и извлечён весь жир. Кормили нас также рисовой кашей. Дежурные ребята накрывали в начальной школе столы. Пообедав, мы там и отдыхали.

Самое страшное воспоминание Тамары из 1944-го года. Она заболела малярией и несколько дней находилась между жизнью и смертью. В это время от неё не отходила тётя Люба.

Лекарств не было, но организм боролся и победил недуг. Вскоре брат отца прислал вызов в город Мичуринск и деньги на проезд. 15-летняя Тамар села в поезд, где ночью

пережила последний приступ малярии, который, как только остались позади озёра Эльтон и Баскунчак, прекратился.

– Мне многие советовали перебраться в другое место, и тогда, мол, болезнь сразу отступит. Так и вышло. – говорит Тамара Осипова.

Она ехала и мечтала, что всё в её жизни наконец наладится.

В Мичуринске прожила 9 лет в семье дяди Якова, которого Тамара почитала отцом, а его жену Татьяну – матерью. Потом она училась в педагогическом институте и в 1954-м приехала в Старый Крым преподавать математику в школе. Тут она встретила Владимира Осипова, ставшего её мужем. Пошли дети. Её работа в школе была высоко оценена – званием «Заслуженный учитель УССР», орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд» и другие наградами.

Вместе с мужем она создавала школьный музей, работала над книгой «Заметки краеведа». С мужем в кругу близких и друзей отпраздновали золотую, бриллиантовую и сапфировую свадьбы.

Тетрадку из её военного детства я дочитала. На завершающем её листочке написано: «На последней странице альбома оставляю я память свою, чтобы милая девочка Тома не забыла подругу свою. От Нины Тамаре. 1946 г». Как далёк в прожитой жизни тот год, и как близок он в памяти!

**«СЕГОДНЯ ДЕНЬ ГИБЕЛИ
ЛЮБОЧКИ ОЗЕРОВОЙ...
И СО МНОЙ ТАКОЕ МОГЛО БЫТЬ»**

1 июня – Международный день защиты детей. Его отмечают с 1950 года, а решение о нём принято Международной демократической федерацией женщин на специальной сессии. Участниц её беспокоила судьба сирот, оставшихся без родителей и крова после Второй мировой войны. Многие из них обитали в подвалах, попрошайничали или воровали. Умирали от голода и болезней. Дожившие до наших дней дети войны помнят бомбёжки, лишения, смерть близких, что такое голод и как сладок кусок простого колотого сахара.

Вот отрывки из дневников погибших ребят, написанные в годы Великой Отечественной войны, а также воспоминания живых свидетелей. Для чего мы обращаемся к событиям страшных военных лет? Чтобы вы острее почувствовали, как хрупок мир и уязвим перед молохом смерти ребёнок. Он особенно нуждается в защите.

В фондах музея истории Симферополя хранятся бесценные документы – два альбома с воспоминаниями воспитанников и директора симферопольского детского дома №1 Сары Адольфовны Тойен.

– Эти материалы в 2014 году нашему музею передала в дар её дочь Раиса Рустемовна Консул, проживающая сейчас в Израиле. Ребята и их наставники подверглись тяжёлым испытаниям во время эвакуации сначала в Краснодарский край, а затем через Кавказ и Каспийское море в Узбекистан, в город Ташкент. Там их учреждению дали новое название – «Школьный детский дом №7». Оно и осталось на обложке рукописного альбома с тонкой вышивкой «Наша са-

модельность и творчество», – рассказала директор музея Ирина Вдовиченко.

В первом альбоме на пожелтевших страницах аккуратным почерком изложена история, как дети и взрослые убегали от войны. Это своего рода отчёт директора и заместителя об эвакуации. Прочитую несколько отрывков.

«Посвящаем наш альбом самодеятельности дорогим нашим, погибшим от рук фашизма: тихой Симуле Берман, щебетунье Любочке Озеровой, невинной крошке Неле Консул-Темен, Танечке Надежиной, полной сил Изабелле Павловне Абрамовой, бабушке Аграновой, усталой Зоечке Ключниковой, Феде Лукину, Розочке Мельник, Гнатовской Неле.

Ненависть к врагу – вечная память любимым!..

...Прорыв линии фронта врагом заставил нас вновь эвакуироваться – в третий раз... По пути на Майкоп мы были свидетелями, как фашистские стервятники бомбили переправу через

реку Кубань в станице Усть-Лабинская. В семи километрах от Майкопа д/дом остановился на хуторе Грушовка, чтобы накормить детей и дать им возможность немного отдохнуть. В это время над Грушовкой разыгрался воздушный бой фашистских самолётов с нашим краснокрылым истребителем. Детей мы укрыли в кусты, т. к. они могли быть ранеными или убитыми осколками зениток. В шесть часов вечера, когда мы уже должны были тронуться в путь на Майкоп, нас встретил военный лётчик, который предложил нам немедленно возвратиться обратно, указав маршрут на Белореченскую. В Майкоп был спущен фашистский десант, и путь, таким образом, был отрезан (об этом мы узнали позже). Лётчик, который вовремя указал правильный путь (фамилии его не знаем), спас жизнь 200 детей и взрослых. Обратный путь (37 км) в ночных условиях для усталых детей с 8 до 14 лет был нелёгким. Однако мы тогда не шли, а мчались. Одна была цель – уйти от немца.

Не доходя до Белореченской за 10–15 км, мы видели грандиозное безмолвное пожарище. Это горели объекты, подожжённые нашими бойцами, чтобы не достались врагу наши нефтебазы, элеваторы, заводы. Мы шли прямо на это пожарище. В ночной темноте оно было жутким.

Дети, закутавшись в одеяла, шли безмолвно, спокойно, направляя все свои силы прямо к этой огненной массе. Наконец, с большими трудностями добрались до долгожданной переправы через реку Белую. Нужно было пропустить части Красной Армии и последними пройти длинный мост. Это было уже к утру. Рассветало. Ровно через час после нашей переправы мост был взорван нашими бойцами. Дети и работники от бессонной, полной тревоги ночи нуждались в отдыхе и подкреплении, а есть было нечего. Весь коллектив принял решение отдать свои небольшие запасы сухарей, чтобы поддержать детей. Каждый из нас добросовестно отдал детям сухари до последней крошки, и таким образом «накормили» детей.

Нам предстоял путь не менее серьёзный: переход через Кавказский (Шаумянский. – *Ред.*) перевал. Путь был трудный. Подъёмы и спуски были крутые и опасные для наших детей и подвод. Красоты природы перевала: скалистые горы в 5–6–7 этажей, красивые зелёные поляны, ароматный воздух не привлекали нашего внимания. Кавказский перевал мы миновали благополучно, хотя и с большими трудностями. Предстоял не менее трудный и серьёзный путь через горящие нефтяные промыслы Хадыженской. Над нашими головами беспрерывно летали фашистские стервятники, по ним били наши зенитки. Через каждые 10 шагов мы укрывали детей в лесу.

С момента выхода из станицы прошло уже 2 недели. В ночь с 13/VII на 14/ VII мы остановились на очередной полянке, недалеко от шоссейной дороги, так как дальше идти не могли из-за темноты и усталости. Утром 14/VII 42 года в 5 часов 0 минут был организован подъём, и часть детей вместе с пионервожатой тронулись в путь. В это время из-за горы в воздух поднялись 4 фашистских самолёта, один из

них спустился над нашей поляной и сбросил 4 бомбы. Навсегда останется в памяти ужасное зрелище и трагическое сознание, что бомбы сброшены на детей. От разрыва бомб вся поляна покрылась дымом и пылью. Когда этот туман рассеялся, мы обнаружили гибель наших воспитанниц... В ответ на бомбёжку раздались могучие залпы «Катюши», которая била по передовым позициям врага, уничтожая его живую силу и технику. Бойцы предложили нам немедленно покинуть поляну, чтобы не было больше жертв. Скрепя сердце и с болью душевной, мы вынуждены были оставить поляну с ещё не остывшими трупами дорогих нам детей во имя спасения жизни оставшихся.

По шоссейной дороге идти нельзя было, т. к. начался непрерывный воздушный бой. Мы вынуждены были спуститься по очень крутому склону на разрушенный железнодорожный путь, скрытый в кустарниках. В этот день мы с детьми совершили 25-км-й бросок вперёд, убегая от врага и бомбёжки. Мы прошли через горящий состав вагонов и цистерн. Во время этого перехода 25–30 раз укрывались с детьми от фашистских самолётов. Все работники думали только об одном, чтобы не было больше жертв. В 40–45 км от Туапсе, в Георгиевском районе, мы сделали очередной привал и расположились в дремучем лесу, там нас застали проливные дожди. Дети и работники, промокшие до костей, спали на сырой земле. Однако ни дети, ни взрослые не падали духом, не ныли, живя верой в то, что мы уйдём от врага.

Пройдя пешком свыше 500 км, дети и работники устали, переутомились и дальше двигаться пешком были уже не в состоянии. Нужно было проявить большую настойчивость и инициативу, чтобы добиться военных машин для переброски детей вперёд. Из Георгиевского района дети отдельными группами со своими воспитателями двинулись к Красному хутору.

Кончился «лесной» период с питанием дикой кислицей и орехами. Мы в 19-ти км от Туапсе. Ночь, которую мы провели в Красном хуторе, останется в нашей памяти на долгие годы. В эту ночь над нами с горы пронёсся горящий фашистский самолёт и с диким рёвом упал над нашей стоянкой у подножия горы. «Мессершмидт» горел всю ночь и освещал весь хутор, детский обоз и детей. Это была кошмарная ночь: шёл непрерывный дождь, дети не спали, наблюдая жуткую картину. Наутро нужно было двигаться дальше, т. к. Туапсе можно было проскочить только ночью, чтобы не попасть опять под бомбёжку. Целый день ждали автомашины. Наконец в восемь часов вечера пришла автоколонна, идущая по-рожняком. Комиссар согласился перебросить нас за Туапсе на 15 машинах. Комиссару этому мы очень благодарны. Благодаря ему наши дети были переброшены на 60 км за Туапсе...

...Мелькают названия остановок. В помутневшем от усталости сознании плохо усваивается порядок их. В нём остаются самые острые, самые тяжёлые этапы пройденного пути. По пыльной дороге, в изнурительной жаре, в невероятном смешении разных звуков: грохота грузовиков, скрипа передвигаемых орудий всякого типа, скрипа немазанных повозок, ругани, просьб и пр. мы подъезжаем к какой-то новой остановке. «Хадзыженская», «Курильская» – передаётся от одного к другому. Собственно всем всё равно, какая, но новое название будто ободряет усталых. По улицам недаром прикреплены аншлаги: «Не устраивайте пробок», «Проезжайте быстрее!» – всё пространство, видимое простым глазом, представляет собой какой-то запутанный узел лошадей, машин, красноармейцев, детей, стариков, стад, какого-то скарба... Одно движется куда-то вперёд, другое – куда-то назад. Вечер. Золотистые пыльные сумерки быстро превращаются в темноту. Дорога, кюветы, тротуары – всё запружено. Мы движемся по инерции. Какая-то площадка. Хочется вырваться из подвижной

гущи. Бойцы предупреждают: «Вчера бомбил. Проезжайте дальше». В темноте подводы и людские группы сливаются в уличную пробку. Группа ребят, попав в ближайший кювет, валится от усталости и засыпает чуть ли не стоя в самых причудливых положениях. В темноте скрываются очертания ближайших предметов. Только слышны ржание, мычание, плач, брань, скрип... Кто-то на кого-то налетает, разъединяясь, снова с кем-то сталкивается. То и дело будишь: «Любочка, подвинься, лошадь растопчет», «Таня, ну отодвинься, проснись!»

Всё напрасно: дети как одеревенелые трупы. Где кто – неизвестно ... Всеми силами поднимаю детей, но они снова падают в кювет, кого-то схватила за руку, кого-то ухватила за локоть, кому-то даю подол платья, пояс и таким образом направляюсь искать площадку, где якобы остановились наши. «Рахиль Израилевна, я не могу идти, оставьте меня здесь. Я дальше не могу», – жалуется Любочка Озерова. Как могу, успокаиваю. Она, спотыкаясь, шлёпает маленькими ножками и, тихо плача, продолжает: «Я не могу, оставьте». Наконец, недалеко от своих подвод и какого-то стада, мы сваливаемся.

Раннее утро, все на ногах и готовы к выходу. «Пикирует, бомбит!». «Где? Все ли здесь?».

Бегу к месту налёта. На пути лежит с успокоенным лицом старушка Агранова, немного поодаль Симуля. На бледном лице длинные тени ресниц. Таня, Белочка Абрамова, Любочка Озерова – маленькая весёлая крошка. Около лежит узелочек с твоим достоянием: частый гребешок, пара ленточек, немного ниток и игла. Вот имущество, которое Любочка берегла в пути пыльном, утомительном и страшном, надеясь на жизнь. Вечная вам память, родные!

Р. И. Ключевич, воспитательница детского дома».

О погибших при бомбёжке по дороге в Туапсе в 1942 году воспитанниках и сотрудниках детского дома вспоминают и сами дети.

«Я всегда буду помнить этот день!

Сегодня год, как ранили маму и погибли наши подруги. Я не могу много об этом писать, но я всегда буду помнить этот день. Это было так: 9 июля 1941 года мы выходили из станции Старая Леушковка. У всех была одна мысль: спасти свою жизнь. Мы шли пешком. Вещи наши везли. Вozy ломались и отставали. Над нами летали вражеские самолёты, бахали наши зенитки. Нам было трудно. И хорошо, что Красная Армия нам здорово помогала. 1 августа мы остановились в Курильской, на площадке. На этой полянке, между деревьями стояла наша «Катюша». На рассвете... упали бомбы. От них и была ранена моя мама и убиты подруги. Разве можно это забыть? Никогда не перестану ненавидеть фашистов!

Алла Подберецкая, 12 лет, д\д 7, 14 августа 1943 г.».

«Мы выехали из Симферополя в Краснодарский край. Поездка была ночью. Было очень темно, не было света, т. к. все детские дома грузились, уезжая из Крыма, и боялись бомбёжки. Темноту увеличивал большой дождь. Он лил целый день, весь вечер, до утра. Со мной были бабушка и мама. Мне было хорошо. Я тогда не понимала. Мы думали, что скоро вернёмся. А потом уходили опять от врага из Краснодарского края. Мы шли пешком и много страшного я видела. Сегодня день гибели Любы Озеровой, Симули Берман, Тани Надежиной. Ведь и со мной так могло быть! Теперь я всё понимаю, и мне очень больно.

Инга Клеблеева. 11 лет, д\д 7, 14 авг. 1943 г.».

ТАШКЕНТСКИЙ ВОКЗАЛ

Представьте себе Ташкентский вокзал поздней осенью 1941 года. Тесный, мощённый булыжником пятак, со всех сторон зажатый приземистыми постройками, отгороженный от перрона частоколом толстых железных прутьев. Ещё месяца полтора-два назад он не казался таким пугающе мрачным, суровым. Наоборот: всё здесь играло яркими красками юга – цветы в палисадниках, зелёные купы деревьев над красной жостью домов, фонари на старинных столбах с чугунным узором. Тихо, только трамвай завизжит на разворотном кольце, звякнет колокол на перроне, и снова по-домашнему уютно, покойно, дремотно.

В первую военную осень здесь было по-иному. Каждые полчаса-час привокзальная площадь вбирает всё новые и новые потоки эвакуированных – старики, женщины, дети. Не

только на площади, а в сквериках, на прилегающих улицах уже не то чтобы сесть – стоять негде. Люди с узлами, корзинами, сумками расположились на тротуарах, мостовой, в палисадниках, теперь вытоптанных. Позднее осеннее небо сыплет на их головы мокрые хлопья. Ночью, при полном затемнении, – ни огонька, ни светящейся точки. Серая шевелящаяся масса, чёрные контуры оголённых деревьев...

Каждый день по указанию местных властей сотни эвакуированных отправляют в город, где для них уже приготовлено жильё. Другие разъезжаются по районам. А к ночи площадь снова полна. Эвакопункт не успевает справляться с этой лавиной. И самое трудное – дети: один потерялся в дороге, другой отстал от детсадика, третий и сам объяснить не сумеет, откуда приехал, как очутился на Ташкентском вокзале.

– Детей нужно спасать. В первую очередь! – говорит работникам Наркомпроса республики первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов.

25 ноября был издан приказ наркомата просвещения Узбекской ССР, по которому на вокзале создавался центральный детский эвакопункт во главе с Н. П. Крафт.

«Обязать т. Крафт, – говорилось в приказе, – установить круглосуточную работу центрального детского эвакопункта, распределив дежурства между указанными выше сотрудниками эвакопункта, привлекая для дежурства в помощь штатным сотрудникам детского эвакопункта лучших директоров детдомов».

Сейчас невозможно установить, кто из ташкентских учителей, врачей, воспитателей пришёл первым на привокзальную площадь. Пришёл ли сам по себе, по велению собственной совести, или же выполняя официальный приказ, резолюцию какого-то митинга. Известно, однако, что уже в октябре в зале № 6, где размещался «взрослый» эвакопункт, появились педагоги, воспитатели детских домов и садов, врачи-педиатры. Сменяя друг друга, они круглые сутки выходили

встречать эшелоны, совершали обход привокзальной площади, чтоб не пропал, не затерялся в этом бурлящем потоке ни один оказавшийся без надзора ребёнок. Детей приводили в зал № 6, а утром отправляли в детдом № 18.

Драматичные, тревожные сводки Совинформбюро осени сорок первого года: наши войска оставили Киев, Харьков, Смоленск, блокирован Ленинград, ведутся бои на подступах к Москве. И как отзвук – новые потоки эвакуированных, а среди них – дети, дети, дети...

К середине ноября стало понятно, что теми средствами, которыми велась работа дотоле, проблему спасения одиноких детей не решить. Вот тогда и появился приказ об организации на вокзале специального детского эвакуопункта и назначении его заведующей заместителя начальника управления детдомов Наркомпроса Наталии Павловны Крафт. ЦДЭП открылся на второй день после приказа.

Диву даёшься: как можно было за двадцать четыре часа всё наладить, собрать, подготовить? Объяснение, говорят участники этого аврала, только одно: всякий причастный к открытию эвакуопункта без принуждений, напоминаний сделал всё, что должен был сделать, и сверх того – что сам, без приказа, придумал, нашёл.

По распоряжению начальника Ташкентского вокзала освободили помещение одной из товарных контор, примыкавших к залу № 6. Это было сделано в течение часа служащими этой конторы. Помещение убрали, продезинфицировали, приспособили для приёма детей. Никто не смог отказать Наталии Павловне ни в одной просьбе.

К утру у касс и справочных бюро, на стенах хлебных ларьков и киосков, на кипятильниках и баках с водой, на всех дверях и чуть не на каждой стенке вокзала и площади висели яркие указатели с крупными буквами: «Детский эвакуопункт». Это постарались ташкентские школьники. По договорённости с вокзальной администрацией радиоузел, рабо-

тавший круглые сутки, через каждые 15–20 минут повторял объявление: «Детей, потерявших родителей или сопровождающих, отставших от группы, просим зайти в детский эвакуационный пункт, который находится на вокзале, рядом с залом № 6».

Здесь за столом, покрытым старенькой домашней скатертью, сидела женщина-регистратор. По телефону из диспетчерской железной дороги её предупреждали о прибытии эшелона с детьми. Их ждал натопленный зал, аккуратно застеленные кровати.

В первую же ночь в эвакуационном пункте появились председатель Президиума Верховного Совета республики, узбекский староста, как его называли в народе, Юлдаш Ахунбабаев и первый секретарь Ташкентского горкома партии Сергей Константинович Емцов. Здесь же, на месте, решались трудные вопросы снабжения ЦДЭПа продуктами, выделения для него постоянной машины, средств на приобретение детской одежды.

Каждую ночь Емцов бывал на эвакуационном пункте. Очень часто приезжал и Ахунбабаев. Сначала тихо, осторожно ступая, пройдёт меж рядами спящих ребят, зайдёт в изолятор, постоит над кроватками самых маленьких, подоткнёт одеяло, поправит подушку и только потом начнётся деловой разговор.

Прибывали эшелоны, как правило, ночью. Звонок из диспетчерской: «Из Арыси вышел поезд №... В четвёртом, седьмом, девятом вагонах – дети. Прибытие в Ташкент – 2 часа 40 минут на второй путь». Или: «Поезд из Урсатьевской прибывает в 5 часов 15 минут на седьмой путь. В эшелоне имеются дети». И тогда на перрон выходила бригада – с носилками, аптечкой, детской одеждой. С тревогой вглядывались в медленно ползущий паровоз.

– У каждого из тех, кто находился в этих вагонах, была уже своя тяжёлая, а порой и трагическая судьба, – рассказывала впоследствии Наталия Павловна. – Но что удивляло: на первый взгляд все они выглядели одинаково – испуганными, измученными, молчаливыми и малоподвижными.

На этом сером, жутко сером фоне помнятся и видятся только ребячьи глаза – полные ужаса, горя, усталости и... надежды. Их не описать, не забыть.

Кто-нибудь из встречающих первым поднимался в вагон и как можно более бодрым голосом говорил:

– Здравствуйте, дети! С приездом! Кто хочет каши – выходи. Вещи с собой.

Эти слова обладали магической силой. Дети – те, что могли, кто держался ещё на ногах, – сыпались из теплушки.

Взяли за правило: первым делом вести ребят в баню. Но потом сами не выдержали – уж очень голодными были дети. Прямо от вагонов вели их в столовую. Дежурный врач предупреждал, чтобы не обкормили детей, неделями не видевших горячего: «Перекормите – погубите!»

Мария Кузьминична Дианова, одна из тех, кому администрация доверила прибывающих на Ташкентский вокзал детей и подростков, до сих пор утверждает, что большего горя и радости, выше, чем в те военные дни, испытать ей уже не довелось никогда. Горя – при виде этих голодных, истощённых, полуживых малышей. Радости – оттого, что вместе с другими могла их согреть, обласкать.

А за теми, кто не мог выбраться из теплушек, приходили с носилками. На машине их развозили по детским больницам.

Полчаса отводилось на кормление детей в железнодорожной столовой. Через полчаса ровно нужно было оторвать их от стола, выстроить парами и вести на улицу Полторацкого в баню и спецпропускник.

Заботливые женские руки помогали малышам раздеться, связать в узелок одежду, вложить записку с фамилией. Ребятишек стригли, мыли и одевали. Сколько же рук требовалось для этого – ведь весь штат эвакупункта состоял поначалу из пяти, затем из четырнадцати человек! Но такой вопрос перед ЦДЭПом не вставал. Женотделы райкомов партии, партийные и комсомольские организации заводов, институтов и школ, райздравотделы и поликлиники слали на вокзал своих представителей. Сначала слали, а потом эти люди уже не могли не приходить сюда.

Так остались здесь работать Валя Муштакова, обладавшая каким-то удивительным даром располагать к себе ребячьи сердца, её подруга студентка Тася Шпигель, молодой биолог Вера Федулова, учитель Николай Григорьевич Беляев, библиотекарь из Минска Софья Гуревич, педагог Елизавета Прохоровна Жигула и десятки, сотни других добровольцев.

Нет, это было не просто. Дети, неделями находившиеся в дороге, были завшивлены, свирепствовали тиф, дизентерия, кожные болезни. А ведь у многих выходивших каждый вечер на перрон были свои дети, которых они могли заразить. Восемь работниц эвакупункта, нёсших эту вахту добра, заболели сыпняком. Несколько человек – дизентерией.

«В 1941 году я работала учительницей начальных классов в школе № 50, – вспоминала ташкентская пенсионерка В. М. Евстигнеева. – Однажды меня вызвал к себе директор и предложил пойти дежурным воспитателем в только что созданный на Ташкентском вокзале детский эвакупункт. Я, не раздумывая, согласилась. Трудно было без слёз смотреть на маленькие, обтянутые кожей скелетики, изъеденные вшами головки. Дети, с которыми я там работала, наверно, помнят

меня – тётя Вера. Но работать там пришлось мне недолго: как и большинство сотрудников ЦДЭПа, заболела сыпным тифом. После больницы меня перевели на инвалидность».

Многие и после болезни вернулись на эвакуопункт. Но не все. Погибли любимица ребят Валя Муштакова, сторож эвакуопункта Курбатов, завхоз Люба Гукасова... Их хоронили без воинских почестей. Но каждый, кто стоял над могилой, понимал: хоронят солдат.

И так же, как на фронте, на смену павшим вставляли новые бойцы.

Много хлопот доставляла дежурным детская обувь... Ребятишки иногда по нескольку дней, а то и недель дороги не разувались. Одни – чтоб ботинки, сапожки не пропали, другие – по неумению. И теперь обнаруживались признаки обморожения или, того хуже, гангрены. Путь из бани в эвакуопункт бывал ещё трудней. Отяжелевшие от непривычно сытного обеда, разморённые теплом, дети до того ослабевали, что передвигаться самостоятельно уже не могли. Приходилось нести их на руках.

В эвакуопункте каждого регистрировали в специальном журнале учёта (а это бывало подчас сопряжено с немалыми трудностями: малыш не мог ничего сообщить о себе – ни возраста, ни фамилии, ни места, откуда приехал). Записав на бумажке пункт назначения, ребятам постарше давали её в руки, малышам – совали в карман или пришпиливали к левому плечу. После этого дети могли уснуть. Засыпали они мгновенно, быть может, впервые за несколько месяцев сном спокойным и сладким: под потолком горела самая настоящая лампочка, напоминающая дом, в желудке не было привычного чувства голода, а главное – им сказали, что больше нечего бояться бомбёжек и утром их снова покормят.

Дежурные воспитатели обходили зал, готовились к утру. Раиса Львовна Верник резала хлеб (этим в течение многих месяцев занималась только она – знак самого высокого и полно-

го доверия). Ответственный дежурный по спискам разбивал ребят на отдельные группы, которые завтра в соответствии с разнарядками отправятся к месту своего нового жительства. Подростки старше четырнадцати лет – в ремесленные и железнодорожные училища, на предприятия и в колхозы, дети школьного возраста – в детдома Ташкента и других городов Узбекистана. Самые маленькие оставались в Ташкенте.

Евгения Валерьяновна Рачинская, заместитель наркома просвещения республики, – её организаторскому таланту, доброму сердцу обязаны спасением многие тысячи детей и подростков, эвакуированных в Узбекистан из прифронтовой полосы, – впоследствии вспоминала:

– В 1942 году на территории нашей республики и поблизости скопилось сразу несколько эшелонов с детдомами, эвакуированными из центральной полосы России и с Украины. Один из них, направлявшийся в Барнаул, уже несколько дней стоял в Арыси, другой, следовавший в Ош, застрял в Андижане: станции назначения не принимали. Узнав об этом, Усман Юсупов срочно вызвал меня в ЦК и сказал: «Принимайте и устраивайте в наши детдома всех детей без отказа. Открывайте новые детдома. Можете использовать для этого все пригодные помещения: колхозные клубы, красные чайханы, интернаты. Если понадобится, отдадим детям здания правлений колхозов. Ни один прибывший к нам в республику ребёнок не должен остаться неустроенным. Если вы видите, что дети истощены дорогой, оставляйте эшелоны в Ташкенте, даже те, что направлялись в другие республики. Узбекистан примет, устроит, воспитает и обучит всех».

Эшелон с дошкольными детдомами повернули из Арыси в Ташкент, и двести семь его малолетних пассажиров на все годы войны стали воспитанниками детдома № 2 Калининского района Ташкентской области.

«Самарканд», «Фергана», «Карши», «Наманган» или «Бухара», «Андижан», «Ургенч», «Коканд» – таблички с этими

обозначениями висели к утру на дверях эвакуационного пункта. Ответственный дежурный, связавшись с диспетчером железной дороги, обычно знал, на какие пути будут поданы поезда для детей, а диспетчеру было известно, сколько детей отбывает в том или ином направлении. Согласованность в действиях давала возможность избежать суеты и неразберихи.

За час до отправления составов дежурная будила детей:

– Ребята! Сейчас вам выдадут хлеб, и вы поедете дальше. Посмотрите свои записки и идите к той двери, над которой написано «Самарканд». У кого «Бухара» – к двери «Бухара». Скоро вы будете в своём новом доме. Устройтесь, приведёте себя в порядок, а потом – в школу.

В этот момент в зале обычно становилось суматошно и шумно. Одни шли налево, другие протискивались в обратную сторону. Дети, вчера ещё все одинаково вялые, угрюмые, молчаливые, вдруг оживлялись, у каждого проявлялся характер, кто-то даже начинал озорничать.

– Тётя, а Бухара – это где Насреддин? – спрашивал мальчишка.

А девочка, совсем ещё кроха, огорчённо вздыхала:

– В школу не пустят меня – учебников нет. Всю дорогу везла, а потом вместе с мамой потерялись куда-то.

Мальчик пяти-шести лет тянул за рукав воспитательницу, подставив ей плечо с приколотой запиской:

– А что у меня тут написано – в какую мне дверь, тётя?

Построившись парами, дети направлялись к вагонам. Проводницы доставляли детей до станции назначения и под расписку, по строгому счёту передавали состав работникам областных или городских отделов народного образования, директорам и воспитателям детдомов. За многие месяцы, что велась эта работа, не было ни единого случая утери ребёнка в дороге.

За теми, кто оставался в Ташкенте, приходили машины. Женщины, добровольные помощницы сотрудников ЦДЭПа, расходились – кто домой, кто по своим хозяйским

делам, а кто и на службу. Но случалось, что кто-то забирал с собой и малыша:

– Слабенький очень. Не выдержит. У меня трое постарше. А где трое, там и четвёртый прокормится.

Многих разбирали ташкентцы. Бывали ночи, когда за детьми выстраивались очереди. Выбирали не самых красивых, приглядных – нет, самых слабых, больных, истощённых.

К утру помещение эвакупункта пустело. Разошлись добровольцы. Но не все – иные остались. Вместе с сотрудницами, заступившими на новую смену, с теми, кто прислан сегодня женотделами райкомов партии, райкомами комсомола, кто пришёл с предприятий, из институтов и школ, они будут чистить, дезинфицировать, мыть, стирать и гладить, чтобы принять новую партию эвакуированных детей. И так изо дня в день, каждую ночь.

Ребёнок находился на эвакупункте не более суток. Нарушение правила было чревато многими бедами. Значит, к утру 150–200 детей, а в самое тяжёлое время 400–500 должны быть приняты, накормлены, пострижены, помыты и переодеты, подвергнуты медицинскому осмотру, зарегистрированы, распределены и отправлены из эвакупункта к месту жительства. Одна цифра: к концу 1942 года в регистрационной книге эвакупункта появился порядковый номер 47000. Это только детей-одиночек. К ним нужно прибавить эвакуированные 84 детдома, детсада, интерната, школы, тоже попадавшие под опеку ташкентцев. Таков масштаб деятельности ЦДЭП. Да, это был титанический труд.

Обычно директора, воспитатели с гордостью показывают письма бывших воспитанников – сердечные, исповедальные, благодарственные. Что ж, это действительно лучшая оценка того, что сделали для них детдома.

В архивах ЦДЭПа таких писем немного: за несколько часов, проведённых на эвакупункте, дети не успевали запомнить тех, кто их встречал. Но одно всё же приведу:

«Я один из тех сотен тысяч ребят, что прошли через детский эвакуопункт на Ташкентском вокзале. Шёл конец ноября 1941 года. Немецко-фашистские войска рвались к Северному Кавказу, где временно находился и я в детском доме в станице Казанской Краснодарского края. После взятия Ростова-на-Дону над Кавказом нависла угроза оккупации, и мне пришлось в одиночку пробираться в глубь страны. Мне тогда шёл четырнадцатый год. С большим трудом я добрался до Баку, а от туда на теплоходе «Москва» пересёк Каспийское море и через несколько дней оказался на перроне Ташкентского вокзала. Ко мне подошла какая-то женщина, спросила, кто я, откуда и куда еду. Затем она отвела меня в одноэтажное здание, находившееся на привокзальной площади, в котором помещался центральный детский эвакуопункт. Там оформили на меня документы, потом вымыли в бане, избавив от «дорожных спутников», накормили и уложили в чистую постель. Какое блаженство, что ты можешь наконец нормально, по-человечески отдохнуть!

Спасибо женщинам, работавшим на этом эвакуопункте! Я не помню их имён и фамилий. Но это были честные, добрые люди, на время заменившие нам утерянных отцов и матерей.

Ещё раз земное русское спасибо им за всё доброе, что они тогда для нас сделали!

Ленинград. *А. Сиваков, учитель*».

И ещё один документ – протокол заседания исполкома Ташгорсовета от 5 марта 1942 года:

«Пункт 120.

Слушали: О награждении особо отличившихся работников на детском эвакуопункте и в карантинном детском доме (внесено председателем Ташгорисполкома).

Решили: За отличную работу на детском эвакуопункте и в карантинном детском доме наградить:

1. Наталию Павловну Крафт – зав. детским эвакуопунктом – грамотой исполкома Ташкентского городского Совета и денежной премией.

2. Раису Львовну Верник – грамотой исполкома Ташгорсовета и денежной премией.

3. Александре Харлампиевне Быковой объявить благодарность.

4. Цецилии Самуиловне Гамбург объявить благодарность».

С увеличением потока прибывающих детей совершенствовалась система их распределения. Для больных или бациллоносителей требовалось особое помещение.

На улице Весны был открыт карантинный дом. Здесь дети находились в течение двух недель под надзором врачей, и только после этого их переводили в обычный детдом.

Ставшая вскоре по совместительству директором карантинного детдома Раиса Львовна Верник рассказывала:

– Дети попадали к нам истощённые, слабые. Некоторых приносили на носилках. Их надо было подкрепить, чтобы директора детдомов забирали их без опаски. И тут уж делалось всё. Дети получали мандаринные и лимонные соки, шоколад и гранаты, яблоки и сухофрукты. Карантинному детдому были выделены дополнительные средства для закупки овощей и свежих молочных продуктов на рынке.

Но дети нуждались в восстановлении не только физического здоровья, но и духовного. Страшные тени пожарищ, убийств и бомбёжек ещё долго преследовали их. Они были молчаливы, замкнуты. Здесь даже самые лучшие лекарства не помогали. Только заботой и лаской можно было растопить их сердца. Работники карантинного дома делали всё, чтобы дети чувствовали себя как в родной семье. Приглашали артистов, детей вовлекали в самодеятельность. Сотрудники приносили из дома книги, шахматы, игрушки, картинки, краски. Удивительно, как старая кукла, изукрашенный мячик, потёртый котёнок возвращали ребёнку душевный покой, давно забытую радость.

Приказ наркома просвещения: «Республиканской выставке детской игрушки передать карантинному детдому игрушек и прочего инвентаря на 2000 рублей...»

И ещё одно воспоминание.

Среди огромной массы людей, запрудивших площадь Ташкентского вокзала, оказались братья Гребельские – Лев, Сергей и Борис. Увидев стрелку, указывавшую дорогу к эвакуопункту, старший, двенадцатилетний Лёва, повёл к нему братьев.

«На эвакуопункте к нам отнеслись очень чутко, сердечно, – вспоминал офицер Советской Армии Лев Гребельский. – А на следующий день отправили в детдом на улице Весны. Здесь нас приняли как родных. В ту пору в Ташкенте дислоцировалась Одесская школа военно-музыкантских воспитанников РККА. Из этой школы приехали к нам в детдом представители и стали отбирать способных к музыке ребят. Попал и я в их число, но переходить в музыкантскую школу поначалу не соглашался: не хотел разлучаться с братьями. Директор детдома и воспитатели меня уговаривали, объясняли: и мне, мол, будет хорошо, и Бориса с Серёжей в ближайший детдом устроят. Пришлось уступить.

В 1942 году нас разыскала мама. И опять благодаря женщине, работавшей на эвакуопункте. А случилось так: мама ехала в трамвае и плакала, отчаявшись найти своих сыновей. Рядом сидевшая женщина спросила, отчего она плачет. Узнав, радостно сказала: «Знаю я их, видела всех троих. В карантинном детдоме ищите».

Да, многие знали тогда этот дом. С утра и до вечера шли сюда люди. Одни – в поисках собственных детей, другие – предложить помощь, третьи – чтоб взять себе ребёнка. Две тысячи детей были взяты только в карантинном доме! А всего за годы войны Узбекистан приютил, согрел, вернул к жизни более ста тысяч осиротевших эвакуированных детей.

СНАРЯДЫ РВАЛИСЬ ТРОЕ СУТОК

Мысли о надвигающейся беде – Великой Отечественной войне – появлялись у людей ещё до её начала. Но все надеялись – обойдётся, ведь Советский Союз и Германия были союзниками. Не обошлось. Я встретила с детьми войны, на долю которых выпали все тяготы военного лихолетья. Скоро будем отмечать 80-летие с начала трагического периода, а в их памяти пережитое свежо, словно бомбёжки, эвакуация, голод и холод пережиты только вчера.

Одной из собеседниц – **Валентине Аркадьевне Балашовой** – 87 лет. Когда началась Великая Отечественная война, отметила девятый день рождения. Она до сих пор в деталях помнит 22 июня 1941 года.

– Я родилась в Керчи. Каждое лето родители отправляли меня в деревню на побывку к бабушке и дедушке. Деревня называлась Мама Русская (неподалёку была деревня Мама Татарская). Утром 22 июня всех жителей собрали в сельском клубе. Вместе с взрослыми туда побежала и я. Все были напряжены – война витала в воздухе в течение года: через Керчь уже прошли беженцы из Польши и рассказали, что там творилось. И взрослые по вечерам рассуждали на тему войны, которая идёт по Европе. И всё же известие о её начале прозвучало как гром среди ясного неба. Новость, что гитлеровская Германия вероломно напала на СССР, всех ошарашила. А на следующий день уходили на фронт односельчане. Я это видела, так как бабушкин дом был в центре деревни, и дорога на город проходила рядом с ним.

Навсегда запомнился и день первой бомбёжки – 27 ноября 1941 года. Это было в Керчи. Я пришла из школы (училась во втором классе) и легла отдохнуть. Сквозь сон слышу крик сосед-

ского мальчика: «Фашистские самолёты!». Подумала: это при-
снилось. А через несколько минут – первые взрывы. Мы жили
на первом этаже городской поликлиники, мама работала на вто-
ром. Напротив находилась табачная фабрика. А наискосок от
нашего дома был склад боеприпасов. Мы об этом не знали. А
немцы знали. И первые снаряды прямым попаданием сбросили
на склад. Пока мама спустилась со второго этажа, в доме уже не
было ни одного стекла. Не мешкая, мы отправились в укрытие:
тогда во всех дворах были вырыты убежища. Думали, пробудем
там 20–30 минут: обычно столько длились бомбёжки.

Но снаряды рвались несколько суток, всё вокруг горело, куски железа разлетались за полтора-два километра. Было очень страшно. Из убежища вышли только через три дня. Во дворе было полно железа. Сквозь него с трудом проти-
скивались санитары, несущие раненых на носилках. Мой
папа – Аркадий Балашов – до середины сентября по бро-
ни помогал с эвакуацией промышленности. Потом ушёл на
фронт, и мы больше его никогда не видели. Из отрывочных

рассказов однополчан узнали, что он воевал в Запорожской области и в одном из боёв на реке Молочной погиб. Бой был жестокий. Люди вспоминают, горело всё – небо, вода и земля, – не сдерживает слёз Валентина Аркадьевна.

Успокоившись, она продолжает. Рассказала, как с мамой едва избежали облавы. Кому не повезло, тех немцы сажали на болиндер – плоскодонную самоходную, мелкосидящую десантную баржу и отправляли в Румынию. В их доме никто не остался жить, все разъехались по близлежащим деревням.

– Мы отправились в Маму Русскую. Но прожили там всего два дня: деревня расположена на самом северном мысе Керченского полуострова, и немцам там не нужны были люди. Они выгнали из домов местных жителей. Мы оказались в их числе. Гнали нас под дулами автоматов и с собаками, чтобы не разбежались. Долго скитались, два месяца жили под открытым небом. Огромное счастье, если удавалось спрятаться в опустевшем блиндаже: хоть крыша была над головой. Один раз забрались в железный кузов грузовой машины. В него набилось столько людей, что сидели «впритирку» друг к другу, повернуться не могли. Там скрывались от осадков. Уже мороз был. А утром не могли встать – примёрзли к железу,

Она пережила в Керчи две оккупации и два освобождения. Видела много горя, которое, как и остальные дети, делила со взрослыми напополам.

– День Победы помните?

– Ой, это такое было счастье, – заплакала собеседница. – О том, что враг побеждён, мы узнали ночью. Я ещё не была пионеркой, но у нас чудом сохранился шёлковый красный пионерский галстук, который тётушка привезла из Москвы. И, повязав его, я утром с мамой пошла на главную улицу города – улицу Ленина. Народа в Керчи на тот момент осталось немного. Но все, кто мог передвигаться, пришли туда 9 мая. Все улыбались, обнимались – счастьем не было предела. Не верилось, что весь кошмар закончился.

ТИХИЙ ПОДВИГ

Спокойной жизни Серёжи Танкова приходил конец. Бомбы громыхали всё чаще. Поговаривали о скорой эвакуации. О, если бы не проклятая болезнь с пугающим названием «костный туберкулёз»! Ничего, что ему всего одиннадцать, он бы показал фашистам! Не пришлось бы сейчас отправляться в неизвестные места...

Детские санатории выезжали из Евпатории одновременно. Специальный состав отошёл от вокзала ранним сентябрьским утром.

Погрузили всё, вплоть до ортопедических кроватей. Тысячу больных детей надо было доставить к вокзалу. Каждого осторожно на матраце несли из палат в трамвайные вагоны. После — опять на руках — к вокзалу. Собралось много людей — родственники, совсем незнакомые. Казалось, весь город пришёл на помощь. Счастье, что в ту ночь не бомбили...

Войну по-настоящему они впервые увидели при подъезде к Джанкою: горел вокзал, дымились разрушенные дома, слышался гул улетающих фашистских бомбардировщиков. Не легче и в Керчи. Но там детей ждал горячий обед. Ночевали в пустующей школе. Утром красноармейцы и матросы по сходням бережно переносили закованных в гипс ребятишек на борт корабля.

Немало труда стоило капитану и команде увести корабль из-под бесчисленных налётов. Не у всех транспортов с людьми судьба была столь счастливой.

Из докладной органов Советской власти: «Условия эвакуации исключительно тяжёлые. В пути следования к берегам Кавказа вражеская авиация налетала на суда с женщинами, детьми, стариками. Были случаи потопления кораблей, перевозящих гражданское население».

И вот неведомая, чуть таинственная Теберда – прекрасный тихий уголок на высоте больше километра над уровнем моря, в живописной долине реки. Куда ни посмотришь – красота необыкновенная: со всех сторон горы, покрытые сверкающей шапкой вечного снега.

Ожили корпуса здравниц. В одной из них на втором этаже разместился санаторий имени Крупской, внизу – «Пролетарий». Устраивались всерьёз, по всем медицинским правилам – лечение не должно прерываться ни на один день.

Год прошёл относительно спокойно. Но вот стали всё чаще появляться вражеские самолёты. А потом начались бомбёжки.

Враг приближался к Северному Кавказу. К детям. Лишь немногие из них могли передвигаться на костылях, большинство было приковано к постелям.

...Уже несколько дней они что-то бурно обсуждали – Лёва Косицкий, Валера Пухов, Семён Трачук, Толя Цоня. Что же им, комсомольцам, дожидаться прихода немцев?! Нет, решили, будем уходить. Их не отговаривали. Младшие тоже о чём-то шептались. Тайком сэкономили продукты, прятали в тайник. Сказали, что пойдут проводить товарищей, а сами ушли с ними.

Их было двадцать один, в возрасте от одиннадцати до девятнадцати. Шли в корсетах. Каждый шаг – мука.

Путь был один – через Клухорский перевал.

Туристский маршрут повышенной сложности, высота 2781 метр над уровнем моря, до Сухуми около 200 километров. Нет тёплой одежды, на ногах – летние сандалии, а ночами очень холодно. Даже закалённым туристам на такой высоте нужно два-три дня для акклиматизации. Но фашисты уже близко. И дети, выбиваясь из последних сил, шли. Впереди был участок дороги, сплошь покрытый снегом и льдом. С одной стороны – отвесные скалы, с другой – пропасть. Ребята видели, как сорвалась лошадь с поклажей. Анна Степановна

Данилевская, воспитатель санатория «Пролетарий», вдруг поскользнулась, ноги оказались над обрывом. Её с трудом оттащили.

Трудно сказать, что стало бы с измученными детьми, если бы не встреча с местными жителями. Они напоили, накормили. Одна семья оставила у себя двенадцатилетнюю Аду Дадыкину.

Советские горные войска сдержали наступление немецкой альпинистской дивизии «Эдельвейс». Пройти через перевал ей так и не удалось.

Две недели продолжалась одиссея, пока не встретили евпаторийских ребят работники сухумского эвакупункта, доставившие их в госпиталь.

Но уйти из Теберды смогли далеко не все. 14 августа 1942 года сюда вошли оккупанты. Как жили здесь те, кто остался?

Из блокнота Владимира Некрасова, ставшего впоследствии журналистом: «Этот санаторий, разместившийся в сравнительно небольшом двухэтажном корпусе, объединял добрый пяток детских костготуберкулёзных здравниц. Малыши кое-где лежали вдвоём на одной ортопедической кроватке. Где уж там было до соблюдения строжайшего постельного режима! Но люди в белых халатах делали всё – подчас даже по меркам мирного времени невозможное – для спасения ребятишек. Здание, рассчитанное на полтора-дваста коек, вместило до полутысячи тяжелейших больных, в большинстве – лежачих. Были они, как правило, раздеты и разуты. Лежачие давали свою одежду и обувь товарищам, поднимавшимся на ноги без разрешения врачей. А что им оставалось делать?»

Появившись в санатории, гитлеровцы забрали ключи от склада. Вначале выдавали больным понемногу кукурузной муки или сои. Получив порцию супа, вспоминает медсестра

Тамара Яковлевна Муратова, дети выпивали жидкость, затем медленно разжёвывали каждое бобовое зёрнышко, хлеб осторожно выкладывали на бумажку и собирали до последней крошки. Кто мог передвигаться, добирался до леса. Собирали дикие яблоки, груши. Меняли на продукты последние вещи.

Главный врач Александр Васильевич Грабильцев говорил сотрудникам: «Любой ценой мы обязаны сохранить детей, чтобы родителей встретили не могилы, а весёлые ребячьи голоса».

Оккупанты, невежественно считая костный туберкулёз заразным, заглядывали сюда редко. Удивлялись: зачем Советы возятся с больными! Но однажды было велено собрать всех евреев. К парадному входу подошла закрытая машина: сорок восемь детей были уложены штабелем – друг на друга. Дверь закрылась. Машина уехала. Больше их никто не видел. Выяснилось потом из документов гестапо – та же участь ждала всех остальных обитателей курорта...

И всё же территория санаториев оставалась советской. Детей по-прежнему лечили. Каждый день измеряла температуру медсестра Валентина Гавриловна Бугреева. Каждый день с утра занималась перевязками Тамара Яковлевна Муратова. Ухаживала за слабенькими нянечка тётя Паша – Прасковья Васильевна Архипова. Детям читали сказки, книги о родной стране. Продолжала работать школа. Немцы приказали сжечь советские учебники. А их сохранили. И пришёл день, когда педагога Анну Антоновну Кузнецову вызвали в гестапо. Случилось чудо – её выпустили. Не до того уж было: оставалось лишь несколько дней до бегства захватчиков.

И вот пришли наши – лыжники, несколько человек. Смотрели на них настороженно – вдруг переодетый враг? Только когда дети слышали русскую речь, они бросились их обнимать. Следом приехала солдатская кухня. Мясо, молоко,

хлеб – многие, особенно маленькие, уж и позабыли, что такое чудо есть на свете. Кончились пять жутких месяцев. Всего пять. А казалось – долгие чёрные годы.

...Прошли годы и годы. Девочка Майя Данилевская, когда-то вместе с мамой-воспитательницей оказавшаяся в Теберде, став Майей Петровной, обратилась к журналистам с просьбой рассказать о подвиге детей и сотрудников из евпаторийских санаториев.

Начались поиски.

Глядя на этих милых, тихих старичков, трудно представить себе, что это их мужеству обязаны жизнью дети, застигнутые войной в санаторных палатах. Это им адресована телеграмма: «Передайте сотрудникам благодарность Наркомздрава за сохранение жизни 1200 детей, перенёсших фашистскую оккупацию».

В евпаторийском санатории создан музей, в котором собраны материалы и о тебердинской эпопее. Она стала достоянием истории, и в то же время она вечно жива – в детях, внуках и правнуках тех, кто пережил её.

ДНЕВНИК МИШИ ТИХОМИРОВА

Когда в сентябре 1941 года вражеская авиация стала засыпать Ленинград зажигательными бомбами, в школе, где я был директором, из старшеклассников сформировали команду МПВО. Пятнадцатилетний Михаил Тихомиров возглавил противопожарное звено.

Однажды, когда после отбоя воздушной тревоги Миша доложил: «Пожар погашен!», мы увидели, что волосы его будто припудрены известковой пылью. Но то была не известь, а седина...

Через несколько месяцев Миша погиб при обстреле города.

Родители его были учителями. Лидия Дмитриевна преподавала математику. Василий Владимирович работал завучем школы имени академика Марра, а затем в той же должности проработал все девятьсот дней блокады в одной из немногих действовавших в Ленинграде школ – 367-й. Он был одним из первых ленинградских учителей, удостоенных звания заслуженного учителя школы РСФСР.

Сохранился дневник Миши Тихомирова.

«Ленинград, 8 декабря 1941 года

Начинаю этот дневник вечером 8 декабря. Порог настоящей зимы. До этого времени ещё было малоснежье, и морозы были слабые, но вчера, после 15-градусной подготовки, утром ударил мороз – 23 градуса. Сегодня держится на 16-ти, сильно метёт весь день. Снег мелкий, неприятный и частый, пути замело, трамваи из-за этого не ходят. У меня в школе было только три урока.

Война ширится. Сегодня узнали о начале военных действий между США и Японией. Вклеиваю сюда на память несколько вырезок.

Так как дневник начинает писаться не с начала войны, но с середины обычного месяца, необходимо сделать краткий перечень всего интересного, что произошло у нас и как мы живём в данный момент.

Ленинград в кольце блокады; часто бомбардировался, обстреливался из орудий. Топлива не хватает: школа, например, отапливаться углём не будет. Сидим на 125 г хлеба в день, в месяц мы получаем (каждый) примерно около 400 г крупы, немного конфет, масла. У рабочих положение немного лучше. Учимся в бомбоубежище, так как окна (из-за снаряда) забиты фанерой и собачий холод в классах. Дома живём в одной комнате (для тепла).

Едим два раза в день: утром и вечером. Каждый раз суп с хряпой или чем-нибудь другим (довольно жидкий), какао утром, кофе вечером. До последнего времени пекли лепёшки и варили изредка кашу из дуранды (теперь она кончается). Закупили около 5 кг столярного клея, варим из него желе (плитка на один раз) с лавровым листом и едим с горчицей.

9 декабря

Пятнадцатиградусный мороз без сильного ветра. Трамваи после вчерашних заносов не ходят. Целый день с утра до вечера идёт отдалённая стрельба.

Ребятам в школе дали без карточек (а возможно, будут давать и впредь) жиденького супа. Всё-таки это что-нибудь да значит. Днём у нас с 10 до 5 часов света нет, самые неприятные — последние часы, темно.

Сегодня со двора перетащили дрова. Днём поели хлеба, попили горячего кофе с хлебом, салом, полусухарём и галетиной. Всего, конечно, минимальное количество, но всё же это — из ряда вон выходящее событие.

Вечером думаем шить варежки. Спать лягу часов в 8.

10 декабря

Погода всё та же. В 6 часов мама ходила в очередь за конфетами, но безуспешно. Вернувшись, сообщила радостную новость: нашими войсками взят снова Тихвин. Приподнятое настроение. Мама сшила первую пару варежек. Замечательные. Просторные, тёплые. Сегодня сварили суп на два дня из 10 картошек (две кастрюли), кружки бобов, чуть-чуть лапши и по кусочку мясных консервов... Клея по городу нет. При случае запасём ещё. Пока он идёт у нас замечательно с разными острыми приправами.

Затоплен камин. Сейчас будем греться, пить кофе, читать вслух. Настроение бодрое. Ждём газет с подробностями боёв за Тихвин. Дневник я теперь пишу, как только дают свет, то есть после 5 часов.

11 декабря

Сегодня – ещё радостная весть: наши войска взяли Елец. На Тихом океане заваривается страшная каша. Япония действует вовсю. В школе было из-за холода четыре урока. Вероятно,

так будет и впредь. Собрались все дома до двух часов. Поэтому согрелись чаем. Выдано по сухарю и галетине. Обедать сегодня будем позднее. Вокруг – упорные, но, по-моему, ложные слухи о прибавке хлеба. Идут разговоры об эвакуации через лёд Ладожского озера. Кто говорит – идти пешком 200 км, кто – 250 км. На вторую декаду выдадут ещё понемногу масла. Если удастся получить – замечательно. Сегодня намечается шитьё варежек для меня.

12 декабря

После сильной ночной метели – замечательно ясные, морозные утро и день. Улицы занесены снегом. Трамваи не ходят. Испытал свои новые варежки – прямо спасение для рук, совсем не мёрзнут. Мама получила за первую декаду месяца 800 граммов чёрных макарон. Сразу же разделили их на 10 частей. Выходит по неполной чайной чашке на кастрюлю супа. Суп сегодня уже варили с капустой. Папа сегодня ушёл в школу на ночное дежурство. Взял два одеяла, надел свежешитые стёганные ватные брюки: ведь в школе лютый холод! Такие же брюки, вероятно, будут готовы к среде и для меня. Сейчас мы втроём сидим и читаем. Скоро пойдём спать.

Вообще все мы страшно похудели, в ногах и теле слабость, которая особенно чувствуется после пилки дров (даже очень непродолжительной), ходьбы и т. д. Тело всё время зябнет, пустяковые царапины и ожоги не заживают очень продолжительное время. Стараюсь уроки готовить в школе, раньше ложиться спать.

13 декабря

Газет ещё нет, но сводка, кажется, хорошая. Второе наступление немцев на Москву провалилось с огромными для них потерями. Гитлер бесится, юлит, старается придумать хоть какое-нибудь объяснение провала «молниеносной войны». Америка ведёт себя, как боксёр тяжёлого веса в начале

боя: бодро сообщает о гибели линкора и линейного крейсера – «пустяки, мол, наплевать». Папа продежурил ночь благополучно, пришёл ещё до ухода нашего в школу. На вечер план такой: греемся у камина, пьём кофе, читаем «Морского волка» и рано ложимся спать. Завтра также думаем отсыпаться. Сегодня начали подготовку к 20-му числу: отрезали часть от 2-дневной получки хлеба. Так что ко дню моего рождения, вечером, каждый получит на пиру по такой добавке.

14 декабря

Спали до одиннадцати часов. День прошёл незаметно. Варили обед, я доделал микроскоп, но ещё не испытал его. Вечером прочли при камине три главы «Морского волка». Скоро должны выключить электричество. До этого момента почитаю «Большие надежды» Диккенса. Потом – спать. К вечеру оставил четыре ломтика сушёного хлеба (очень маленьких), кусочек сухаря, пол-ложечки топлёного сахара (чаю я не пил во избежание запухания), и будет ещё, благодаря воскресенью, выдача шоколада. Сегодня подсчитал остатки клея – 31 плитка. Как раз на месяц.

В городе заметно повысилась смертность: гробы (дощатые, как попало сколоченные) возят на саночках в очень большом количестве. Изредка можно встретить тело без гроба, закутанное в саван.

15 декабря

Туман при морозе в 25 градусов. Всё покрыто инеем. По краям улиц скапливаются громадные сугробы. Снег убирать трудно, поэтому даже после не особенно сильного снегопада трамваи не ходят. В бомбоубежище школы – адский холод. Заниматься очень трудно. Мама идёт сегодня на ночное дежурство.

С некоторых пор все замечают, что у меня опухает лицо. Думаю поэтому как можно больше уменьшить себе

порцию воды. Вообще об опухании: по городу болезнь эта очень сильно распространена. Опухание начинается с ног, переходит на тело; многие умирают. Ещё раз подчёркиваю громадную смертность среди населения. Возвращаясь из школы, можно встретить до 10 гробов.

16 декабря

После первого урока, ввиду холода, нас попробовали перевести в 11-ю школу; оказалось, что там ещё хуже: к холоду прибавилось отсутствие света. Не знаю, как просидели два урока. Потом мы пошли в столовую. Съели по тарелке супа.

Сейчас ждём прихода мамы. Затопим плиту, будем варить обед. Наши части всё продолжают теснить немцев. Газет ещё не было, но, кажется, нами заняты Клин, Ясная Поляна и ещё несколько станций и местечек. Писем пока ни от Бори, ни от «бузулучан» (как я мысленно называю теперь наших) нет.

Вообще же держать настроение достаточно бодрым иногда трудно: сказываются и холод, и недоедание.

17 декабря

В школе — три урока: заболел физик. Кроме жиденького супа дали микроскопические дозы повидла. Хоть кое-что!

Дома согрелись кофе. С утра оставили к нему понемногу хлеба. Мама дала по кусочку из остатков сала. Я свою порцию подсушил в камине и оставил к вечеру. Буду есть и читать в постели (к своей кровати я поставил лампочку). Сегодня отложили уже третью порцию хлеба в фонд 20-го числа.

Сводка, кажется, хорошая: кроме нескольких местечек наши войска взяли Калинин. Вообще же газеты приходят очень плохо.

Ещё немного о школьных занятиях: в школе я почти совсем не пишу, стараюсь только понять и запомнить. Уроков в большинстве случаев дома не готовлю. «Хватаю» только самое главное.

18 декабря

Мороз полегче, ветра нет. В бомбоубежищах такой же холод. Писали контрольную по химии, руки заоченели. Учителя готовятся к концу 1-го полугодия ставить отметки.

Сегодня будем топить плиту. Когда придёт папа, может быть, напилем дров. Капуста идёт к концу. Потом как-нибудь будем выкручиваться.

Все мы ждём не дождёмся прорыва кольца блокады, а отсюда улучшения положения населения. Все в очередях, на улице почему-то уверены, что это последний тяжёлый месяц.

19 декабря

Канун моего дня рождения. День после школы занят усиленной работой: пилим дрова, колем и таскаем в комнаты. Перед работой подкрепились остатками чёрных сухарей и кусочками сала с какао. Для истощённого организма работа кажется страшно тяжёлой, руки быстро устают.

Скоро будем обедать. Голод даёт себя чувствовать, да и всё тело ломит от усталости. Потом затопим камин, вымоем головы и ноги, сменим бельё. На завтра мама достала за 10 пачек папирос маленький кусочек дуранды (дорого). Из него и из бобов она устроит праздничную кашу. Отрезали сегодня последний (четвёртый) пай в счёт праздничного пира. Немцы вспомнили о нас: вчера был короткий, но очень интенсивный обстрел, кажется, Куйбышевского района. Сегодня тоже кого-то обстреливали.

20 декабря

Запишу о празднике немного. Он ещё впереди. Сейчас варится торжественный обед.

В школе сегодня много работали, я – по уборке снега (2 часа), папа – по разборке дома на дрова для школы. Потом я и ещё некоторые ребята поехали на завод за «буржуйками» для школы и учителей.

Завод – у Волкова кладбища. Масса гробов... По дороге видели неубранный труп на улице... Всё это производит очень тяжёлое впечатление.

Привезли к школе пять печурок. Потом, погрузив на санки одну, оставленную для папы, поехали втроём домой. Мама страшно обрадовалась: печурка чугунная, цилиндрическая, вес приблизительно 4–4,5 пуда. Приладили к ней самоварную трубу, затопили. Результат – великолепный. В комнате сразу стало теплее. У мамы – тоже удача: она достала 1200 г бомбошек. Сейчас это очень выгодные конфеты.

21 декабря

Воскресенье. Спали в замечательном тепле от печурки до 10 часов. Потом согрели на ней суп и поели. Мама ушла на дежурство. Получили хлеб и уже отрезали частицу в фонд новогоднего праздника. Сейчас 2 часа, но уже темнеет. Только что кончился сильный артобстрел города. Немцы зашевелились, вероятно, благодаря теплу (температуре – 2°). В 5 часов начнём варить обед на буржуйке. Вечером затопим камин.

День рождения прошёл великолепно. Я получил замечательный коллективный подарок: альбом для рисования и великолепно изданную книгу «Античное и новое искусство» с замечательными репродукциями творений великих мастеров. Потом начался обед, состоящий из двух тарелок густого супа с капустой, каши из разваренных бобов сои с лапшой (кажется, никогда не ел такой вкусной!), кофе. К кофе было выдано по кусочку варёной почки, тресковых консервов, хлеба, мёда. Из всего этого каждый состряпал десяток миниатюрных бутербродов и с наслаждением, медленно съел. Кроме того, ко сну мама выдала по нескольку конфет. Организм почувствовал сытость!

Камин не топили, так как великолепная печечка очень сильно нагрела комнату.

22 декабря

На улицах лужи. Тёплый влажный ветер. После школы устраиваем «замор червя» ради нашей новой победы: взяли Будогощ и ещё несколько станций. Это имеет громаднейшее значение для ленинградцев.

Вчера после обстрела была тревога. Полетали самолёты, похлопали зенитки. Бомб не слышали. Это первая тревога после долгого затишья. В теле все чувствуют слабость, но к Новому году ждём улучшения.

23 декабря

Снова небольшое похолодание. На улицах скользко. С фронта новых вестей нет, в школах собираются ставить отметки за первое полугодие. В теле слабость. Единственное, что утешает, – это надежда на скорое улучшение. Комнатные условия в климатическом отношении благодаря печурке просто замечательные. Топим её каждый день, суп варим тоже на день.

Очень беспокоит вопрос с продуктами: почти ничего не получено, а началась 3-я декада.

Постскриптум. Вот вести с фронта: вклеиваю вырезку из «Ленинградской правды». Судя по всему, немцам придётся удирать, чтобы не быть окружёнными.

24 декабря

Настроение не очень весёлое, так как сводки ещё не слышал, во всём теле и особенно в ногах сильная слабость. Её чувствуют все. Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода... Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят. Жить было бы можно, если бы получали вовремя даже наш маленький паёк. Но это очень трудно. Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь.

В первую половину дня была спокойная воздушная тревога.

25 декабря

Сегодня Нинель из-за кашля и насморка, а главное, для сохранения сил, не ходила в школу. Мы же, придя в школу, узнали великолепную весть: прибавка хлеба! Получаем теперь по 200 г. Это показатель нашего положения на фронте. Все воспрянули духом.

Сегодня днём попьём как следует кофе с хлебом, да ещё с повидлом. Его мама достала 1 кг вместо конфет, которых всё равно не достать. Теперь можно будет на печечке жарить множество мелких сухариков. Замечательно! Сводка сегодня довольно хорошая – мы движемся вперёд на многих направлениях.

26 декабря

Из-за отсутствия света в школе занятий не было. Вернувшись, наколот дров для печурки и стал ждать папу. Когда он пришёл, устроили питье кофе с повидлом. Хлеб по слу-

чаю прибавки имеем возможность выделять на дневной «замор червя» специально. Вечером мама угостила нас овсяным киселём из кострики с малым количеством муки и глицерина. Ели с солью – замечательно вкусно.

Все ждут новых улучшений. Прибавка хлеба – громадный уже шаг в деле спасения ленинградцев. Сейчас пьём вечерний кофе. Потом почитаем «Морского волка». Кофе я стараюсь пить пустым: из хлеба засушены мельчайшие сухарики... Галета расколота на мелкие части... Имеется чайная ложечка повидла. Позже, отдыхая в постели, буду читать и медленно поглощать всё это... Замечательно!

Воздушная тревога. Самолёты летают, но, вероятно, наши. Не обращаем ни на них, ни на тревогу внимания.

27 декабря

В школу не пошёл. Дома наколот дров для печурки, потом лёг. У Татьяны Александровны мама достала книгу Беляева «Властелин мира». Кажется, очень интересная. На улице мороз 20 градусов. Стёкла в узорах. Скоро затопим плиточку.

Вклеиваю весь сегодняшний листок «Последних известий». Он, по-моему, достаточно отразит всю картину положения в мире.

Опишу ещё конец дня. Мама достала 2 литра разливного портвейна. Понемногу попробовали все. Из дуранды, кофейной гущи, муки (неизвестно какой) на олифе нажарили лепёшек. Не очень вкусно, но хоть что-нибудь да даёт.

28 декабря

Опять двадцатиградусный мороз. С утра над городом гудят самолёты, но тревог нет. Сводки Информбюро пока не имеется. Утром у меня температура 35,8; к середине дня немного повысилась. Завтра думаю опять не пойти в школу.

На толкучке обменяли 3 куска сахару и коробок спичек на 500 г растительного масла. Это великолепно. Ведь в

жировом отношении последний месяц у нас исключительно голодный (по карточкам масло ещё не было возможности получить!).

Сегодня в меновом отношении очень удачный день: за 1/2 литра керосина мама достала 20 конфет из кофе и жженого сахара со сгоревших Бадаевских складов. Они очень вкусны. Папа же принёс около 2 кг муки из отходов патоки (это в обмен на ликёр). Потом он принесёт ещё кг 3. Не знаем, насколько она безвредна.

Слабость продолжается. До каникул в школу не пойду. «Обеды» на Нинель и меня берёт папа. Первого числа по случаю праздника он получит за нас кроме супа ещё какие-то блинчики. 3-го для ребят устроят спектакль в Большом драматическом и тоже «обед из трёх блюд». На него-то уж думаю сходить. Сводки ещё не слышал, но, кажется, наши дела на фронте хороши: взята станция Бабино.

30 декабря

Чувствую себя значительно крепче и лучше. Трёхдневное безделье даром не прошло. Мама получила вместо мяса грудинку в 75-процентном размере. Все мы считаем, что это очень хорошо.

Вчера делали опыты с новоприобретённой мукой. Общий вывод — никуда. Пробовали жарить болтушку из неё на сковородке. Получилась густая масса, чуть-чуть сладковатая, чуть-чуть горьковатая, вязнущая на зубах; мама сказала даже, что она щиплет горло. Все мы не знаем даже, насколько безвредна эта мука. Мне же эти «конфеты» очень нравятся, и я впредь буду их варить.

Папа уходит в школу дежурить на всю ночь. Снабдили его какао, кружкой, конфетами и вообще чем могли (в школе поставили печурку, и он попьёт ночью какао).

31 декабря

Папа пришёл с дежурства с радостной вестью: наш десант высадился в Крыму, занял Керчь и Феодосию и громит немцев. Крым должен быть очищен от немецкой сволочи!

Сегодня празднуем Новый год. Вечером – пир (насколько возможно, конечно). К вечеру над столом укреплю медный кронштейн с лампой (ниже старого). Будем жить при двух лампах.

Настроение у всех хорошее, у меня хорошо окрепли ноги. Сейчас где-то бьют орудия – идёт обстрел города. Мама ушла пешком (трамваи не ходят) в школу – надо получить карточки на новый месяц.

1 января 1942 года

Двадцатипятиградусный мороз. Ясно. Сводка хорошая: нами заняты Калуга и Кириши. Папа ходил в школу, но там ничего особенно праздничного не было. Получили новые карточки. Сил в организме столько, что занялся микроскопом: рассматривал паразитов человека.

Вчерашнее празднество прошло хорошо: на столе «великое обилие яств», настроение замечательное. Произносились тосты за победу наших частей, за встречу всех нас вместе после войны целыми и невредимыми. Легли спать рано.

2 января

Мороз 27 градусов. На улице прямо охватывает нос и щёки. Ходил по магазинам в поисках плёнок для моего «Лилипута» (думал сфотографировать хотя бы один разрушенный дом), но ничего не нашёл. Света не было целый день. Капуста кончается. Впереди нерешённая проблема супов (крупой в магазине и не пахнет, а есть так называемая «ржаная мука», брать которую не хочется). Масло тоже ещё не получено.

3 января

Света ещё нет. На сегодня была назначена ёлка для учащихся со спектаклем в Большом драматическом театре и обедом. Когда пришли туда, то узнали, что ёлка переносится на 7-е число. Муку решили подождать брать. Будем ждать крупы. От фотографии придётся отказаться, так как плёнки нигде нет. Буду работать с микроскопом. Вот только дали бы свет.

У Нинели испортился желудок. Все очень беспокоимся. Поим её салолом и часто даём вина. Сейчас испорченный желудок – исключительно неприятная штука.

В городе наблюдается недостаток хлеба. Лавки пусты. Надеемся, что получим во второй половине дня.

4 января

Продукты ещё не получены. Вчера мама взяла на пробу 400 г «ржаной» (дурандовой) муки. Чайную чашку всыпали в суп. Сегодня пробовали: вкус даёт, но и только. Капусту кладём уже только для вкуса, по неполной чайной чашечке. Сегодня мама испекла из части взятой муки и кофейной гущи лепёшек и вечером сварила жиденькой кашицы. Всё это кажется замечательно вкусным.

Опасность с Нинелиным желудком, кажется, миновала, но папа жалуется на слабость в ногах. Вообще же город вымирает... Смертность огромная; света нет; воды нет; трамваи не ходят; улицы покрыты снегом, который совсем не вывозится...

Городу нужна срочная помощь.

5 января

Потеплело. Использовали это: перетасили все дрова со двора в комнаты. Днём был сильный обстрел нескольких районов города. Настроение у всех невесёлое: у папы состояние ног не улучшается, Нинель жалуется на желудок снова,

продуктовая ситуация отвратительная. Организмы ослабли и требуют срочной поддержки. Особенно беспокоит нас всех сейчас состояние папы. Есть нечего, а впереди тяжёлые времена.

К вечеру центром у нас становится печурка. Ради экономии керосина сидим при двух ночниках; если имеется интересная книга, читаем понемногу... Вид со стороны, вероятно, довольно унылый и мрачный.

На фронте положение пока не меняется. Кольцо рвут, очевидно, снаружи; у нас же пока никаких улучшений, хотя город переживает страшно трудное время... Город замирает...

6 января

Целый день сидел дома. Погода неустойчивая, температура держится около 10 градусов. Сегодня до нас дошли кой-какие слухи о взятии Мги, что для нас, конечно, очень важно.

Около половины четвёртого начался сильный артиллерийский обстрел нашего района. Били два орудия: часто в продолжение 15–20 минут. Нинель в это время находилась на

улице, и мы беспокоились о ней, так как снаряды шлёпались очень близко.

Вчера вместо крупы взяли 2 кг «ржаной» муки. Перебрали сухари и растолкли мелкие обломки в ступке. Из этого всего в ближайшее время будем варить каши, а что касается будущего, то будем надеяться на лучшее, так как в противном случае положение просто безвыходное. Завтра 7-е, день, на который из-за отсутствия света перенесена наша ёлка. Света будем ждать сегодня вечером.

7 января

К одиннадцати часам пошли в театр. Свет дали, поэтому ёлка состоялась. В сильном холоде посмотрели «Дворянское гнездо». Артисты играли плохо: в пальто, валенках и шубах. Потом – обед. При впуске в столовую величайшая толкотня и беспорядок. Обед: крошечный горшочек супа, граммов 50 хлеба, тоненькая котлетка с гарниром из пшена и немного желе. Хлеб и котлеты принесли к вечернему пиру: предполагается каша из «ржаной» муки.

Завтра – занятия, хотя есть слух о продлении каникул. С фронта ничего особенно утешительного нет, но благодаря ёлке ли, обеду ли настроение бодрое (да и свет после четырёх суток темноты).

8 января

Вчера вечером по моей просьбе мама достала у Юры остатки докторского микроскопа (штатив и труба). Юра перестал, очевидно, им интересоваться, а поэтому я попытаюсь эти остатки присвоить, тем более, что, присоединив к трубе объектив и окуляр от моего «козла», я получил сносную для работы штуковину. Микроскоп этот не похож на наши теперешние; сделан, кажется, в Лондоне.

Вернувшись из школы (мы оставались дома, так как каникулы продлены до 15-го, что замечательно), папа принёс

ещё скорбную весть: умер от истощения Владимир Петрович Шахин и ещё один преподаватель. Всё это действует угнетающе, а по городу везут ещё гробы и гробы в громадном количестве...

Ноги у папы пока не лучше, мои тоже чувствуют слабость. Скорее бы улучшение! Но с фронта ничего утешительного нет.

9 января

Мороз не легче. Опять сидел целый день дома. Папа достал 4 кг муки (отходы от производства патоки, по 25 р. за кило). Я упоминал уже о свойствах, испытании и оценке, данных этой муке. Но теперь, благодаря мне, отношение к ней резко улучшилось: в энциклопедии я нашёл статью, в которой указывается, что при производстве патоки получается некоторое количество глюкозы (виноградного сахара), о котором или о которой говорят, что сейчас она очень поддерживает организм. Кроме того, муку можно менять на толкучке. Из мучной болтушки с некоторым количеством сахара получается какое-то подобие повидла. Оно нравится всем, за исключением Нинели. С этой штукой с большим успехом нами пьётся чай, кофе и т. д.; я, кроме того, ем её «сырьём».

Некоторые изменения в городе: сняты кони Клодта с моста через Фонтанку; рядом рассечён сверху донизу бомбой дом. Люди по городу ходят, как тени, большинство еле волочит ноги; на больших дорогах к кладбищам масса гробов и трупов без гробов. Трупы, просто лежащие на улицах, — не редкость. Они обычно без шапок и обуви... Трудно будет выдержать этот месяц, но надо крепиться и надеяться.

КЛАУС – ВОЛОДЯ

Эту историю лучше всего начать с письма Надежды Булгаковой, опубликованного в «Комсомольской правде».

«Во время войны я была фельдшером, старшей медсестрой, лейтенантом медицинской службы. Хорошо помню тот день, когда меня вызвал командир. Вошла к нему и увидела на стуле малыша лет четырёх. Это был немецкий мальчик. Грязный, измученный, худой, он смотрел устало и безразлично. Командир сказал: «Возьмите к себе в санчасть и приведите в порядок». Я взяла мальчонку, выкупала, накормила, и он моментально уснул. Сама же долго плакала над его вещами: сколько мук и страданий принесла война! Мы все пробовали с ним говорить, но он только сказал, что его зовут Клаус. Задумчивый, грустный, он почти ни с кем не разговаривал. Но на третий день с утра после сна отыскал меня глазами и улыбнулся. До сих пор помню эту детскую милую улыбку.

Скоро меня откомандировали в другую часть. Я уехала, а своего Клауса передала фельдшеру первой роты. Расставаться с ним было нелегко. Он прижался ко мне, в его глазах было столько отчаяния и любви.

Где он, Клаус? Как сложилась его судьба? Посылаю вам фотографию. Напечатаете в газете – верните мне»...

Это было в феврале 1945 года в Дрездене. Английские и американские бомбардировщики в ночь на 14 февраля в три захода сбросили на город тонны смертоносного груза. Полностью разрушен центр города с его сокровищницами мирового искусства. Вместе с другими жителями покинула город Доротея Этцродт с четырьмя ребятами на руках. А через три месяца, когда война уже подходила к концу, они возвра-

щались домой. Шли пешком. Самый младший, шестилетний Клаус, еле передвигал ноги. Какая-то крестьянка посадила обессиленного ребёнка на повозку. Потом стало плохо старшей – Гизеле. Пока с ней возились, подвода уехала вперёд. А тут – развилка. Долго бегали от одной подводы к другой, пытались найти Клауса. Напрасно!

Когда крестьянка заметила, что семья малыша отстала, она ссадила его – в надежде, что его найдут. Мальчик остался один. Справа и слева от него по шоссе шагали люди, нагруженные сумками, тюками, свёртками.

Он смутно помнит, как шёл и шёл среди беженцев. Страх, безысходное отчаяние охватили Клауса. Он присел на обочину, но людской поток оттеснил его в придорожную канаву, и он лёг прямо на землю. Там провёл и весь следующий день. Иногда он срывался и бежал за женщинами, похожими на мать.

К концу второго дня, уже в сумерках, на него и наткнулся советский майор Виктор Зелёный. Увидев на обочине одинокую фигурку, приказал остановиться. «Что с ним делать? – думал майор. – Малыш с ног валится. Погибнет ведь». Он взял его на руки и посадил в машину.

– Первое время, – вспоминает полковник запаса Виктор Васильевич Зелёный, – мальчик выглядел совсем неважно. Я распорядился кормить его получше. Сшили ему костюмчик. Пытались найти его родных, но безуспешно. Дрезденская комендатура в те дни была занята, как понимаете, другими неотложными заботами. А тут наш батальон решено было перебросить в Чехословакию. Ну я решил взять парнишку к себе, усыновить.

Когда к Зелёному приехали жена и четырёхлетняя дочка Галя, Клаус уже что-то понимал и говорил по-русски. Его называли Володей.

Так маленький немец стал сыном полка, а потом – сыном советского солдата.

В 1947 году Володя поступил в первый класс в городе Черновцы, куда был переведён по службе усыновивший его Виктор Зелёный. Никому в школе и в голову не могло прийти, что этот мальчик ещё два года назад не знал ни одного русского слова...

После публикации письма Н. Булгаковой в редакцию посыпались письма. Читатели интересовались подробностями, давали советы. К поискам подключились немецкие друзья. И вот из Черновцов откликнулся сам Клаус. А в Радебойле, под Дрезденом, нашлись его мама, брат, сёстры.

Они увиделись почти через тридцать лет. Клаус – Володя приехал в Радебойль с женой Ольгой и трёхлетней Иринкой. Доротея выучила к встрече несколько приветственных русских фраз, но от волнения все их позабыла... А сын, обнимая мать, всё повторял: «Майне либе мутти!»

Переводчицей была двоюродная сестра – она знала русский. Рассказам не было конца. Фотографии. Одних никогда не видел Володя, других – мама. На той – черновицкий школьник. На этой – Владимир в армии.

– Папа очень хотел, чтобы я после школы поступил в сельскохозяйственный институт, по его стопам пошёл, – рассказывал Клаус – Володя. – А меня к самостоятельности потянуло. По комсомольской путёвке поехал на строительство шахты. Теперь работаю на машиностроительном заводе, электросварщик высшего разряда.

Мать не спускает глаз с сына. Сердце её переполнено: «Мой самый счастливый день! Не знаю, как благодарить тех, кто спас Клауса, вырастил, сделал человеком... Даже представить себе невозможно, чтобы подобное случилось с русским мальчиком при вступлении вермахта в Россию...»

А потом они поехали по той самой дороге, где потерялся Клаус. Вот и развилка. На этом перекрёстке стоял он, потеряв всякую надежду на помощь.

Здравствуй, папа! Сегодня мы побывали в местах, которые так близки для нас обоих. Я стоял на краю дороги, где ты подобрал меня. Мне показалось, что я вспомнил, как ты выглядел в тот день – молодой, бравый. На всю жизнь запомнились твои крепкие руки, которые подняли меня, и я понял: «Спасён!» Ты стал для меня отцом. И вот... Сейчас рядом со мной сидит мама. А недавно мы все вместе побывали в Берлине. Видели новую Александер-плац, улицу Унтер-ден-Линден, Бранденбургские ворота. Но прежде всего мы съездили в Трептов-парк. Там стоит памятник советскому солдату-освободителю. Разрубивший свастику воин держит на руках ребёнка. Для меня этот символ имеет особый смысл...

Скоро приеду домой. До встречи».

Москва. Белорусский вокзал. К платформе медленно подходит берлинский поезд. Владимир возвратился со своей семьёй и с матерью. Встречать их пришли Валентина Петровна и Виктор Васильевич Зелёные, бывший ротный военфельдшер П. Букалова и автор письма Н. Булгакова. Всех их связала война. Детское горе и солдатская доброта.

КОРОБОК СПИЧЕК

Обычный коробок спичек. Я нашёл его неожиданно, отодвинув ящик стола. Стол этот в отцовском доме забыли. Когда переехали жить на станцию из села, старый стол поставили в угол чулана. Там он, покрытый тряпьем, связками старых журналов и всякой всячиной, отслужившей свой век, простоял много лет. Копаясь в тронутым червоточинной выдвижном ящике, я обнаружил жестянку похожих на гвоздики патефонных иголок, обнаружил значок с надписью «Ворошиловский стрелок», футляр отцовских карманных часов. В столе лежали пакет порошков «от желудка», картонный ёлочный заяц, изношенный рубль довоенного образца, самодельное шило, моточек пропитанной варом дратвы... И этот коробок спичек.

Обычный коробок. Обычный, да не совсем! На жёлтой морщинистой этикетке, в том месте, где бывает рисунок, наискосок стояли три строчки, очень знакомые строчки:

Наше дело правое!

Враг будет разбит!

Победа будет за нами!

Спички сорок первого года! Я достал одну из коробки. Зажжётся? Зажглась.

И вот уже все в доме – отец, мать, сестра – разглядывают находку. Всем интересно. Но только мама может припомнить... Я гляжу на неё: неужели не вспомнит? Вспомнила!

– Это ж с той осени...

Не ждите рассказа о пущенном под откос поезде, партизанском костре или даже о перекуре во фронтовом блиндаже. Спичками из коробки не поджигали бикфордов шнур, и вообще ничего из ряда вон выходящего не стоит за находкой в столе.

Той осенью по дороге из Воронежа на Тамбов через наше село Орлово двигалась большая пехотная часть. Вспоминая сейчас бесконечную серую ленту людей, идущих под осенним дождём, невольно ёжусь от холода. Грязь, непролазная чернозёмная хлябь, и по ней гуськом, заткнув за пояс полы мокрых шинелей, движутся люди. Усталые. Молчаливые. Куда? Почему? Мальчишкам заботы и горе взрослых понятны не в полную меру. Мы бегали на большак менять на морковку и лежалые груши пилотки, ремни, звёздочки, пряжки и были довольны, что в школу ходить не надо, — в ней разместили больных солдат.

Не помню уж, сколько дней двигалось войско. Но только поздняя слякоть сменилась вдруг зимним морозом. Помню стук в окна: «Хозяйка, пустите хоть в сенцы». «Всё занято, идите дальше!» — отвечал вместо матери пожилой лейтенант. И он говорил правду. В избе и в сенцах на соломе вповалку один к одному лежали люди. Плакала на руках у матери маленькая сестрёнка. Нечем было дышать от взопревших у печки мокрых портянок, шинелей и гимнастёрок. Но уморённые люди были рады теплу и месту. Все спали.

Голод тоже был спутником отходившего войска. Помню, как перед сном солдаты делили на столе аккуратно порезанный хлеб. «Кому?» — кричал веснушчатый младший сержант. Солдат, отвернувшийся к стенке, быстро ему отвечал: «Сухову... Тимофееву...»

Утром мать намыла чугуна картошки и чугуна свёклы — покормить постояльцев — и послала меня добыть огоньку. Это было простое дело: выходишь на улицу, смотришь, из чьей трубы идёт дым, — туда и бежишь с железной баночкой за углями.

— Ты куда? — спросил лейтенант, увидев меня на крыльце.

Я объяснил. Лейтенант полез в кирзовую сумку и достал спички:

– На, отдай матери.

(До сих пор сохранился на коричневом рёбрышке коробка след от спички, которой в то утро была растоплена печь.)

Чугун картошки и свёклы солдаты опорожнили в один момент. Мать стояла у печки и говорила: «Ешьте, ешьте, я ещё сварю, ешьте...»

Коробок спичек с той осени сохранился, конечно, случайно. Его положили в укромное место, как некую непозволительную роскошь, как драгоценный запас огня на какой-нибудь случай. И вот мы держим его в руках... Все мы взволнованы. После очередной передачи о приключениях в Берлине Исаева-Штирлица мы собрались на кухне около печки, но в этот раз не о Штирлице разговор. С удивлением и большой радостью наблюдаю, как много может всколыхнуть в памяти маленькая реликвия. Отец вспоминает. Сестра. Мама говорит так, что я жалею: нет магнитофона записать всё, что она говорит. И мне тоже есть что припомнить.

Много сказано о войне. Но, может быть, любопытно услышать, что помнит о ней человек, бывший всего лишь подростком...

Запомнилось окончание и начало войны. Но так же хорошо помню уход отца на войну и возвращение его. Уходил он вместе с односельчанами в жаркий день августа. Километров пять я шёл, держась за руку отца, в гуще людей. Помню, отец сказал: «А теперь возвращайся». Он достал из мешка кусок сахара: «Возвращайся. И помогай матери».

Оглядываясь, я видел, как отец скорым шагом догонял пыливших по дороге дядю Семёна, дядю Егора, дядю Сергея, дядю Тараса...

Возвращался отец тоже летом. С проезжавшей мимо полуторки кто-то радостно крикнул: «Встречай батьку!» Я побежал к станции и в поле встретил сильно, как мне показалось тогда, постаревшего отца. На груди у него позванивали меда-

ли. За плечами – мешок. В одной руке – старенький чемодан, а в другой – патефон.

На нашей улице, увидев отца, многие бабы заплакали. Я понимал, что это значит, – уходившие вместе с отцом на войну дядя Семён, дядя Егор, дядя Сергей и дядя Тарас не вернулись.

Из гостинцев, какие отец разложил на столе, мне больше всего понравились цветные болгарские карандаши с надписью на коробке «моливчета» и болгарский же кустарной работы патефон – фанерный ящик, обтянутый бумагой, напоминавшей обои.

Я побежал в сельскую лавку купить пластинки. Их не было там. Но продавщица, увидев моё отчаяние, порылась на полках и одну разыскала. «Моцарт. Турецкий марш», – прочёл я название музыки. На другой стороне тоже был турецкий марш, но Бетховена... До позднего вечера в нашей избе

гремели два эти марша. Мы с сестрой точили на брусочке патефонные иглы, снова и снова крутили пластинку...

Года два назад на концерте, услышав объявление ведущего: «Моцарт. Турецкий марш», я вздрогнул. Для меня не просто музыкой был этот марш.

Близко войну я не видел. Но она была рядом. Летом и осенью 1942 года горел занятый немцами Воронеж. Фронт был всего в двадцати километрах. Днём над «тем местом» стояла чёрная пелена дыма, а ночью небо становилось багровым. Было видно, как взлетают ракеты, как повисают и медленно опускаются вниз какие-то необычно яркие огни, были видны красные, жёлтые и зелёные трассы пуль. Мы с другом стелили постель на пологой крыше сарая и не со страхом, а с любопытством наблюдали за этим огненным небом.

Над селом к фронту по многу раз в день низко пролетали штурмовики – тройками, самолётов двенадцать – пятнадцать. Спустя полчаса тем же путём низко, прямо над крышами, они возвращались назад. Иногда их было уже не двенадцать, а девять-десять...

Воздушные бои истребителей. Взрывы случайных бомб (осколок одной, упавшей ночью за огородами, врезался в нашу дверь). Массированные бомбёжки железной дороги (от села в пяти километрах), передвижение танков, автомобилей с пушками на прицепе, скопление войск в заповедном лесу – такой была полоса возле фронта. Вспоминая то лето и осень, дивлюсь отсутствию у людей страха. В первые дни войны, когда фронт был у Минска, было куда спокойнее. Люди вязали узлы, заклеивали окна бумажными полосами, ночью маскировали каждую щель в окнах. Теперь же война была почти у порога, и жизнь, тем не менее, протекала своим чередом – каждое утро пастух Петька Кривой гнал пасти коз, и председатель колхоза Митрофан Иванович сам обходил избы: «Бабы, нынче на молотилку!»

Есть такое понятие: «обстрелянный солдат» и «необстрелянный». Если эти слова понимать шире, то в 1942 году все люди, вся страна, солдаты и женщины, дети и старики, были «обстрелянными». Все, так или иначе, участвовали в войне, понимали, что скоро она не кончится, что дело очень серьёзно и жаловаться на трудности некому. Мать находила всё же слова нас подбодрить: «Мы-то в тепле. А как там отец...»

Глядя сейчас на карту, вспоминаю: географию начинал изучать не в школе и не по книжкам. Большая страна узнавалась по оставленным и отбитым потом у врага городам. Минск, Смоленск, Киев, Севастополь... В ту осень, когда горел Воронеж, я узнал, что где-то совсем недалеко есть Сталинград. Не помню, чтобы кто-нибудь на нашей улице получал газеты, радио тоже не было. И только в разговорах этот город упоминался всё чаще и чаще. С лёгким ранением, но совершенно седой в село мимоходом из госпиталя забежал наш дальний родственник. Он получил ранение под Сталинградом и возвращался опять туда. Помню его слова: «Там ад».

В письмах отца раза два поминалась Волга, и мы догадывались: он тоже там. Мать, зажигая по субботам лампадку, молилась. Мои представления о Боге в то время были неясными. На всякий случай мысленно я тоже просил рисованного Спасителя, строго глядевшего из-за лампы, не забыть про отца.

В церкви в нашем селе была пекарня. Отсюда машинами доставляли хлеб фронту. Из колодца у речки Усманки два усатых солдата в больших деревянных чанах возили в пекарню воду. Мы, ребяташки, помогали солдатам управляться с ручным насосом и получали за это в день полбуханки пахучего тёплого хлеба.

От солдат-водовозов я впервые услышал, что, возможно, всем, кто живёт в селе, придётся эвакуироваться. И этот слух подтвердился. 1 сентября не открылась школа. А позже село в какие-нибудь две недели опустело. До этого у нас жили беженцы из Воронежа и Смоленска. Теперь сами мы испытали, как

тяжело расставаться с домом. Выселяли нас, правда, всего лишь в соседнее село. Но день, когда клещами закрутили проволоку на дверном запоре, был для меня самым тяжёлым за всю войну.

Нам дали лошадь. Помню возок со скарбом. Наверху сидят сёстры (старшей – девять годов, младшей – три). Мама с братишкой на руках пытается втиснуть в поклажу оцинкованный тазик и решето. Сзади к телеге привязали козу. Старшему сыну надо было править этим возком.

Местом нашего назначения было село «Паркоммуна» (официально – «Парижская коммуна», а совсем просто – «Парижа»). С благодарностью вспоминаю хозяйку избы тётю Катю (стыдно, забыл фамилию), приютившую нашу ораву. Всем нам – хозяйке с семьёй и её постояльцам – в одной-единственной комнате было тесно. Спали на печке и рядком на полу. Полыню глушили блох. По субботам топили баню. Из одного большого чугуна ели толчёную картошку, запивая её чуть подсолённым квасом. И ждали писем. Ах, как ждали в те годы писем!

Тетя Катя получала их аккуратно. Вслед за поклонами: «А ещё привет куме Даше... а ещё привет куме Вере» было

и к нам участие: «А ещё привет «выкуированным». Живите дружнее». Одно из радостных воспоминаний о тех временах: жили, и правда, сердечно, сплочённо, помогали друг другу, делились всем, чем могли.

О доме, однако, я думал всё время. От «Паркоммуны» до родного села было всего восемь вёрст. И, конечно, трудно было не соблазниться, глянуть: а что там сейчас, зимой?

Придя в село, я поразился тишине и безлюдью. Почти во всех домах были заложены окна, в кирпичных стенах низко, у самой земли пробиты бойницы, от дома к дому прорыты траншеи. Теперь хорошо понимаешь: в селе была подготовлена линия обороны на случай, если бы фронт у Воронежа не устоял.

Хотелось взглянуть на наш домишко. Но я не дошёл до него. Из хаты на большаке вышел военный: куда это мальчик идёт и откуда? Выслушав меня, немолодой уже капитан (таджик или узбек) задумчиво похлопал рукавицей об рукавицу и поманил за собой в дом. Сидевшему возле печки солдату он что-то сказал. Тот поставил на стол котелок щей, нарезал большими ломтями хлеба. Пока я ел, капитан молча разглядывал мою шапку и варежки, потом полез в стоявший на лавке мешок, достал из него завернутый в бумажку желтоватый мягкий комочек какой-то еды и протянул мне: «Это понравится. Ешь». То была сушёная дыня. Второй раз это лакомство я пробовал двадцать два года спустя в Самарканде и, конечно, сразу же вспомнил доброго капитана. Капитан сказал мне тогда зимой: «Ходить в село пока запрещается. Возвращайся. Матери можешь сказать: скоро домой!»

Теперь я думаю, капитан говорил со мной так потому, что знал хорошие новости. Новости эти шли из Сталинграда. Капитану уже было известно, «кто там кого», и он поделился с мальчишской радостью.

Назад, в «Паркоммуну», по снежной дороге я не шёл, а летел. И хотя новость моя – «скоро домой!» – была туманна и непонятна, мама сразу же побежала во двор, где тётя Катя

колола дрова. Потом вдвоём они пошли к соседке. Потом мама побежала на другой конец села к тётке Поле, жившей рядом с нами в Орлове. А дней через десять утром кто-то нетерпеливо постучал к нам в окно: «Немца выбили из Воронежа!» В тот же час мы с матерью нагрузили салазки дровами и – скорее, скорее в Орлово!

Наш домишко для обороны не приглянулся, всё уцелело в нём. Мы протопили печку. И к вечеру на тех же салазках привезли двух сестёр и братишку... Это было 25 января 1943 года – ещё даже не середина войны.

Всё самое дорогое в воспоминаниях связано с именем матери. С расстоянья в десятки лет особенно ясно видишь, какая ноша легла ей на плечи. Общие на всех взрослых военные тяготы, но, кроме того, – четверо ребятишек! (Старшему было одиннадцать.) И, по сложившимся обстоятельствам, ни карточек, ни пайков. Одеть детей, накормить, научить, уберечь от болезней... Какую великую силу духа надо было иметь в те годы женщине-матери, чтобы не впасть в отчаяние, не растеряться, в письмах на фронт не обронить тревожного слова!

Вспоминаю мамины письма к отцу. Она их писала печатными буквами, и на письмо уходила обычно целая ночь. Худые вести на фронт в те времена не шли. Мы сообщали отцу, сколько даёт коза молока, кто пришёл раненый, какие отметки в школе... По письмам выходило: живём мы сносно. Да и самим нам казалось: сносно живём – в тепле, одеты, обуты, не голодаем. И только теперь, понимая цену всему, знаешь, какими суровыми были эти уроки жизни для матери и для тех, кто в войну только-только узнавал жизнь.

Огонь добывали, либо бегая с баночкой за углями туда, где печь уже затопили, либо с помощью кремня и обломка напильника. Освещалась изба «коптилкой». В неё наливали бензин, а чтобы не вспыхнул, почему-то бросали щепотку соли. Не больше щепотки – соль была драгоценностью: 100 рублей за стакан. Мыла не знали. Одежду стирали золой и речным илом. Сама одежда... На ногах, я помню, носил сшитые матерью из солдатской шинели бурки и клеенные из автомобильной резины бахилы. Рубашка была сшита из оконной занавески, а штаны – из солдатской бязи, окрашенной ветками черноклённика и ольховой корой...

Кормились в основном с огорода. Картошка, огурцы и свёкла были нашим спасением. С хлебом же было так. Из колхоза зерно под метёлку отправляли для фронта. Нам доставались лишь обронённые при уборке колосья. Целый день, не разгибаясь, собираешь колосья в мешок, сушишь, бережно растираешь в ладонях. Зерно потом веяли и мололи на самодельной мельнице – «тёрке». Я убеждён: тот, кто держал в руках лопоту таким вот образом добытого хлеба (часто с примесью лебеды, свёклы, желудей), имеет верную точку отсчёта в определении разного рода жизненных ценностей.

Тепло в доме доставалось тоже большим трудом, по нынешним представлениям, просто каторжным трудом. Пять километров до леса по полю, пять – лесом (чтобы найти сухостойный дубок или сосну). Таким образом, десять – в один конец и

десять – обратно с тяжёлой ношей. Чтобы не слишком болело плечо, жердину или вязанку дров обёртывали травяною подушкой. И всё равно: скинешь у дома ношу – к плечу нельзя прикоснуться. И это была обычная забота тринадцатилетних мальчишек. Однако не единственная забота. Маме приходилось работать на поле. И, хотя дома руки её удивительным образом до всего доходили и всё успевали, нам с сестрой доставалась немалая часть забот: с весны до осени ухаживать за огородом (от него целиком зависело наше существование), готовить сено козе, добывать топливо, носить воду, варить еду, собирать колосья, молотить зерно, нянчить маленьких. И делалось это всё помимо учёбы в школе, помимо домашних уроков, помимо того, что нас, школьников, водили на колхозное поле (пололи просо, убирали свёклу, молотили подсолнух). Так война диктовала законы жизни и для детей.

Может странным кому-нибудь показаться, но я ничуть не сетую на судьбу, вспоминая эти четыре года. Прокручивая

сейчас назад ленту жизни, взвешивая, где, когда и чему научился, без колебания говорю: главная школа жизни приходится на эти годы.

Суровые, требовательные годы совпали для нас, «военных мальчишек», с возрастными законами воспитания человека. Глубоко верю: уроки мужества, труд и трудности сейчас для подростков также необходимы. Их надо сознательно культивировать (в семье, в лагере, в школе), подобно тому, как физкультурой мы восполняем отсутствие естественного физического труда. В нужное время, в нужных дозах, с оправданной степенью риска обязательно надо учить человека тому, что жизнь от него непременно потребует.

Возможен вопрос: «Закалка, трудности... А детство? Во имя грядущих лет не лишится ли человек детства?» Опыт жизни говорит: нет! Конечно, были в войну ситуации (и немало их было!), когда подросток ставил под ноги ящик, рядом со взрослыми точил на станке снаряды, известно: мальчишки участвовали в партизанских боях. Тут всё проходило по счёту взрослого человека, и сама жизнь обрывалась (всё было!) в тринадцать лет.

Но, вспоминая своё, тоже нелёгкое детство, я всё же вижу его. Оно было! Было со всеми свойственными этому возрасту радостями. Хватало времени на забавы, на всякие выдумки, игры. Те же хождения в лес за дровами... Конечно, несладкое дело – подняться с постели в четыре утра, нелегка была ноша по пути к дому. Но было кое-что и другое. В лесу открывался мальчишкам огромный таинственный мир. Этим миром ватага из пяти-шести человек пользовалась в полную меру фантазии, любопытства и предприимчивости.

И была ещё в нашем владении речка. Купали лошадей, доставали раков из нор, в половодье катались на льдинах (за это перепадали нам подзатыльники), ловили рыбу. На зимний Николин день дрались «на кулачки» – стенка на стенку по правилам – с мальчишками соседней Болдиновки (тради-

ция, иссякающая только после войны). Из песни слова не выкинешь, познакомились близко мы и с оружием (находки в прифронтовом лесу). Стреляли из автомата, из винтовки, в лесу взрывали гранаты и пашки толала... И удивляюсь сейчас: никто из нас не утонул, не упал с дерева, не подорвался, опасно не обморозился, не отбился от рук.

И не скажу, что росли мы дичками. Ходили в школу. И много, поразительно много читали. Книги, конечно, были случайные. Но если говорить о КПД их работы, он был огромным. Читали с жадностью! За хорошей книжкой всегда была очередь. И было заведено: прочёл – расскажи! Так мы менялись книжками и тем, что узнали из книжек. И бывало ещё: читали вслух, по очереди. Так, помню, мы проглотили «Путешествие Гулливера», «Как закалялась сталь», «Человек-амфибия», «Айвенго», «Дерсу Узала».

Если б в то время кто-нибудь нам сказал: через десять – пятнадцать лет можно будет дома сидеть у ящика с экраном и видеть, что происходит за тысячи километров, мы бы ни за что не поверили. Но с благодарностью вспоминаю сидения у коптилки. Они многое оставили в наших душах, эти зимние вечера у коптилки!

Что ещё прорастало из детства? Думаю, наблюдательность, желание всё испробовать, всему научиться. В те времена нельзя было ждать, что нужную, необходимую вещь кто-нибудь в дом принесёт и житейское дело кто-то исполнит. За всё подростки брались сами. Учились у взрослых и друг у друга, самолюбие подгоняло: Петька может, а я почему нет?

Не бог весть какими сложными были наши дела по хозяйству. И всё же. Вспоминаю, что мы умели. Мы – это пять одноклассников и одноклассников с одной улицы: Петька Беляев, Володька Смольянов, Васька Миронов, Ваня Немчин и я.

Мы умели косить, подшить валенки, вставить в ведёрко дно, почистить дымоход в печке, заклеить бахилы, умели наладить пилу, отбить косу, подправить крышу, сделать лест-

ницу, грабли, сплести лукошко из хвороста, намесить глину для штукатурки, навьючить воз сена, смолоть зерно, ostrичь овцу, почистить колодец, нагнать на кадку лопнувший обруч. Чернилами по обойной бумаге писали плакаты для школы и сельсовета. В колхозе мы знали, как надо управиться с молотилкой. Научились ходить за сохой в огороде. И в конце концов догадались сделать тележку с колёсами от плужка, облегчившую наши походы в лес за дровами... Такова несложная грамота жизни, которую надо было освоить.

И если уж всё вспоминать, то надо вспомнить и балалайку... Апрель, 1945 год. На просохшей проталине около дома маленький хоровод. Не хоровод даже, а так – собралась ребятня, три старухи сидят на завалинке, пришедший с фронта без ноги парень, ну и, конечно, девушки, ровесницы тех ребят, что ушли воевать. Веселья не было. Грызли семечки. «Под сухую» пели частушки («под сухую» – это значит без музыки: не было ни гармошки, ни балалайки).

– Господи, неужели нельзя добыть какую-нибудь завалящую балалайку! Ребятишки, ну отняли бы у болдиновских...

Скажи это другой кто-нибудь, я бы слова мимо ушей пропустил. Но это сказала она.

Недавно я встретил её случайно. Поздоровались, поговорили о новостях, вспомнили, кого знали. Она сказала:

– А я вас по телевизору видела. Шумлю своим: это же наш, орловский!

– А помнишь, – говорю, – балалайку?

Нет, она не помнила. ...Тогда, весной мне вдруг страшно захотелось добыть для неё балалайку. Ну хоть из-под земли, хоть украсть, хоть в самом деле отнять у болдиновских. Я выбрал самый тернистый путь: решил сделать.

Опустим недельную муку необычной работы... Однажды вечером я пришёл к хороводу, робко держа за спиной балалайку. Моё творение сработано было из старой фанеры, на струны пошли стальные жилки из проводов, лады на ручке были из медной проволоки. Краски, кроме как акварельной, я не нашёл. А в общем всё было, как надо. Да иначе и быть не могло – так много стараний и какого-то незнакомого прежде чувства вложил мальчишка в эту работу. Сам я играть не умел и передал балалайку сидевшему на скамейке инвалиду-фронтовику. Тот оглядел «инструмент», побренчал для пробы, подтянул струны. И – чудо-юдо – балалайка моя заиграла. Заиграла!

Первой в круг с озорною частушкой вырвалась она. И пошла пляска под балалайку.

– Ты сделал?!

Я не успел опомниться, как она, разгорячённая пляской, схватила мою голову двумя руками и звучно при всех поцеловала. Это был щедрый, ни к чему не обязывающий поцелуй взрослого человека – награда мальчишке. А мальчишке было пятнадцать. Мальчишка, не помня себя, выбрался из толпы и побежал к речке. Там он стоял, прислонившись горячей щекой к стволу ивы, и не понимал, что с ним происходит. Теперь-то ясно: у той самой ивы кончилось детство.

Детство... Оно всё-таки было у нас, мальчишек военных лет. Оглядываясь назад, я вижу под хмурым небом этот светлый ручеек жизни – детство. И наклоняюсь к нему напиться.

ЧЕТЫРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТА

Маленькая фотография в старом альбоме. Май 1941-го. На скамейке у деревянного дома 16 мальчишек и девчонок, которые только что окончили 4-й класс начальной школы.

Вторая справа Катюша Гришина. Темноволосая, открытая, лучшая ученица, серьёзная девочка из большой семьи.

Конечно, ребята со снимка не думали о войне. Впереди были летние каникулы. А осенью они все, немного повзрослевшие, пойдут в школу в соседнее село Селенгуш, в пяти километрах от их деревни...

В семье лесничего Ивана Гришина было семеро детей. Жена Евдокия вот-вот должна была родить восьмого. Катюша была третьим ребёнком и вместе со старшими братом и сестрой помогала по хозяйству. О войне Гришины узнали сразу: в

доме у них было проводное радио. Фронт не подступил к Малым Полянкам, но трудности военного лихолетья не минули их. Отца сразу же призвали в армию, и он коротко писал о своей фронтовой жизни.

В первое же военное лето Катя стала совсем взрослой. Старшим детям приходилось выполнять всю работу по хозяйству. Но осенью все пошли в школу. Учебники в семье Гришиных передавались от старших младшим. Поэтому к ним относились трепетно.

Тетрадей не было. Писали на газетах.

– Газеты клали на солнцепёк, они выгорали, я разрезала полосы на несколько частей и сшивала. Получалась тетрадь, – вспоминает Екатерина Ивановна. – В школу ходили гурьбой в любую погоду. Соберёмся до рассвета, идём и поём. Но тяжело приходилось зимой, в мороз. Все мы носили с собой чернильницы, на морозе чернила застывали, и мы отогревали их дыханием. Весной, когда начинали таять снега и в оврагах собиралась вода, мы снимали обувь и переходили вброд босиком. В начале войны мы грустными взглядами провожали солдат, идущих на фронт. Идём в школу и наблюдаем за движением серой ленты конных упряжек, грузовиков. Слышим шуршание подошв солдатских сапог.

Бредут солдаты усталые, хмурые, словно в себя погружённые. Мама советовала сторониться их, а мы их почему-то не боялись, но думали, как бы нам побыстрее вырасти и пойти на фронт помогать им сражаться с врагом.

Летом 1942-го всех школьников отправляли на прополку колхозных полей. Катюша траву рвала руками, а у кого были цапки или грабли, те рыхлили землю. За это давали 200 граммов муки.

– Мама варила суп из лебеды или крапивы, добавляла немного муки – получалась каша. Её и ели.

Кате доверили возить снопы на колхозный ток. Запрягала лошадь, на телегу грузила колосья и везла. А после жатвы детвора собирала колоски, оставшиеся в поле.

– Руками растирали их и высыпали зерно в отдельный мешок. И, знаете, никогда не было мысли хоть одно зерно съесть. Хотя от недоедания мы буквально светились насквозь. Но знали, что солдатам на передовой хлеб нужнее, чем нам.

В 1944-м Катюша закончила седьмой класс. Мечтала поступить учиться в медицинский, но брата призвали на фронт, а старшая сестра уже закончила школу, и, чтобы она пошла учиться дальше, Кате пришлось нянчить младших. Она была уверена: когда Валя закончит учиться, она всем поможет.

В конце 1943-го письма от отца перестали приходить. 19 сентября 1944 года 15-летнюю Катерину приняли на работу на почту в село Мамыково в 15 километрах от родных Малых Полянок. Девчужка жила на квартире у одной из почтальонок.

– Я получала 49 рублей, половину отправляла маме, остальные уходили на оплату жилья и на питание. Пошла в вечернюю школу.

На почте Катя сортировала письма и посылки. То время она запомнила более всего тем, как на почту приносили из военкомата «извещения о гибели военнослужащих», прозванные в народе «похоронками». Получить их боялись в каждом доме. А если кому-то приносили, то об этом узнавали сразу все, услышав крики и рыдания овдовевшей жены или матери погибшего. Катя боялась, что первой может увидеть «похоронку» на отца. Но о нём не было никаких вестей.

Лишь в начале 1945-го он написал, что его направили на военный завод в Пермь. В конце 1943-го он был ранен, попал в окружение, потом в плен. Бежал, был в партизанах. Но как

побывавший в плену был отправлен на режимное предприятие и к жене и детям не вернулся.

В 1946-м Катя поработала в райисполкоме архивариусом, потом уехала в Нижний Тагил, где занималась с призывной молодёжью в военкомате.

29 марта 1948 года Екатерина Гришина получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945-гг». К ней много позже прибавилась медаль «Ветеран труда».

А тогда она встретила своего будущего мужа лейтенанта Василия Калипарова. Со временем у них родились двое сыновей. Семья побывала во всех крайних точках большой страны в полном соответствии с офицерской поговоркой «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». Кушка, Серахс, Мары, Курилы, Калининград, Севастополь – это лишь часть их семейной географии. В Крым приехали в 1962-м и в нём обосновались. Тут отпраздновали золотую и бриллиантовую свадьбу.

РОСЛИ ВСТРЕЧ ПОБЕДЕ

Повезло родиться мне,
Когда лето
Набирало света
В нашей зябкой стороне.
Но беда! Война была близка.
Налетали с воем самолёты.
Были в полночь их налёты –
Убивали бомбы и тоска.
Их ракеты – жуткое страшило...
Но вставало рано лето,
И висящие над городом ракеты
Солнце своим заревом тушило.
Осенью им стало не до нас,
Стали реже их налёты.
Вниз по Волге затевалось что-то.
Наступал их смертный час.
Похоронок ещё больше стало,
И не счесть ещё нам бед...
Детвора военных лет
Встреч Победе подрастало.

МИННОЕ ПОЛЕ

В пятнадцать лет он стал сапёром
И в общем-то не мог не стать:
Полей широкие просторы
Нельзя оставить пустовать
И оставлять страну без хлеба.
А враг оставил всюду мины,
Ступи – и взрыв взметнётся в небо...

И так везде, по всем равнинам.
Мальцов учили мины выявлять
И выставять флажки над ними,
Чтоб их могли к рукам прибрать
Владевшие приёмами иными.
Их обучал усталый фронтовик,
Оставшийся без пальцев после взрыва.
Его напарник навсегда поник,
Закинутый на сломанную сливу.
Солдат учил: «Собой владей.
Без этого нет шансов выжить.
Сапёр из фронтовых людей
К улёту в смерть всех ближе».
Он их учил, как грунт сметать,
Сдуть, металла не касаясь –
С утра до ночи эта маята...
И всё, уже на поле собираясь,
Они слышали вдогон
И чуть приметно отмахнулись.
Но вспомнили, чему учил их он,
Когда над минами нагнулись.
Склоняясь, осторожно дул,
Покуда проводок не обнажился.
Избавившись от всяких дум,
Кусачками мгновенно приложился...
Со лба свалилась капля пота.
И после так же, без промашки,
Он резал проводки без счёта
И пролил пота – выжимай рубашку.
Как бы распутывал он сеть,
Чтоб извлекать губительные диски.
А тех, кого вдруг накрывала смерть,
Везли в гробах по месту их прописки.
По их следам тянули плуги танки.

Как в старь, швыряли семена рукой...
Не слышал он о прядших судьбы Парках,
Но рядом шла одна из них с клюкой.
И вот за полем возле сада
Задел неловко проводок –
И ярость жгучего заряда
Ему разворотила бок.
Год целый паренька латали:
Магнитом извлекли металл,
Скрепляли кости и ломали.
В конце концов он всё же встал
С рукой висящей, с одним глазом
И на ухо одно глухим.
Не жаловался он ни разу,
Хоть заговаривали с ним.
Он прожил жизнь, достойную солдата,
Хотя и генеральство б мог поднять.
Он твёрдо знал: война лишь виновата,
А на судьбу не помышлял пенять.

НО НИЧЕГО

Я помню нищету в квартире коммунальной,
Где были мы бедней соседей-бедняков.
Питались мы едою ирреальной,
Чтоб ангелам поднять было легко.
Но ангелы напрасно не летают:
Дано нам было жизнь свою прожить
И лица умыть водою талой,
И людям, как уж суждено, служить.
А в пору ту держались мы на братстве
Людей, вернувшихся с фронтов, из лагерей,
Конечно, не наживших там богатства –
Всё потерявших там скорей.

Им бабушка из ношенных шинелей
Пальтишечки гражданские тачала.
Они платили тем, что сами ели,
И было столько в их глазах печали...
Сравнить то время с нынешней порой,
Как выйти из реки в пустыню.
Тогда двухзвёздочный Герой
В любом мальчонке видел сына
И норовил пригреть и приласкать,
Кусочек сахара вложить в ладошку...
Об этих людях душу рвёт тоска,
Что выброситься хочется в окошко.
Детей войны страна не привечает,
Хотя они уже наперечёт.
Но ничего... Поим друг друга чаем,
Глядим, как время в никуда течёт.

МЕЛ

Мы все сковыривали мел
Со стен и кладки печек,
И каждый потихоньку ел,
И я был в том замечен.
Где было кальция нам братъ
В послевоенном мире,
Когда турнепс, смешно сказать,
Был украшением пира,
Какой справляли огольцы,
Стянув кусочки хлеба.
Турнепс, а то и огурцы
Считались даром неба.
Но ни турнепс, ни жёсткий мел
Нас кальцием не наполняли.
Его нехватку претерпел:

Гипс на ноги мне надевали.
А в первый раз не так срослось –
И кости мне опять ломали.
Но всё я в общем перенёс,
И молоко в меня вливали.
А было бы как нынче молоко
И творог с маслицем из пальмы,
Я вряд ли б ездил далеко
И в жизни выбрал бы маршрут недалний.
Но всё ж хрустел на слабых зубках мел,
Пыльцой нам обволакивая нёбо.
Я на земле дела вершить сумел,
А сверстникам дела нашлись за небом.
И мелом в космосе хрустя,
Они дверь приоткрыли во Вселенную...
Мне внуков жаль. Без мела их растят
И зубы чистят с фтором пастой пенною...

ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ

Скоро детворе военных лет,
Как из Красной книги птицам,
Счёт пойдёт на единицы.
Так вершителей побед
То и дело поверяют:
Каждый день уходят ветераны –
У кого-то вновь открылись раны,.
Или же открылись врата Рая.
И у нас, детей войны,
Тоже от войны набор болезней...
Ели лебеду. Но был полезней
Мел, который брали из стены.
Набивали мы свои желудки
Корешками и любой травой.

Даже странно, что ещё живой,
Несмотря на рацион тот жуткий.
Не спешат за голод, холод, тьму
Нам, что полагается, воздать.
Были б живы бабушка и мать,
Всё бы высказали кой-кому.
Но остались мы наедине
С множеством великим бюрократов,
Облепивших всё, как пень опята,
Им не внять, как было на войне.
Не понять, как обмирали мамы,
Похоронку получив с войны,
И выросли пацаны страны
По войной предписанной программе.
Сколько их лишились рук и ног,
Подобрав гранату или мину,
В жилах кровь, боюсь, застынет,
Если огласят такой итог.
Век наш прожит нами в детстве,
Всё, что после, — к детству приложенье.
Ветераны мы давно по положенью,
Но на нас жалеют тратить средства.

КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Ну что же — всё красней закат
Для всех военных лет ребят,
И от него — походный запах,
Зовущий их туда, на запад,
Куда ведут следы отцов,
Там разгромивших наглецов,
Напавших на их отчий дом,
Подвесивших мир над огнём.

Немало полегло от залпов
Лицом на этот самый запад...
Теперь детей пришёл черёд.
Давно рedeющий народ
К отцам по-тихому уйдёт.
Кто без вниманья жизнь прожил
Не станет и в гробу тужить,
Что без салюта похоронят
И флаг на сердце не уронят.
Родившись под грозой войны,
Они дождутся тишины.
Ну что же – всё красней закат
Для всех военных лет ребят.

ЛЖЕТВОРЦЫ

Когда «творцы» иной породы
Снимают фильмы о войне,
То в них воюют люди вроде,
Но эти люди вроде бы извне.
Чекисты-изверги судьбу решают боя,
Приставив пистолет полковнику ко лбу,
А в Краснодаре пареньки-ковбои
Ведут с фашистами, как в вестерне, борьбу.
Так что, смогли бы победить
Избитые до полусмерти?
Где кровь им взять, чтоб кровь пролить?
Ложь – на экране. Ей не верьте.
Она чернит безбожно всех,
Кто от армад железных отбивался,
Кто с Волги развивал успех,
А не в постели с бабами валялся.
Кто дрался не на смерть, а на живот

За Родину, за отчий дом,
Где женщина, он верил, его ждѣт
И, голодая, кормит всех трудом.
Вот было как, а не иначе,
Как лгут манкурты нам с экрана...
Им лгать поставлена задача
На Западе, за океаном.
Им надо russet boys внушить,
Что в общем-то американцы
Смогли фашистов сокрушить
При помощи союзников-британцев.
Вернуть бы, что ли, пору ту,
Чтобы под тех, кто эту «липу» гонит,
Могли бы «подвести черту»
В расстрельный день на полигоне.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ: НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ. ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

КАК КОВАЛИ ПОБЕДУ

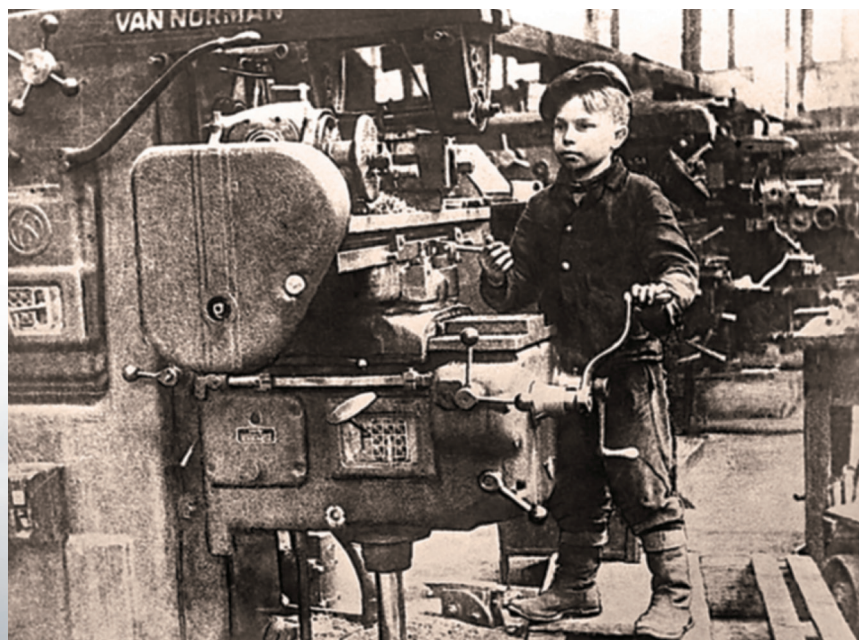
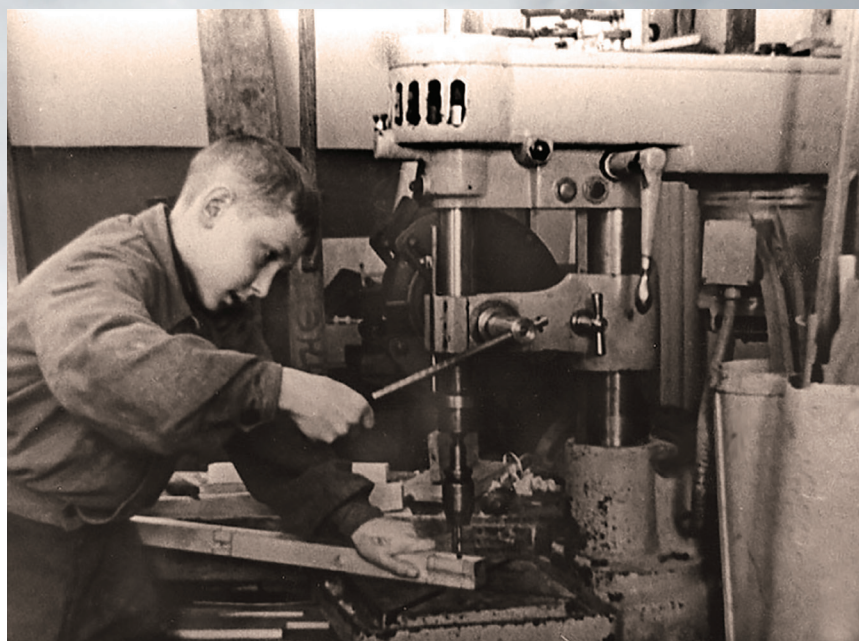

СОДЕРЖАНИЕ

Когда вся страна стала фронтом	3
--------------------------------------	---

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

Крым. Хроника военных лет	8
---------------------------------	---

Татьяна Соболевская. Симферополь в 1944–1945 годах.....	32
---	----

Вместе оборонялись, вместе шли в атаку

Вячеслав Демченко. Керченский «дом Павлова» ..	49
Аллегро с огнём.....	55

Ибрагим Факидов. Фарадей с 1933 года	63
---	----

Факидов – племянник Фарадея.....	68
----------------------------------	----

Николай Готовчиков. Боевая подруга.

Мария Октябрьская	75
Танкистка Кострикова	89

Ангелы смерти. Людмила Павличенко	91
--	----

В метро по Дороге жизни. Владимир Фролов	94
---	----

Черкасовцы. Александра Черкасова	98
---	----

Людмила Овчинникова. Для всех пример	101
---	-----

Владимир Фролов. Возрождение «Русской Трои» ..	112
---	-----

Виктор Балахонов. Из руин и пепла	123
--	-----

Хранители Большой Ялты. Борис Балашов	128
--	-----

Сталинградская закалка. Екатерина Бирюкова	133
---	-----

Дважды героиня, жена партизана. Мария Брынцева ..	139
--	-----

Солнечные ягоды «Судака». Мария Князева	150
--	-----

Герой оставил две тысячи потомков. Марк Брага	153
--	-----

Выехал на жатву на двух комбайнах.

Яков Михайличенко	156
--------------------------------	-----

А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!

Прасковья Ангелина, Нина Кострыкина	158
--	-----

Юрий Рост. Хлеборобы войны.....	165
А ну-ка, парни! Владимир Кошман, Иван Балаховский, братья Болсуны, Георгий Челядинов	169
Ялта в феврале 1945 года. Иосиф Сталин	176
Лев Рябчиков. Задымлённый рассвет.....	190

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Игорь Пасечников. Пионер-разведчик из Феодосии. Витя Коробков	192
Народный мститель. Володя Дубинин	193
13-летний воин. Валера Волков	194
Отважная керчанка. Валя Иванова	196
Братья Стояновы	197
Татьяна Керусова. Партизан Лёня Дымченко	200
Самая длинная смена «Артека»	212
Светлана Макаренко. Рецепты жизни Петра Набиркина.....	222
Светлана Макаренко. Тетрадка из военного детства Тамара Осипова	228
Елена Володина. «Сегодня день гибели Леночки Озеровой... И со мной такое могло быть» ...	232
Г. Марьяновский. Ташкентский вокзал.....	240
Елена Володина. Снаряды рвались трое суток Валентина Балашова	254
Леонид Терентьев. Тихий подвиг.....	257
Я. Каменецкий. Дневник Миши Тихомирова.....	262
В. Кабанов. Клаус – Володя	279
Василий Песков. Коробок спичек	284
Светлана Макаренко. Четыре военных лета. Екатерина Калипарова	299

Лев Рябчиков.

Росли встреч Победе	303
Минное поле	303
Но ничего	305
Мел.....	306
Из Красной книги.....	307
Красный закат.....	308
Лжетворцы.....	309

КАК КОВАЛИ ПОБЕДУ.....	311
-------------------------------	------------

Литературно-документальное издание

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

**На трудовом фронте
Дети военной поры**

Книга четвёртая

Редактор-составитель **Л. А. Рябчиков**

Компьютерная вёрстка и дизайн **Андрея Веселова**

Подписано в печать . . 2020 г. Формат 60х84¹/₁₆ .
Гарнитура «Peterburg». Усл. печ. л. . Объём печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в